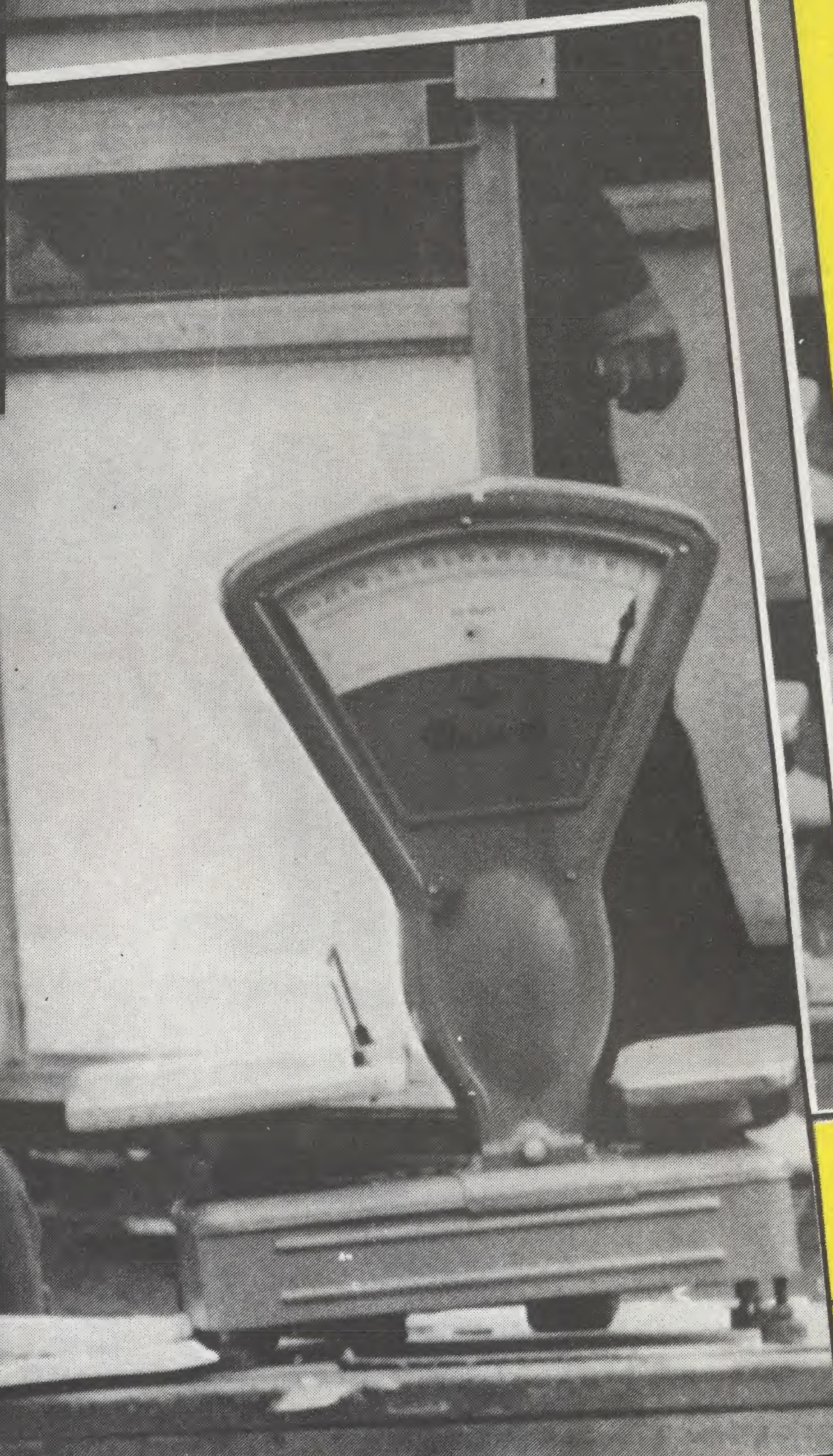
ПИОНЕР 11 1988

ISSN 0130—8009

Фотографии
М. ВЫЛЕГЖАНИНА,
А. ГУРАРИЯ.

ПРЯМАЯ РЕЧЬ:

«ХОЧУ ЗНАТЬ ПРАВДУ ОБО ВСЕМ!»

«Всем известно, что каждый человек неповторим, а из нас лепят нечто образцово-показательное, по стандарту. Взрослым нужно, чтобы мы говорили то, что им хочется услышать. А как только мы заикнемся о какой-нибудь из больных наших проблем, то начинают кричать...

Меня мучает один вопрос. Сейчас в газетах, журналах пишут, говорят по телевидению и радио, что Сталин был такой-сякой, репрессии и голод в 30-х годах на его совести, обвиняют, что много людей хороших погубил. Я спросила свою бабушку (ей 64 года): «Ты что думаешь о Сталине?» А она ответила: «Когда я жила в деревне, мы верили в Сталина, как в бога. Если бы не Сталин, не победили бы мы в войну». Я спросила затем своих родителей о Сталине. Они, подумав недолго, ответили: «Учись, дочка, работать скоро пойдешь! Это тебя не касается. Знай свое дело и больше никуда не суйся!» А я знать хочу правду! Обо всем!»

Лена Зуева, г. Пермь.

«...Когда я была в 4-м классе, у нас был сбор. Нам говорили о плохих людях: преступниках, наркоманах. Рассказывали, что пить и курить вредно. Даже о проституции и СПИДе нам рассказывали. И вот выходим мы вечером из школы. Как всегда, проходим мимо дома № 4, а там, на лавочке, наши же шефы, которые час-два назад выступали на сборе, курят вместе с ребятами, под лавкой валяются пустые бутылки из-под водки, лица у всех пьяные, матерятся... После этого я не только перестала слушать на сборах, что они говорят, а вообще потеряла уважение к ним и как к вожатым, и как к людям».

Саша Иванова, Московская область.

«...Я — председатель совета дружины. Считаю, что советы дружин стали не штабами, организующими работу, а скучными информационными центрами. В положении о Всесоюзной пионерской организации сказано, что жизнь пионеров должна быть наполнена игрой, мечтой и революционной романтикой. Какая там романтика!? У нас все так серьезно, что прямо поражаешься. Не детская организация, а совет министров какой-то».

Марина Николаева, г. Куйбышев.

Фотография А. КРУПНИКОВА.

«...Постепенно в нашей школе стали происходить перемены. 1 сентября мы увидели много-много цветов, чистоту и порядок. Казалось, школа превратилась в цветущую лужайку. В библиотеке появились интересные книги. А наша столовая называется «Сказка» не зря: там очень красиво и уютно. Ребята летом сами здесь трудились. Наши старшеклассники могут сами выбирать любую специальность, по которой они будут работать в УПК. А всего 12 профессий. Наш город маленький, и 12 профилей для него очень много...

Все это делаем мы вместе, учителя и ученики. Наверное, это и есть перестройка...»

Аня Подоляко, г. Белгород-Днестровский.

ПИОНЕР

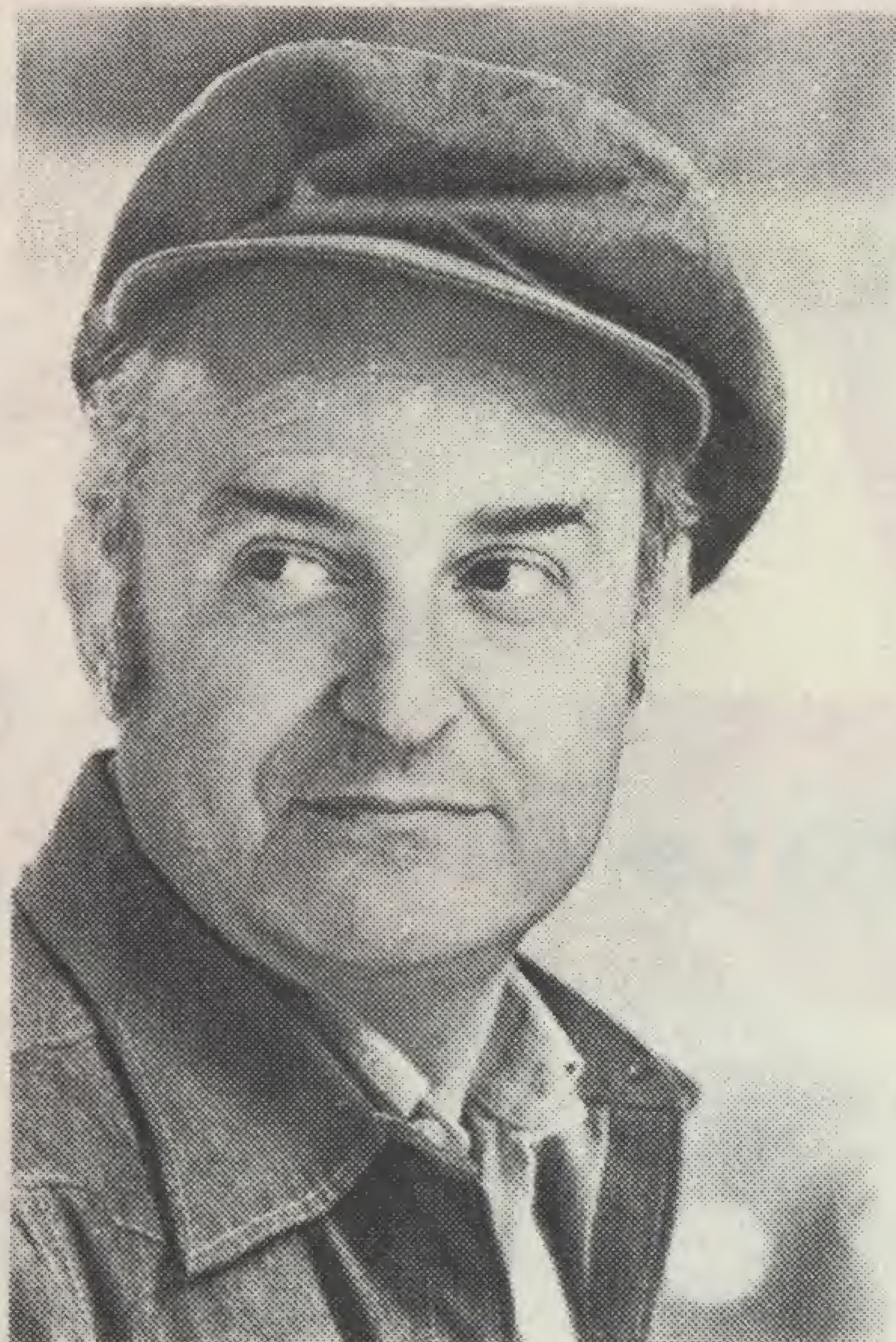
Выходит с 15 марта 1924 г.

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

НОЯБРЬ 11

Москва, 1988

● Издательство «Правда»

Фотография А. КАРЗАНОВА.

КТО ГЕРОЙ?

Вопросы... Вопросы... Много, быть может, миллион вопросов. Собственно, они появлялись всегда. Только редко покидали стены наших квартир. Сейчас, как говорил Виталий Алексеевич КОРОТИЧ (смотрите «Пионер» № 10), то, о чем мы шептались на кухне, вышло на страницы газет и журналов. И это, на наш взгляд, один из главных и обнадеживающих признаков того, что во всем мире называют коротко и ясно — «ПЕРЕСТРОЙКА».

О каких же вопросах речь пойдет на сей раз? Опять о наболевших. О нашей недавней истории. В общем, о тех, над которыми до недавнего времени в нашей прессе размышлять было не принято. Но мы рады, что вы, наши читатели, над ними задумываетесь.

«Почему сталинский культ разоблачен только после его смерти? Где же были разоблачители при его жизни?» — спрашивает Оксана Зинченко из Днепропетровска. «Когда Сталин был жив, все его прославляли, а умер — стали ругать. Разве это честно?» — вторит ей Петя Кожевников из поселка Хант-Северное Сияние.

И таких вопросов в нашей редакционной почте не счесть. Действительно, почему, видя чудовищные беззакония, люди молчали? Почему не оказали Сталину и сталинизму сопротивления тогда, при его жизни, а не после? И неужели не было никого, кто бы все-таки выступил против него?

Мы попросили ответить на это Аркадия Иосифовича ВАКСБЕРГА, обозревателя «Литературной газеты», писателя, юриста. Человека, который даже в застойные годы не боялся самых острых вопросов.

— ИЗ времени сегодняшнего всегда легко судить о времени прошедшем. Мы независимы от его законов и условностей. Больше знаем. Проще выводим закономерности и делаем выводы. На мой взгляд, это правильно. Каждое предшествующее поколение выносило свои споры и апеллировало к суду потомков. Но чтобы этот суд был правым и справедливым, надо иметь очень точное историческое понимание того, что же именно происходило в то время, о котором мы собрались судить. В нашем случае — о времени правления Сталина.

Прежде всего хочу напомнить, что Сталин не появился вдруг, из-под земли, как некое исчадие ада. Он **действительно** был человеком из ближайшего окружения Ленина. Он **действительно** входил в состав первого Советского правительства, в Центральный Комитет партии. И все это при жизни Владимира Ильича. С именем Сталина были связаны серьезные военные и политические акции в период становления нашего государства.

Тогда в партии и в стране велись оживленные дискуссии по самым различным вопросам. Это было нормой. Практически все члены руководящего ядра партии принимали в них участие, много выступали в печати и публично. Участвовал в дискуссиях и Сталин. Он даже считался одним из активных партийных публицистов. К тому же участвовал в работе всех съездов партии, выступал на всех съездах...

В 1922 году он стал Генеральным секретарем ЦК. Тогда этот пост по своему значению даже в отдаленной степени не давал занимающему его человеку те полномочия, которые имеет Генеральный секретарь сегодня. Это был скорее пост «технический» — для выполнения текущей организационной работы. Но Сталин использовал его в своих целях — для сосредоточения власти в своих руках.

Это вовремя и с необыкновенной проницательностью заметил Ленин. Он попытался предостеречь партию от последствий развития некоторых сторон характера Сталина: грубости, властности, нетерпимости к какому-то ни было возражению, к чужому мнению... Все это вы можете прочесть в последних статьях и письмах Ильича, получивших впоследствии название «Политическое завещание» Ленина. Оно должно было быть оглашено на съезде, где сам Владимир Ильич по болезни уже не мог присутствовать. А до того момента он хотел держать его в полнейшей тайне.

Но Сталин, однако, узнал о том, о чем раньше времени знать был не должен: секретарь Ленина, Лидия Александровна Фотиева, человек, очень близкий Владимиру Ильичу (на нее как раз и возлагалась обязанность хранить все бумаги в тайне), передавала Сталину одну из машинописных копий всех продиктованных Лениным страниц.

Я думаю, данный поступок еще в должной мере не оценен — не только как факт биографии Фотиевой, но как симптом, который дал о себе знать еще при жизни Ильича, и в самом что ни на есть штабе партии, где, по крайней мере до этого, к каждому слову Ленина относились с величайшим уважением, вниманием и пониманием. Как симптом, который, увы, очень скоро дал свои трагические всходы.

Вскоре Зиновьев и Каменев (при всем моем сострадании к их дальнейшей судьбе — из песни слова не выкинешь), объединившись со Сталиным для борьбы с Троцким, поддержали решение: письмо Ленина на съезде не оглашать. Оно было зачитано на XIII съезде лишь по делегациям, да притом еще с комментариями весьма субъективного толка. Естественно, не были выполнены и рекомендации Ильича: Сталин, видите ли, пообещал исправиться и учесть замечания Ленина.

Воля вождя была нарушена. А уж если ее можно было нарушить в ТАКОМ вопросе, то почему не нарушить и впредь?.. Началась цепная реакция предательств.

Великолепно, с восточным коварством, с присущей ему жестокостью и несомненно проницательным умом использовал Сталин факты этих предательств и далее действовал по давно известному в политике принципу: разделяй и властвуй. Кооперируясь — то с Каменевым и Зиновьевым против Троцкого, то с Бухариным, Рыковым и Томским против Каменева и Зиновьева,— демагогией и лицемерием он пробивался все дальше, сосредоточивая все больше власти в своих руках. Вокруг него образовалась группка льстецов и подхалимов. По обстоятельствам, закономерным для них самих, но трагическим для судеб страны, среди льстецов оказались наиболее бездарные деятели партии. Именно они помогли стать Сталину единоличным диктатором. Именно они создали ему в стране высочайший общественный авторитет.

Они и, к сожалению, те, кто никак не мог, или не хотел, или не умел понять, к чему все это может привести. Но действовал тут не один-единственный страх перед Сталиным, перед начинавшим вовсю вращаться кровавым маховиком его репрессивной машины. Боялись многие руководящие большевики — а среди них было большинство абсолютно честных людей — и другого: раскола в партии, обнародования существующих разногласий, которые якобы нанесут непоправимый урон грядущей мировой революции. Это были люди **идеи**. И еще — партийной **дисциплины**...

Сталин совершил подмену понятий: несогласие с ним, со Сталиным, приравнивалось к несогласию с советским общественным строем, критика Сталина — к измене Родине. Даже в страшном сне, наверное, никому не могло присниться, что спор с Лениным (а кто с ним только не спорил!) означает измену делу партии. Сталин же все поставил с ног на голову.

Как? Каким образом? И в какой конкретно момент произвел Сталин эту подмену? Все эти вопросы еще ждут своих исследователей. Но подмена произошла. Мы и сегодня ощущаем ее отголоски.

И все же (даже если б не были известны вполне конкретные лица, выступившие против Сталина и его антиленинской линии) можно ли предположить, что в великой стране с великими демократическими традициями, в стране с высочайшей культурой, в стране, где дух гуманности, мудрости и проницательности существовал столетиями; в стране, которая освещала путь мировой цивилизации, или, во всяком случае, была достойно представлена в ней лучшими своими умами,— что в такой стране вдруг наступило полное затмение и не нашлось никого, кто бы реально оценил обстановку, не поддаваясь стихии, демагогии и стадному чувству, на которое довольно точно сделал расчет диктатор?!

Были такие люди!

Было сопротивление сталинизму!

Не все, далеко не все поддались страху и отчаянию, затмению и гипнозу, маразму и экстазу!

«На всю страну надет намордник, бесправие, произвол и насилие, постоянные угрозы висят над головой каждого рабочего и крестьянина. Всякая революционная законность попрана!.. Учение Маркса и Ленина Сталиным и его кликой бесстыдно извращается и фальсифицируется... Борьба с оппортунизмом опошлена, превращена в карикатуру, в орудие клеветы и террора против самостоятельно мыслящих членов партии. Права партии, гарантированные Уставом, узурпированы, уничтожены кучкой беспринципных политиканов. Демократический централизм подменен личным усмотрением вождя, коллективное руководство — системой доверенных людей.

...Всякая живая, большевистская партийная мысль угрозой исключения из партии, снятием с работы и лишением всех средств к существованию задушена; все подлинно ленинское загнано в подполье; подлинный ленинизм становится в значительной мере запрещенным, нелегальным учением.

...Ни один самый смелый и гениальный провокатор для гибели пролетарской диктатуры, для дискредитации ленинизма, социалистического строительства и социализма, для взрыва их изнутри не мог придумать ничего лучшего, чем руководство Сталина и его клики...

...Кто не видит этого ига, не чувствует этого произвола и гнета, кто не возмущается им, тот раб, а не ленинец, холоп, а не пролетарский революционер...»

Когда написаны эти строки? Вчера? Сегодня? После двадцатого съезда партии?

П. А. БЕЛОВ. «ПРОТАЛИНА. БУЛГАКОВ». 1986.

В 1932 году!

Тогда, когда сталинская машина репрессий еще только набирала обороты.

Автор этих яростных, обжигающих своей правдой слов — Мартемьян Никитович Рютин. Он родился в крестьянской семье в Сибири, в 1890 году. Двадцатичетырехлетним молодым человеком вступил в партию большевиков, учительствовал, в гражданскую войну был командующим войсками Иркутского военного округа, заместителем председателя Иркутского губисполкома и секретарем Иркутского губкома партии, с 1923 года работал секретарем Дагестанского обкома партии, позже — секретарем Краснопресненского райкома партии в Москве, редактором «Красной звезды», членом президиума Всесоюзного Совета Народного Хозяйства и, в самом конце, председателем Управления фотокинопромышленности. Избирался делегатом XIII, XIV, XV и XVI съездов, нескольких Всесоюзных партконференций...

Нет, он не принадлежал, как теперь говорят, к высшим эшелонам власти. Там, в высших эшелонах (не позволим себе из сострадания к участи погибших изменить правде), шла драматичнейшая борьба за власть. Пусть она велась с принципиальных позиций, пусть у одной стороны — например, бухаринской — была абсолютно ясна концепция построения социализма, все же речь шла о том, кто придет к руководству партии, кто станет у руля. Для Рютина вопрос так не мог стоять. Им двигала лишь идея, лишь истина, лишь благо Отечества...

И Рютиным. И его группой. Да, да — группой. Потому что он был не одинок. Рядом с ним были рядовые партийцы, его друзья — рабочие, служащие... Даже один профессор. Ни в какой момент эти люди не ощущали себя «винтиками», рабами, призванными выполнять какие-то «мудрые решения», они мыслили самостоятельно, анализировали самостоятельно и всегда считали себя лично причастными к тому, что происходит в ИХ стране и в ИХ партии.

Они составили на двухстах страницах документ. Он вошел в историю под названием «платформа Рютина». К «платформе» обычно приклеивались все мыслимые и немыслимые бранные эпитеты: кулацкая, контрреволюционная, фашистская, реставрация капитализма... В общем, черт-те что! На самом деле это был блестящий научный анализ положения в стране и партии, пути выхода из него. Если изучать его сегодня, то создается ощущение, что перед тобой передовые нынешних газет или решения XIX партконференции. Кстати, платформу Рютина поддержал и Бухарин.

Однако самого Мартемьяна Никитовича выгнали за нее из партии и передали дело в ОГПУ. Но шел 1931 год, времена относительно легкие. ОГПУ Рютина оправдало. Его даже восстановили в партии и предоставили хоть и мелкий, но все-таки руководящий пост.

Казалось бы, Рютин должен был воспринять урок, сделать выводы. И он их сделал. Только не те, которые ожидались его гонителями.

В 1932 году он пишет манифест «Ко всем членам ВКП(б)». Тот самый манифест, который я только что так обильно цитировал.

Сегодня, обогащенные горьким и убедительным историческим опытом, зная достоверно, а не предположительно, чем заплатила страна за властолюбие и жестокость одного человека, которому услужливо поддакивали и помогали несколько «поставивших на вождя» политических игроков, мы можем более или менее уверенно судить о прошлом. Рютин не знал и не мог знать всего, что нам предстоит, но точность его анализа просто поражает.

Если он и его группа могли с такой точностью предвидеть будущее страны, они, как вы понимаете, не заблуждались и относительно своей собственной участи. А ведь у них тоже были семьи, дети... Но они не могли иначе...

Мало того. То же самое, что Рютин написал в своем «обращении», он сказал двумя годами раньше глаза в глаза Сталину. Быть может, не с такой чеканной точностью, не в полном объеме, но — то же самое! и — глаза в глаза!

23 сентября 1932 года Мартемьян Никитович Рютин был вновь исключен из партии и арестован. Сталин требовал расстрела. Воспротивились Киров, Орджоникидзе, Куйбышев, некоторые другие члены Политбюро. Через две с половиной недели суд вынес приговор — 10 лет тюрьмы. Газеты, не вдаваясь в подробности, писали о «контрреволюционной банде».

В 1936 году топор, занесенный над головой любого человека, не в силах уже остановить даже члены Политбюро. Им впору было опасаться за свою голову. Вот тогда-то «великий вождь народов» и вспомнил о скромном узнике «Суздальской тюрьмы особого назначения». Рютина переводят в Москву. 10 января 1937 года, через несколько минут после короткого судилища, его не стало.

Погибли в сталинских застенках жена Рютина, его сыновья — Василий и Виссарион, «отмотала» восемнадцатилетний срок по лагерям его дочь — Любовь...

И только 13 июня сего года пленум Верховного суда СССР снял с честного имени бесстрашного борца со сталинщиной Мартемьяна Никитовича Рютина все облыжные обвинения, которые на него возвели «законники» тех ужасающих лет.

Так что напрасно сегодняшние пионеры сомневаются в существовании смелых людей в партии. Они были! И не их вина, а беда, что сталинский террор оказался сильнее.

В коротком журнальном материале я не смогу, конечно, рассказать обо всех, кто не покорился, кто оказал открытое сопротивление «вождю всех времен и народов». О них надо писать книгу. Быть может, даже книги.

И если бы я взялся за эту работу, я бы рассказал о Федоре Раскольникове, герое революции и гражданской войны, соратнике Ленина, блестящем писателе и дипломате, заявившем во всеуслышание Сталину в своем открытом письме:

«С помощью грязных подлогов Вы инсценировали судебные процессы, превосходящие вздорностью обвинения знакомые Вам по семинарским учебникам средневековые процессы ведьм.

Вы заставили идущих с Вами с мукой и отвращением шагать по лужам крови вчерашних товарищей и друзей. В лживой истории партии, написанной под Вашим руководством, Вы обокрали мертвых, убитых и опозоренных Вами людей и присвоили себе их подвиги и заслуги».

Я бы рассказал и о воронежских десятиклассниках, создавших в конце сороковых годов Коммунистическую партию молодежи, стоявшую на твердых ленинских позициях. О ней недавно написал в журнале «Знамя» поэт Анатолий Жигулин — один из лидеров этой организации.

Сегодня я частенько слышу возгласы: мол, раскрывая всю грязь прошлого, вы лишаете нас героев. Это не так. Наоборот, я хочу, чтобы героев у нас было как можно больше! Только кто герои? Для меня герои — Рютин и Раскольников.

Все, кто попадал в кровавую сталинскую мясорубку, достойны памяти и сострадания. За это проголосовала XIX партконференция, постановив увековечить память жертв сталинских репрессий. За это голосуют миллионы людей, переводя свои деньги на строительство этого мемориала. Но среди этого горестного списка были и такие, что встретили смерть стоя, а не на коленях, не ждали ее, а шли ей навстречу. Дрались, а не искали спасения любой ценой. Были готовы на любые жертвы ради спасения ленинизма. Они — истинные герои.

И я верю, что именами Рютина, Раскольникова и других борцов со сталинизмом еще будут названы города, улицы, школы и пионерские отряды.

Записал Николай ЛАММ.

БОРОТЬСЯ И ИСКАТЬ, НАЙТИ И НЕ СДАВАТЬСЯ!

ВПЕРЁД

ЮНКОРОВСКАЯ ГАЗЕТА ЖУРНАЛА «ПИОНЕР» НОЯБРЬ 1988

ЭТОТ ВЫПУСК ПОДГОТОВИЛИ ДЕЛЕГАТЫ ВСЕСОЮЗНОГО СБОРА АКТИВИСТОВ ПЕРЕСТРОЙКИ.

Делегаты Всесоюзного сбора готовились к встрече с делегатами XIX партийной конференции. Юнкоры стенной артековской газеты «Импульс» Сергей Шевченко, Катя Ханхасаева, Миша Назаров и Денис Денисенко заранее опросили ребят (и девочек тоже), какие вопросы они хотели бы задать делегатам конференции. И самые актуальные записали:

СПРАШИВАЙТЕ, МАЛЬЧИКИ

КТО НАМ ПОМОЖЕТ?

Антон Доброногов (г. Киев): Возможно ли юридическое закрепление решения IX слета? Чтобы оно стало законом не только для нас, но и для ведомств и организаций. Одним пионерам невозможно воплотить это решение в жизнь. Если бы я был взрослым, я бы помог каждому пионерскому отряду завести сберкнижку, деньги на которую мог бы класть и снимать председатель совета отряда.

Сергей Омельчук (г. Киев): Почему на работу принимают только с 14 лет? Ведь школьник, будь он пионером или октябренком, может выполнять посильный труд и получать за это деньги в любом возрасте. На месте многих руководителей предприятий я бы создал трудовые коммуны для ребят, желающих работать, и не ставил бы ограничений в возрасте.

Оля Прозорева (г. Рязань): Почему пионерской организацией не занимаются работники аппаратов партийных органов? Я бы при каждой партийной организации создала консультативный центр по изучению проблем пионерской жизни и оказанию нам конкретной помощи.

Да, такие проблемы пионерам самим не решить. Но ведь их интересы представляет Центральный совет ВПО имени В. И. Ленина. В следующем выпуске газеты «Вперед» **первый заместитель председателя ЦС Лидия Николаевна ТИМОФЕЕВА** расскажет, возможно ли выполнить эти предложения ребят.

ИСТОРИЯ В КАРТИНКАХ

НОВОСТЬ

В предыдущем номере вы прочитали, как специальные корреспонденты газеты «Вперед» в назначенное время появились на открытой эстраде дружины «Кипарисной», чтобы послушать дискуссию «Пионерская организация. Какой ей быть?»

Но... Эстрада была пуста, а вожатый 3-го отряда Нико́ ошеломил их новостью: «Пионерскую организацию решено распустить. Разве вы не слышали? Пойдемте в мой отряд, узнаем, как к этому известию отнеслись ребята».

И мы отправились к дачам 3-го отряда.

...Отряд собрался на лавочках под кустами.

— Итак, ребята! — сказал Нико,— пионерскую организацию распустили. Давайте думать, как вам быть... И вообще нужна ли вам организация?

— Нужна! — закричал третий отряд.

— Нико, ты, наверное, неправду нам говоришь? — предположили самые хитрые.

— Раз нужна, представьте, что вы создаете новую детскую организацию. Даже не на Земле, а совсем на другой планете. Какой она будет? Давайте разобьемся на группы, и каждая предложит нам свой вариант.

Продолжение на странице 8.

РОСТОК

Ребята из школы № 26 города Черновцы заключили договор с кооперативом «Камазовец». Камазовцы дают школьникам старые автомобильные покрышки, а ребята штампуют из них детали для кооператива. Причем штампуют на старом прессе, который сами починили, собрали заново. Помогал, правда, учитель труда.

За год в каждом кабинете школы появились проигрыватели, колонки, диапроекторы, купленные на свои деньги.

Жанна Маргулис,
г. Черновцы.

* * *

Школа № 2 города Уварово Тамбовской области заключила договор с подшефным детским садиком «Ивушка». Девочки шьют фартуки для малышей. А старшеклассницы пробуют работать воспитательницами: проводят в «Ивушке» занятия по лепке, рисованию... А иногда подменяют нянечек.

Надя Меньшикова,
г. Уварово.

ЗАСУХА

ПРИМИТЕ МЕРЫ!

На сборе делегаты встретились с представителями разных министерств и ведомств. От «Союзвторчермета» они узнали, что

в год наша страна выплавляет 112 млн. т чугуна

и 160 млн. т стали.

Из 100 т чугуна получается 100 т стали. Значит, 48 млн. т стали выплавляется из металлолома.

Услышав эти цифры, делегаты пустили по кругу тетрадочку и записали в нее адреса школ, где собранный их руками металлолом не вывозится месяцами, а то и годами.

Вот наугад несколько адресов:

1. Краснодарский край, ст. Северская, средняя школа № 59 — плохо вывозят металлолом; не думают над тем, как вывозить кость и стекло.
2. Город Липецк, средняя школа № 49 — металлолом вывозится редко, ржавая куча портит вид школы.
3. Горьковская область, г. Сергач, пос. Юбилейный, школа № 3 — никому не нужен наш лом, наш труд.
4. Оренбургская область, Оренбургский р-н, с. Н.-Покровка, средняя школа — металлолом лежит 1,5 года.
5. Эстонская ССР, г. Кохтла-Ярве, с/ш № 16 и все школы города — металл не вывозят вовсе. Те, кто должен был этим заниматься, отказались.

«Союзвторчермет», примите меры!

А ЧТО ЖЕ ВЗРОСЛЫЕ?

В нашем поселке есть Калининский рыбразвод. Там искусственно выращивают мальков ценных пород рыб.

А мы, «голубые патрули», помогаем рыбразводу. После паводка на лугах остаются лужи, это ловушки для мальков, которые там оказались. Мы с сачками и ведрами ходим по лугам и переносим мальков в водоем рыбразвода.

Приходится нам и завалы из камней и бревен на реке разбирать, чтобы рыба свободно ходила. Если замечаем браконьеров — сообщаем их имена рыбнадзору, поселок-то наш небольшой, все друг друга знают. Режем у браконьеров сачки, кошаки забираем...

Но знаете, какая у нас беда? Речка наша Правдинка совсем грязная стала. И предприятия в нее отходы спускают, и солярку в нее сливают... Скоро совсем рыбы в реке не будет...

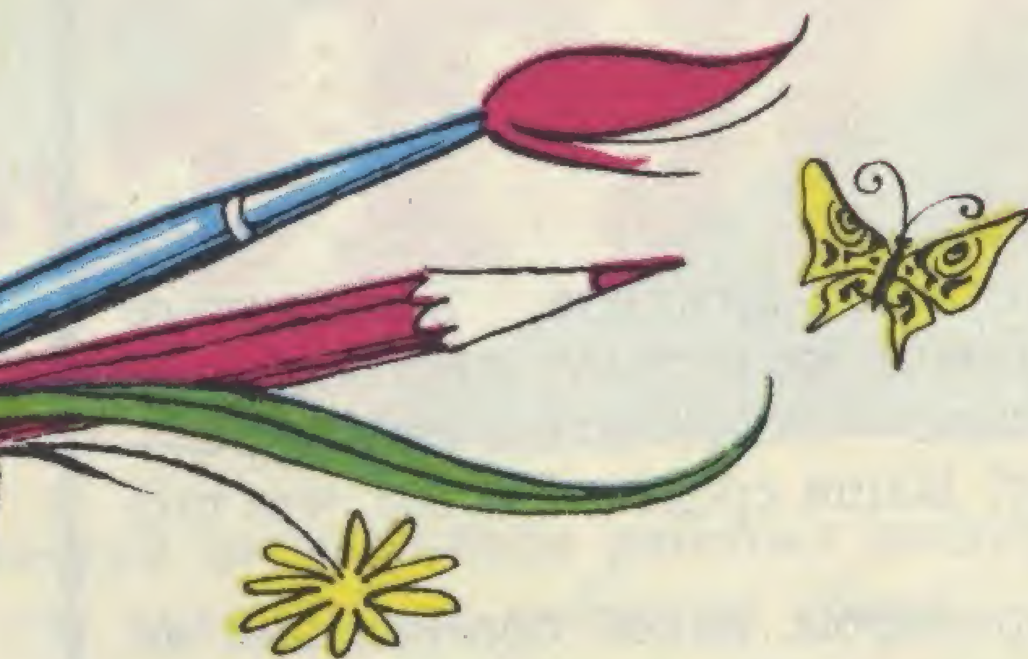
Что делать? Я даже в Москву, в журнал «Крокодил» написал. Но никакого ответа.

Рома Самосват,
пос. Правда, Сахалинская область.

АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ

Все они были участниками этого события — Всесоюзного сбора активистов перестройки. Поэтому мнение каждого — вполне авторитетное. И пусть их взгляды не всегда совпадают, это не страшно, главное — каждый честно высказался. А из разных мазков получается единая картина*.

Дима Куксин, г. Нижняя Тура: Сбор мне нравится. Мы тут все решаем сами: и какой будет структура дружины, и какой составим план работы, и кого куда выберем... Инициатива идет снизу. Здорово! Только не уверен, что меня поддержат дома. В отряде у нас нет коллектива.

Алеша Орлов: Дни сильно летят, а дел вспоминается мало. Даже не могу сказать, что было интересного.

Анжелина Щиняева, Узбекистан: Очень понравилась встреча с председателем ЦС ВПО имени В. И. Ленина И. Н. Никитиным. Говорил с нами на равных, как друг. И очень доходчиво объяснил, кто такие бюрократы.

Таня Петрова и Максим Скалозубов, г. Казань: А нам как раз эта встреча не понравилась. Слишком много парадности, а свободного микрофона нет: ни спросить, ни возразить нельзя.

Вера Артемовна Ищенко, библиотекарь лагеря «Прибрежный»: Хорошие ребята в эту смену. Они вроде и заняты под завязку — все-таки сбор активистов перестройки, но и читают больше других смен. Смотрите, какие книги берут в читальном зале, у меня тут в тетрадочке все записано: о борьбе за мир, об экономике, о проблемах сельского хозяйства, об антифашизме и сионизме...— к обсуждениям готовятся. И художественная литература у нас нарасхват: Н. Носов, С. Маршак, В. Крапивин, А. Гайдар, В. Катаев... Хорошо читают журнал «Пионер».

Наташа Чумакова, пос. Сарьянка, Свердловская область: Сюда ехала, думала: «Наверное, везде уже перестройка, только у нашей дружины проблемы». А тут вижу — у всех проблемы. Все еще только ищут, как дальше жить.

Светлана Заикина, вожатая лагеря «Кипарисный»: Мне кажется, сейчас, на сборе, собрались пионеры посильнее, чем на IX слете. Почти нет случайных людей. Все приехали с вопросами, идеями, программами... И очень волнуются, вдруг не привезут домой конкретные советы. На слете у всех был какой-то гипертрофированный интерес к внешней стороне пионерской жизни — символике, ритуалам. Сейчас же больше думают о сути: о целях, задачах организации.

Хорошие подобрались ребята, и даже если у них не все получается — это не их вина.

* Точку зрения на сбор журналистов взрослой прессы читай в приложении к газете «Вперед» — «Взгляд».

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

МОНОЛОГ МЕТАЛЛИСТА

Я — металлист. А до этого был и рокером, и панком, и брейкистом... Вы удивляетесь? Мол, делегат сбора активистов перестройки и...? Да, делегат, и зам. председателя совета дружины тоже. А мне кажется, одно другому не помеха. Я следую моде. Когда-то у нас модным было называться рокером. Мы увлекались техникой, ходили в мотокружок и отдавали машинам всю душу.

Потом я учился брейку. Видел, как танцуют парни на дискотеке, и месяц тренировался дома перед зеркалом. Брейк — «классная» вещь. Он дает тебе гибкость, ловкость, пластичность... Я думаю, что, может быть, это даже искусство.

А сейчас в моде «металл». Есть металлисты, которые ничего, кроме «металла», не видят: и плохо учатся, и не читают. Я не такой. Да, мне нравится эта музыка. Я играю «металл» на ионике, я пою. Когда собираюсь на дискотеку — волосы на голове поднимаю лаком, надеваю браслеты, кольца, цепочки... Вся одежда в заклепках. Вы бы увидели меня тогда — не узнали. Здесь я ношу только цепочку на груди, тоненький браслет да кольцо.

Что головой качаете, странно? Между прочим, дома, в отряде, работаем только мы с другом. Остальные, неметаллисты, что-то пионерской активности не проявляют. И металлист я не от безделья, потому что времени свободного не так уж много. Я в школу езжу за 20 км — в колхозе учусь. У меня два младших брата. Дома — сад, огород, там тоже работать приходится. Но мне это не мешает. А летом я в колхозе картофель копаю. 200—300 рублей за каникулы зарабатываю. Родителям отдаю. Они, кстати, не против моих увлечений, недавно мне магнитофон купили.

Еще вопросы есть?

Ах, да, я забыл представиться:

Альгис Уникаускас,
ученик 8-го класса
Жагарской средней школы,
Йонишский р-н, Лит. ССР.

Начало на странице 5.

— Давайте,— поддержал третий отряд.

Группы разошлись по дачам, и через полчаса...

Первая появилась в ярких девчоночьих пижамах, вывернутых наизнанку или надетых кое-как. Вожак загонял их в строй кнутом. А они упирались и скандировали: «Наша организация — стадо! Наша структура — патриархат! Наша цель — любой результат! Наши средства — все, что под рукой!»

Отряд хохотал. Над этим наглядным примером, какой организация не должна быть.

Вторая группа рассказала о планете, где дети отделились от взрослых: у них свои фабрики, свои заводы, свой мир и свои интересы. Дети много работают, много думают, закаляются, охраняют природу и не отстают от моды...

Ну что ж, есть в этой картинке и укор нам, взрослым, и стремление получить больше самостоятельности.

Третья группа все танцевала и крутилась (может быть, она хотела больше игры в своей организации?), а четвертая вообще ничего не могла сказать, лишь хихикала на лавочках.

— Вы правильно поняли,— сказал Нико своему отряду,— я играл с вами. Вы показали мне свою сегодняшнюю организацию. И что вам в ней нравится, и что нет, и свою растерянность перед будущим, потому что много у нас проблем и одним махом их не решить.

— Нико, если такая организация, как наша, не нужна, то какой она должна быть? Что нам делать дальше?

— Мы поняли, что мы не активисты перестройки, мы просто ребята.

— Получили самостоятельность и растерялись...

— Мы раньше не видели цели, не знали, как к ней идти...

Нико одним жестом руки остановил гвалт.

— А за эти дни сбора вы хоть чему-то научились?

— Мы теперь знаем, что надо спрашивать себя: «Зачем?» Любое дело следует начинать с вопроса: «Зачем? Кому это нужно? Кому принесет пользу?» Нельзя жить бездумно.

— Ну вот наша дискуссия и началась. И будет длиться не один вечер, а так долго, пока каждый из нас не сумеет понять: «Что я хочу сделать для перестройки? Что я могу? И с чего мне начать?»

На «Артек» опустилась ночь. Мы писали в блокнотах уже почти в полной темноте. А на соседней площадке, за изгородью из кустов, кричал и спорил у костра другой отряд. Делегаты сбора искали ИСТИНУ.

И. АНДРИАНОВА, М. МАТВЕЕВА,
специальные корреспонденты газеты «Вперед», сотрудники журнала «Пионер».

Оформление П. САЦКОГО.

КИНОЗАЛ

Рецензия на фильм режиссеров Лейда Лайуса и Аро Ихо «Игры для детей школьного возраста».

Этот фильм мы недавно смотрели в «Артеке». Он потряс меня. Дело в том, что он поднял больную проблему. Проблему детских домов. Фильм правдивый, без прикрас.

Мне самой пришлось столкнуться с такими детьми. Когда я была в лагере актива, мы пошли в детский дом для дошкольников, провели там целый день. Показали детям концерт, поиграли с ними, сделали песочницу, хотели уходить, а они нас не отпускают. Хватают за руки, называют «мамами»... Эти ребята совершенно не похожи на детей, у которых есть родители. Напоследок мы решили спеть с ними песни, которые поют ребятишки из нашего двора. Мы запели, а подхватила только одна девочка. Потом выяснилось, что она недавно в детдоме, а остальные молчали, опустив глаза.

Когда я вижу на улице бездомного котенка, я тащу его домой, мне жаль его. А здесь дети! Здесь все гораздо сложнее, я не могу на них равнодушно смотреть, но и помочь я им тоже не могу. Их не возьмешь домой, как бездомных котят. Сейчас много говорят о родителях, которые хотят избавиться от собственных детей. Однако положение не меняется. Что делать детям, которых бросают родители? Эти вопросы терзают меня больше, чем все остальные.

Наташа Моисеева,
дружина «Лазурная».

ВЗГЛЯД

ПРИЛОЖЕНИЕ К ГАЗЕТЕ «ВПЕРЕД»

На Всесоюзном сборе активистов перестройки работал юнкоровский отряд «Импульс». Он выпускал одноименную стенгазету, где освещались события сбора.

В общем, этот отряд был настоящей редакцией, где проводятся бурные планерки, обсуждения материалов и номеров, куда влетают с пакетами и бумагами курьеры, где пишут заметки корреспонденты, моют в банках кисти художники. И куда забредают взрослые коллеги-журналисты: кто поболтать, кто чай попить, кто полюбопытствовать.

Но в «Импульсе» взрослые коллеги не только чай пили. Они выпустили свою стенгазету «Взгляд», которая однажды появилась во всех дружинах «Артека» рядом с очередным номером «Импульса».

Начинался «Взгляд» с объявления:

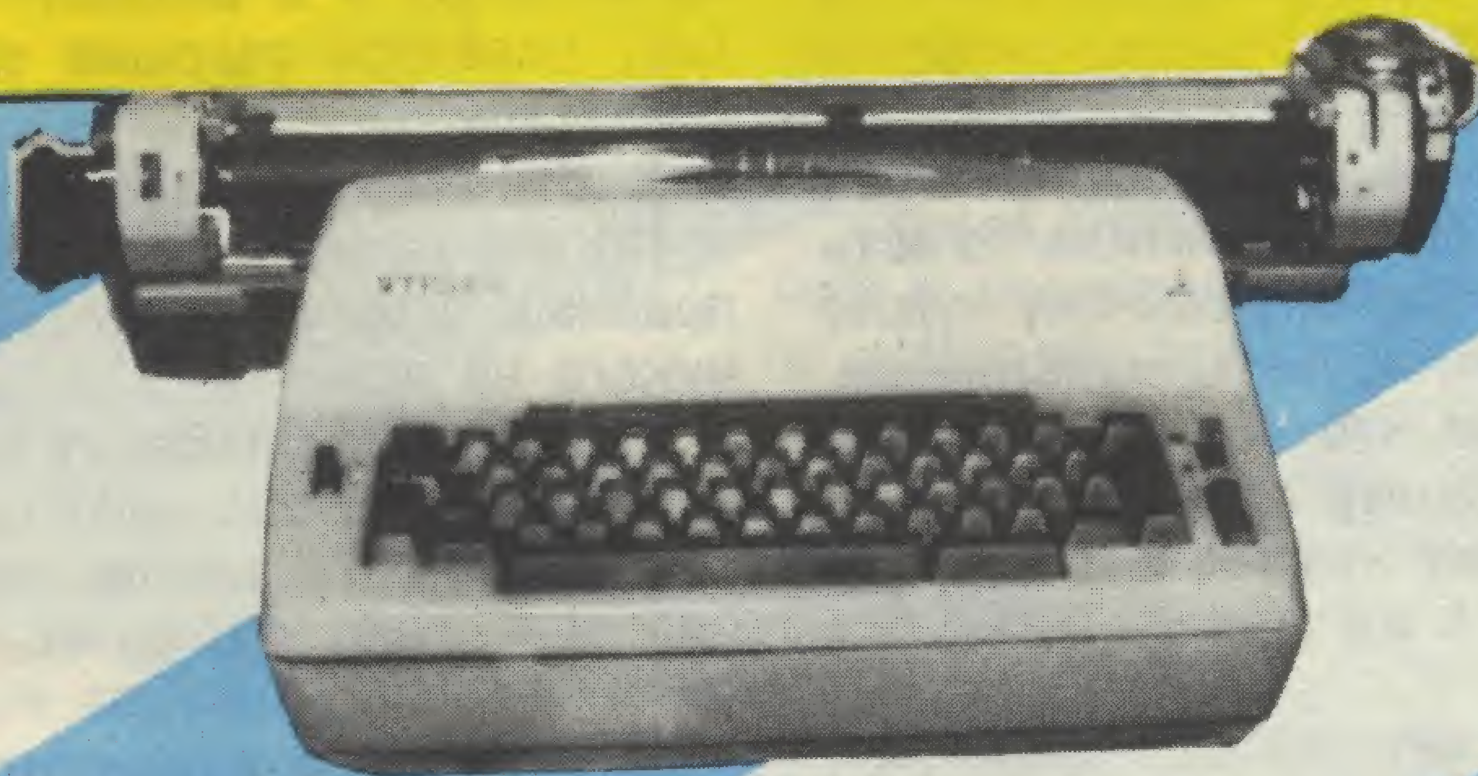
«Здравствуйте! Давайте знакомиться: мы — профессиональные журналисты из разных газет и журналов.

Мы тоже, как и вы, ребята, работаем на Всесоюзном сборе активистов перестройки. Мы тоже, как и вы, «болеем» за все то, что здесь происходит, рождается в обсуждениях и спорах.

Если вам интересно, прочитайте наши заметки — о том, что мы увидели, услышали, подметили в «Артеке».

Наше «взрослое» приложение к «Импульсу» будет называться «Взгляд».

Ваши друзья — журналисты».

...с горы Аю-Даг. Попытка охватить всю атмосферу сбора.

МОНОЛОГ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА

Я — человек эмоциональный. Поэтому услышав, что IX Всесоюзный слет пионеров в «Артеке» прошел импульсивно, неординарно — я расстроилась. Потому что побывать там не удалось. Потому что поучаствовать не смогла. Потому что не «кипела» в тех проблемах, которые волновали IX слет.

Но вот в этом году представилась возможность поехать на Всесоюзный сбор активистов перестройки. Конечно же, я предполагала — огня и политических боев здесь будет не меньше, чем на IX слете.

И что же?

НАБЛЮДЕНИЕ ПЕРВОЕ. Нет нерва. Нет боли. Все спокойно, запланировано, растянуто.

НАБЛЮДЕНИЕ ВТОРОЕ. Вы, ребята, устали. Устали быть целую смену активистами. Кстати, кое-кому приходится роль активистов играть: только в поезде эти «кое-кто» узнали, что за смена им предстоит, и заскучали.

НАБЛЮДЕНИЕ ТРЕТЬЕ. Активисты — это первые, застрельщики: те, кто за собой зовут. А в «Артеке» еще не было трудовых десантов в совхозы, колхозы, лесничества... Хотя полсмены уже прошло. Посмотрите, дел-то вокруг полно. Может, стоит отказаться от нескольких «словесных» мероприятий, но поработать в парках, на набережных, пляжах... Да мало ли еще мест, нуждающихся в деловой помощи?

Интересно, ставили ли вы перед собой цели, собираясь в «Артек» на сбор?

Какие наказы вам дали дружины и выполнили ли вы их?

Уезжаете ли вы в родные места с реальными предложениями, нормальным, без дураков, опытом? И вообще — идет ли перестройка в пионерской организации? В вашей школьной пионерской дружине? На Всесоюзном сборе активистов перестройки?

Для себя я ставлю цель — пора от эмоций переходить к анализу, делу.

Бегу брать интервью.

И. АНДРИАНОВА,
корреспондент журнала «Пионер».

...пристальный, на бюрократа, который прячется под маской активиста.

А ОН ВАМ НУЖЕН?

Был я как-то в одной артековской дружине. Смотрю — отряд собирается на полдник. Медленно так, задумчиво собирается. Спросонок. А рядом — мальчик. Он сидит на бордюре, скучает, и вроде от нечего

делать начинает приговаривать. Сначала — как бы нечаянно и несмело. Но потом все громче, увлеченнее и с таким удовольствием, что я невольно стал слушать.

— Пятый отряд, на построение! — приложив ладони рупором ко рту, гремел мальчик, хотя отряд уже почти собрался, да и строиться в «Артеке» не принято.

Но он подозревал:

— Кто это там у двери притаился?

Требовал:

— Ира Иванова, шире шаг!

Выводил на чистую воду:

— Федя, ты мне зубки-то не заговаривай!

И даже успевал преподавать хорошие манеры:

— Мальчики, перестаньте свистеть, это некрасиво.

И все — серьезно, с вдохновением.

И такая, знаете, тоска меня взяла от этого монолога юного руководителя — «активиста перестройки»! За какие-то пять минут я понял: есть, есть и в «красногалстучной армии» своя, пионерская бюрократия. Все в «Артеке» подводят итоги года — и бюрократ подводит, демонстрируя искусство непререкаемо командовать, погонять, пресекать на полуслове, портить всем настроение, и красуясь перед собой своим мастерством.

Маленький бюрократ силен. С подачи взрослых бюрократов он вкусно рассуждает о разнице между самоуправлением и соуправлением, говорит, что главная беда организации — пассивность пионеров, незнание истории рождения галстука...

Но присмотритесь к этому краснобаю: как правило, он ни минуты не может прожить без коллектива, то есть без вас, ребята. Самому с собой ему скучно. Ему нужно отдавать распоряжения, контролировать исполнение, отчитываться о недостатках: во что бы то ни стало приводить все мнения к армейскому единству.

Вы, ребята, его стихия, вы ему нужны, необходимы для самоутверждения и роста. А он вам нужен?

А. ЗВЕРЕВ,
корреспондент газеты «Известия».

...на проблему глобальную: как строить отношения организации и школы.

САМЫЙ «БОЛЬНОЙ» ВОПРОС

На Всесоюзном сборе активистов перестройки я спрашивал ребят: «Какие проблемы сегодня вас больше всего волнуют в пионерской организации?»

И в ответ чаще всего слышал: «Нас волнует вопрос — мы и классный руководитель. Как нам уживаться? Должен ли он командовать, руководить нами?»

Тогда я предлагал ребятам играть в деловые игры. Это один из самых надежных, верных способов решить ту или иную «неразрешимую» проблему.

Итак, пионеры и классный руководитель.

Я распределял роли: группа ребят — совет дружины, я — классный руководитель, который приходит на заседание совета и вмешивается в его работу. Разными у нас получились сыгранные мною «классные руководители» — один был требовательным, не терпящим возражений, второй — сомневающимся, третий — равнодушным. Разными получились и «советы дружины» — недружными, колеблющимися, агрессивными, пассивными.

А вывод из всех этих игр вылепился такой.

Раньше, до перестройки в пионерской организации, была у пионеров некая установка на конфронтацию с классным руководителем, на противостояние. Взрослый приказал — ему надо подчиняться, подчиняться не хочется — конфликт.

Сегодня, когда вы требуете самостоятельности, много говорите о самостоятельности, мир вокруг вас теплее, раскованнее, и установка у вас появилась иная: гурьбой поставить классного руководителя на место: «Не мешайте! Не влезайте! Мы сами! Обойдемся без старших!»

А теперь давайте поразмышляем. Представьте, вы остались одни-одинешеньки: конкретный отряд 6-го «Б» или 7-го «А». Без классного руководителя. И что? Через некоторое время (месяц, два, пять) коллектива не станет. Каждый будет сам по себе. Секрет прост (его давным-давно открыли ученые) — если среди группы сверстников нет взрослого лидера, отношения движутся по кругу, не обогащаются и в итоге разваливаются.

А, между прочим, пионеров у нас в стране около 20 миллионов, и где взять тот миллион вожатых — грамотных, умных, энергичных,— чтобы они возглавили великую армию — пионерскую организацию? Ведь куда только ни сунься, где ни поспорь, всякий и каждый говорит об отделении пионерской организации от школы.

Я вижу два выхода:

1. Создавать разновозрастные отряды — и по месту жительства, и в школах — везде. Тогда появится лидер, появятся старшие товарищи, на которых будут равняться.

2. Все-таки опираться на классного руководителя.

Но это должны быть взаимоотношения двух равноправных сторон: никто ни на кого не кричит, никто никого не давит.

...Вот какую проблему мы решали с активистами перестройки Всесоюзного сбора. Вечная проблема. Кажется, всем надоевшая. Но смотрите, без ее решения ни вы — пионеры, ни мы — взрослые,— ни туда, ни сюда.

Интересно, а как в дружинах страны справились с нею?

В. ЖУКОВ, кандидат педагогических наук,
сотрудник журнала «Молодой коммунист».

...противоположный, хотя проблема та же.

МОЖНО ЛИ БЫТЬ СПОКОЙНЫМ ЗА НАШУ ПИОНЕРСКУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ?

Отряду трудно, почти невозможно прожить без вожатого. Один старший вожатый на всю дружину — это все-таки мало. Вот даже по жизни в «Артеке» вы убедились, как много может отряд сделать, если у него есть вожатый. И учитель вожатого не заменит. У вас другие отношения с учителем, «школьные»: он авторитет, он всегда прав, потому что пока он лучше вас знает, как решаются уравнения и как пишутся сочинения. С ним не поспоришь, а вожатый — это друг, старший товарищ. С ним и поспорить можно, и поиграть, и своими тайнами поделиться, он ближе, чем учитель. И в то же время — он взрослый, с его помощью легче установить контакт со взрослым миром, найти для всего отряда дело, заключить договор с предприятием, или открыть счет в банке...

Сейчас, когда мы, вся страна, отказались от шапкозакидательства, от фанфар и барабанного боя: «Мы самые лучшие! Мы самые первые!», а приучаемся думать, трезво оценивать свои силы и критически относиться к себе, полезно оглянуться вокруг и посмот-

реть: а как живут наши соседи, чему можно поучиться у них? Вот, например, у польских харцеров заведено: у каждого отряда есть свой вожатый — студент, рабочий, врач, инженер.., который любит харцерство, и готов ему помогать не ради денег, а ради идеи. Нет отряда, где не было бы своего вожатого. Но к учителям, которые хотят быть вожатыми-харцерами, относятся с большой осмотрительностью: далеко не каждый учитель может так перевоплощаться — от сурового школьного наставника до старшего друга и брата. Да и самим ребятам трудно: пять минут назад этот грозный человек им ставил двойки, а сейчас зовет петь песни у костра или играть в веселую игру.

В эти дни вы обсуждаете на сборе, какой быть пионерской организации в будущем. А ведь будущее пионерии на самом деле зависит от вас. Захотите вы через 2—3—4 года прийти в пионерские отряды вожатыми, продолжая учиться в техникумах и институтах, работая на заводах и фабриках? Захотите выделить из свободного личного времени хотя бы вечер в неделю и посвятить его пионерии?

Если вы сделаете это, вы, пионеры-активисты перестройки 1988 года, то за нашу пионерскую организацию можно быть спокойным.

М. МАТВЕЕВА,
редактор отдела коммунистического воспитания журнала «Пионер».

...на нашу страсть к канцеляризмам.

ОЛОВЯННЫЕ СОЛДАТИКИ

Возможно, вам моя позиция покажется излишне категоричной, пристрастной, но на сборе, как локти из драной рубашки, вылезли наши самые главные недостатки — тяга к обюрокрачиванию всего и вся и неумение формулировать свои мысли просто.

Вот бегает нормальный, симпатичный паренек 12 лет от роду, купается в море, загорает на артековском пляже — сейчас он просто Петя Иванов, ученик 5-го класса. Но вдруг, словно гром средь ясного неба, голос старшего пионервожатого: все — на заседание тематического центра! И тут с Петей происходят разительные перемены: он уже внутренне застегнулся на двадцать пуговиц, это уже не мальчик, а оловянный солдатик. Речь его — набор штампованных фраз, и стоит Пете раскрыть рот, как вместо симпатичного мальчика перед вами солидный чиновник, представительный Петр Иванович Иванов.

Почему происходит такое? Причин тому немало. Во-первых, Петю учили этому изо дня в день его старшие товарищи: «В жизни, во дворе, со сверстниками ты можешь вести себя как угодно, но на сборе изволь выражаться солидно». Во-вторых, Пете очень хочется казаться взрослым, вот он и подлаживается изо всех сил, подкрашивает свои выступления (!) разными «умными» словами.

Почему это плохо? Уверена, что вы и сами понимаете. Ленин призывал нас к очистке языка от разного бюрократического сора, подчеркивая, что умный человек — не тот, кто мудрено говорит, а тот, кто хорошо думает. Вот думать-то мы как раз не умеем. Не хотим учиться этому — вот что обидно. Привыкли к тому, что старшие все придумают за нас. Ждем, пока они подскажут, как провести собрание или сбор. Над чем работать сегодня, завтра и через год. Но при этом очень хотим быть лидерами, чтобы другие ребята уважали нас и считали умными. Вот и приходится выкручиваться, выжимая из себя, как воду из мокрого, свежевыстиранного белья, всякие-разные «микроструктуры» и «макросистемы», «профили» и «ориентации»...

Давайте меньше копировать плохие черты взрослых,— ведь мы живем совсем в иное время, чем жили они. Им перестроиться трудно. Нам же должно быть гораздо легче.

А. МУХИНА,
корреспондент еженедельника «Собеседник».

...прощальный.

БУМЕРАНГ НЕ ВОЗВРАЩАЕТСЯ?

«Когда приехал домой, думал, начнут расспрашивать, чем я там занимался, о чем мы говорили и спорили. А оказалось все наоборот. Спрашивали только об одном: купались ли или нет и как кормили... Каждый пальцем тычет: "артековец". Так охота поскорее отучиться в этой школе и встретиться с теми, с кем подружился в «Артеке».

Вот такое грустное письмо прислал своему артековскому вожатому делегат IX слета Дима К.

Ты, дорогой друг, тоже сейчас артековец и не просто артековец, а участник сбора активистов перестройки. С каким настроением покинешь ты лагерь, что увезешь в своей поклаже — идеи, находку, подсказки? Может случиться, что и тебя ребята в отряде, дружине встретят настороженно. Не спеши огорчаться! Ведь многие из них тоже хотели поехать в Крым на этот необычный сбор. Может, они просто немного завидуют? Попытайся разобраться в обстановке, тем более, что рядом будут старшие друзья — вожатые, методисты, ответсекретари, которые вместе с тобой участвовали в работе сбора. Если будет трудно — обратись к ним за советом.

Уверена, что сбор помог тебе разобраться во многом. Ты был как бумеранг между своей дружиной, городом, областью, который обязательно должен вернуться в родное гнездо. Постарайся увезти домой дух «Артека», постарайся зажечь ребят!

Н. АЛЕКСЕЕНКО,
корреспондент журнала «Вожатый».

ВЫСТРЕЛ С МОНИТОРА

Владислав
КРАПИВИН

ПОВЕСТЬ

Окончание первой части — «ИЗГНАННИКИ»

Начало в № 10.

2

«После уроков сговорились поехать купаться на протоку. У старого Томсона, что жил в хибаре за пристанью, за два медяка взяли напрокат лодку.

Приятелей было шестеро: длинный веснушчатый Вилли по прозвищу Кофельнагель, братья Жук и Вафля (сыновья аптекаря Сумса), круглый Хансен (за солидность все его звали только по фамилии), Галька и маленький Лотик. Все, кроме Лотика, учились в одном классе. А Лотик был на три года младше. По-настоящему прозвище его было Клотик. Но этого несчастного человека воспитывали сразу три тетушки, по вечерам они наперебой звали племянника с балкона: «Клотик, иди домой! Клотик, Клотик!» (потому что на свое настоящее имя он вообще не откликался). Буква «К» вначале и в конце сливалась. Получалось: «Лотик, Лотик, Лотик!» Так его и стали звать наконец, хотя «клотик» — это шарик на верхушке мачты, а что такое «лотик» — непонятно.

Впрочем, Лотик объяснил, что это маленький лот, прибор для измерения глубины.

— Но ты же совсем не умеешь нырять,— засмеялся Галька.

Лотик тоже засмеялся и сказал, что научится. Он ни на кого не обижался, а на Гальку тем более. Галька ему очень нравился. Лотик мечтал когда-нибудь отличиться в Галькиных глазах и сделаться его самым крепким другом. Галька, конечно, такую привязанность видел, однако всерьез Лотика не принимал. Ну, в самом деле, что это за друг? Маленький, головастый, неловкий... И все же Галька не обижал его и не отшивал от компании, как некоторые. Даже заступался. Ведь тот, кто любит читать про рыцарей, должен и сам быть великодушным, верно?..

На стареньком пароходе, идущем по северной реке, в одной из кают вместе оказываются пожилой Пассажир и мальчик. Вечером пароход минует скалистый утес, на вершине которого мальчик различает неподвижную человеческую фигуру. Пассажир говорит, что это бронзовый памятник мальчишке, жившему здесь когда-то. Оказывается, на этом утесе стоял богатый город Реттерхальм — Рыцарский шлем, где и жил мальчишка по имени Галиен Тукк, а попросту — Галька.

Мальчик чувствует, что Пассажир знает какую-то удивительную историю об этом странном городе, и просит рассказать ее. Пассажир начинает рассказ...

Они переехали реку и спрятали лодку в кустах на Китовом острове. Остров так называется, потому что похож на всплывающего кита. На другом берегу острова они побросали одежду и переплыли через протоку на отмель. Галька держался поближе к Лотику: вдруг тот пустит пузыри! Вон как бултыхается...

Протока — это второе, узкое, русло реки, за островом. В одном месте оно расширяется, и там, у низкого лугового берега, твердое дно с белым песком. Дно полого уходит к середине русла. Посреди протоки глубина достигает сажени, взрослого человека закроет с головой. Но течение тихое... Впрочем, когда купались, на глубину редко кто совался.

День был жаркий, но вода в августе уже прохладная. Чтобы не продрогнуть, приходилось барахтаться, гоняться друг за другом...

— Э, а где Лотик? — вдруг сказал круглый Хансен.

Все завертели головами.

Лотик был далеко, почти на середине. Над солнечной водой темнела его «головастая голова» и тощие плечи.

— Э,— сказал Хансен.— Один уплыл. Потонет дурень...

— Эй, ты, марш назад! — закричал Кофельнагель.— Взяли тебя на свою голову!

— Вы чего! Я же на свае стою! Помните, сумасшедший Хендрик здесь хотел мельницу строить и повбивал чугунные сваи!

Все, конечно, про сваи помнили. Но Галька громко сказал:

— Соскользнешь и булькнешься!

— А вот и не булькнусь! Глядите! — Лотик высоко подпрыгнул, мелькнули его загорелые икры и белые пятки... И словно не было на свете Лотика! Святые хранители!

Все, даже круглый Хансен, кинулись взапуски к тому месту. Вытащить, пока не наглотался! Но Лотик вынырнул сам, и на лице его сияла щербатая улыбка.

— Вот! Смот... ой!

Его ухватили под локти и за волосы и, не слушая, выволокли на берег. И круглый Хансен при всеобщем одобрении деловито вляпал ему ладонью по известному месту. Так, что стреляющее эхо пронеслось над водой и Китовым островом. Но Лотик не обиделся и сейчас. Все равно улыбался.

— Вы чего? Я же научился нырять! Я до самого дна достал!

— Как не достать, если башка чугунная,— хмыкнул похожий на черного жука Жук.

— Я не башкой, я пальцами достал! Вот! — Лотик разжал кулак. На ладони была горсточка сырого песка. И в ней блестела крупная серебряная чешуйка.

— Это что? — Мальчишки сунулись к ней носами.— Э, денежка...

— Может, на дне клад зарыт?

— Лотик, ты запомнил место?

— Ну откуда клад в том песке? — Галька взял монетку.— Это, наверно, сумасшедший Хендрик потерял, когда сваи бил...

— Она бы потемнела с той поры,— возразил Хансен.

Галька потер монетку о голый живот.

— Может, такое серебро, что не темнеет... Смотрите, десять грошей!

— Почему «грошей»? — заспорил Кофельнагель.— Десять грошей поменьше размером.

На монетке было отчеканено число «10», а под ним — только ржаной колосок. Перевернули. На другой стороне был выбит чей-то профиль и шли по кругу крошечные буковки.

— Фре-е... стаад... Лехтенстарн,— прочитал Галька.— Слава богу, не латынь. Почти что понашему.

— Но не совсем,— заметил белобрысый немногословный Вафля.

— Все равно понятно,— сказал Хансен.— «Свободный город Светлая Звезда».

— Такого нет,— заявил длинный Вилли Кофельнагель.

— Как же нет, если вот монетка,— заспорил Жук.— Он где-то есть. Или раньше был... Тут чей портрет?

Пригляделись к профилю.

— Пфе, да это мальчишка,— сказал Кофельнагель.

— Ты перекупался, Нагель,— заметил Жук.— Это же тетенька. Королева или принцесса.

— Ты сам принцесса. Гляди хорошенько, это мальчик,— храбро сказал Лотик. Он чувствовал себя героем дня.

И правда, профиль был явно ребячий: курносый, с короткой стрижкой. И с улыбкой, спрятанной в губах и взгляде. Будто веселый мальчишка лишь на миг притворился серьезным — для важного дела, чтобы на монете отпечатали.

— Небось какой-нибудь наследный принц,— заметил Вафля.

— Наследных принцев на монетах не чеканят,— возразил Галька.— Только королей.

— А разве бывают короли-мальчики? — удивился Лотик.

— Иногда... Возьми, Лотик, денежку, не потеряй.

— Он все равно потеряет,— сказал Кофельнагель.— Лучше подари ее, Лотик, мне.

— Фиг,— отозвался Лотик (по-реттерхальмски это звучит в точности как по-русски).— Я ее Гальке подарю. На, Галька.

— Да? Спасибо...— Гальке стало тепло от благодарности. Не то, чтобы нужна была ему монетка, а так... Он погладил денежку мизинцем.— А всетаки интересно: десять *чего*? Грошей, пфеннигов, копеек? Пенсов? И каких она времен, а?

— Надо спросить учителя истории,— предложил рассудительный Вафля.

— Он зажилит ее для своей коллекции,— заметил Жук.

— А отчего бы нам не пойти к мадам Валентине? — сказал круглый Хансен.— Она знает все.

— Ура! К мадам Валентине, к мадам Валентине! — закричали мальчишки и кинулись вплавь на Китовый остров. Галька, с монеткой за щекой, плыл позади всех. Поглядывал на Лотика: не пустил бы головастик пузыри...»

3

— Несколько слов о мадам Валентине,— сказал Пассажир.— Вначале, где описание нравов и жителей, у меня говорится о ней подробно. А если коротко, то так. Мадам Валентина была пожилая дама со странностями. Она торговала леденцами, но это занятие было для отвода глаз. Основное время мадам Валентина посвящала наукам, иногда печатала статьи в столичном философском журнале (и статьи эти каждый раз вызывали скандал в среде университетской профессуры). Кроме того, у нее был ящик с треногой и объективом, и она по заказу реттерхальмских жителей делала фотопортреты на твердом, как доски, картоне.

Жила мадам Валентина одна, если не считать рослого рыжего кота, канареек и жабы Жанетты, которая обитала в стеклянной банке из-под маринада.

«...Когда мальчишки явились к мадам Валентине, она развешивала на дворе выстиранные цветастые юбки и вела перебранку с соседкой. Двор соседки был выше по склону, и та кричала через каменный, заросший плющом забор:

— Я пойду в магистрат, уважаемая мадам Валентина! Я терпела все, даже неприличные песни вашего граммофона, но этот последний фокус! Дым от пережженного сахара для ваших отвратительных леденцов так и лез мне в окна, хотя ветер дул в другую сторону! А ваш бессовестный кот вчера весь день гонялся за моими курами!..

— Сударыня! — отвечала мадам Валентина и взмахивала тяжелыми юбками, как матадор плащом.— Опомнитесь! На меня вы можете изливать любые недостойные вымыслы, но как совесть позволяет вам клеветать на беззащитную божью тварь? Где свидетели? Вы уверены, что это был мой Бенедетто?

— А кто же еще! Весь город знает вашего рыжего бандита!

— Рыжего?! Мадам Анна-Элизабет фан Раух! Где и когда вы видели у меня *рыжего* кота?

Беззащитная божья тварь сидела в двух шагах от хозяйки. При последних словах мадам Валентины Бенедетто вздыбил шерсть, и она из апельсиновой стала седовато-лиловой.

— Тьфу! — сказала наверху мадам Анна-Элизабет.— В прежние времена вас сожгли бы на костре!

— В прежние времена, уважаемая соседка, я сделала бы так, чтобы ваш язык приморозило бы к нёбу, как лошадиный помет к февральской мостовой! Лишь глубокое почитание конституции Реттерхальма, запрещающей лишать права слова кого бы то ни было, останавливает меня... Но поспешите в дом, сударыня, у вас там от перегрева лопнула бутыль с уксусом!..

Посмеявшись вслед соседке, мадам Валентина повернулась к мальчишкам.

— О! Здесь всегда рады гостям, но должна заметить, что время утреннего кофе давно прошло. А чай с леденцами у меня подают несколько позже.

— Мы по делу, мадам Валентина.— Галька вынул из-за щеки монетку.— Добрый день... Вот...

— Бакалавр философских и естественных наук Валентина фон Зеехафен не занимается делами на дворе. Прошу в дом.

Каждый раз, когда ребята попадали к мадам Валентине, у них открывались рты. На стенах висели пучки трав и громадные птичьи крылья,

в углу свалены были книги-великаны в потрескавшейся коже. Из помятой трубы граммофона смотрело удивительно живыми глазами чучело крокодила. Желтели чертежи тугих воздушных шаров и лодок с перепончатыми крыльями. Облокотившись на шкаф с минералами, стоял на железных ногах полный набор рыцарских доспехов. Из-под приподнятого забрала глядел белый череп. Мадам Валентина утверждала, что это ее предок, первый владелец приморского замка Зеехафен.

С темного портрета в бронзовой раме смотрела сама хозяйка дома — в квадратной шапочке с кистью и в черной мантии.

Про мадам Валентину рассказывали всякое. Говорили даже, что она училась в Бразилии и совершила кругосветное путешествие. Впрочем, по другим слухам, она всю жизнь провела в родном Реттерхальме, лишь изредка выезжая в столицу. Одно было известно точно: много лет назад она преподавала географию в гимназии, и оттуда ее уволили с большим скандалом. Наивный и потому бесстрашный Лотик однажды спросил ее: правда ли это?

— Да, — гордо сказала мадам Валентина.— Скандал помнили долго. А я десять дней даже просидела по указу магистрата в тюрьме. Вернее, на офицерской гауптвахте артиллерийского форта. Все офицеры и сам форт-майор Хорн ухаживали там за мной напропалую, это были чудесные дни.

— А... за что же вас? — нерешительно спросил тогда Галька.

— Из-за линейки, всего-навсего... в те времена был еще обычай воспитывать детей линейкой. И вот директор гимназии маленькому мальчику приказал подставить ладонь и хлестнул его по этой ладошке... На глазах у меня, у Валентины фон Зеехафен! Ударить ребенка!.. Я выхватила линейку и сломала ее на три части!

— И за это под арест? — недоверчиво сказал Галька.

— Ну, сударь мой... Линейка была тяжелая, из пальмового дерева, а сломала я ее о высокоученую директорскую лысину...

Когда мальчишки кончили хохотать, мадам Валентина заметила:

— Все к лучшему. Освободившись от должности, я наконец-то в полную меру занялась научными проблемами.

Что за проблемы решает мадам Валентина, понять было невозможно. Однако леденцы у нее получались восхитительные: яркие, как стекляшки от калейдоскопа, и по вкусу самые разные: лимонные, земляничные, ананасные... В своей лавке на площади Королевы Анны мадам Валентина продавала их, не считая. Пригоршню — за медный грош. В дни такой торговли у школьников был праздник.

...— Какое же дело привело ко мне столь почтенную компанию? — спросила мадам Валентина, когда мальчишки пооглядывались и прикрыли рты.

— Вот...— Галька протянул на ладони подарок Лотика.

— О-о...— Мадам Валентина укрепила на носу пенсне.— А-а... Лехтенстарн, из Союза городов Млечного Пути. Семнадцатый век... Десять колосков... Когда-то за такие деньги можно было купить верховую лошадь...

— А что это за мальчик? — сунулся из-за спины Лотик.

— Да, мальчик... Он уже в те времена был легендой. Это один из хранителей, маленький трубач. Он спас Лехтенстарн, когда в него хотели тайно пробраться враги, заиграл тревогу... Любопытная находка, хотя не такая уж редкость... На что меняем, Галиен Тукк? А?

— Не, это подарок,— быстро сказал Лотик.— Это я Гальке подарил.

— Да...— вздохнул Галька.

— Ну, это другое дело... Поскучайте здесь без меня, а я, так и быть, заварю свежий чай.

Мальчики разбрелись по комнате. Галька подошел к подоконнику. На мраморной доске стояли горшочки с кактусами. Кактусы цвели белыми и красными звездами и колокольчиками. Среди них поднимался из горшочка с землей странный кристалл: синеватый, полупрозрачный, с искорками. Он был похож на толстый граненый карандаш, закрученный на пол-оборота по спирали.

— Мадам Валентина, а что это? — спросил Галька, когда хозяйка вернулась из кухни.— Раньше здесь этого не было.

— А! Это я выращиваю модель мироздания. Довольно скучный опыт, потому что бесконечный... Прошу за стол, господа. Я рада вам, вы меня развлекли. А то эта ду... эта неразумная особа, мадам Анна-Элизабет, выбила меня из колеи... Галиен Тукк, з а с т о л.

— Иду... А разве мироздание... оно такое?

— Боже! Это ведь модель... Мироздание разное, сударь мой. И проявлений у него, как и вариантов у судеб человеческих, множество. Как и граней у вечного кристалла. Но меня беспокоит не число граней, а есть ли смысл определять гипотетический радиус изгиба, когда... Ох, не толкайте меня на ученую беседу, иначе останетесь без чая! Галька, негодник, ты пойдешь за стол?.. Хансен, вот тебе большая кружка. Лотик, не толкай леденцы в карман про запас, я потом насыплю в кулек. А то карманы слипнутся, как в прошлый раз, и тетушки опять возьмутся за тебя с трех сторон...

В эту секунду круглый Хансен взвизгнул и поддал стол тяжелыми коленями. Чашки подскочили, расплескали чай. Оказалось, что жаба Жанетта выбралась из банки, гуляла под столом и мокрым животом плюхнулась Хансену на босую ногу. Вафля и Жук подавились от хохота леденцами. Кофельнагель стал равномерно бить их по спинам.

— Ай, как не стыдно,— сказала мадам Валентина.— Бояться такой красавицы и умницы...— Покачивая седым узлом прически, она составила чашки на поднос и отправилась на кухню за новой порцией.

Она там задержалась, и все уже перестали смеяться. Хансен стыдливо сопел. Лотик все-таки совал в карман леденцы. Галька укоризненно поглядел на него. Лотик торопливо сказал:

— Я столько смотрю и все удивляюсь. Вон те склянки с песком, они совсем небольшие, а песок из одной в другую сыплется и никак не кончается. Почему?

И все повернулись к камину, на котором среди статуэток и флаконов стояли песочные часы. Простенькие, как в аптеке Сумса. И вспомнили, что в самом деле: мадам Валентина никогда их не переворачивала. А песку-то в верхней колбочке, кажется, всего на две минуты. Но бежит струйка, бежит, падает на песчаную пирамидку в нижнем стеклянном пузырьке, а та вроде и не растет...

— Чертовщина,— сказал Кофельнагель и выбрался из-за стола. Шагнул к камину.

— Э, не трогай,— заерзал Хансен.— Мадам Валентина не любит, когда без спросу...

— Всего ты боишься. Молчи, а то жаба укусит.— Кофельнагель взял часы, перевернул, и... все открыли рты. Желтая струйка теперь била вверх. В тишине даже слышно стало, как шуршат по стеклу песчинки.

Мадам Валентина появилась в дверях. Мягко шагнула к столу, опустила поднос, метнулась к Кофельнагелю и выхватила часы. У рыцаря возле шкафа со скрежетом упала вдоль туловища и закачалась железная рука. Перестали свистеть не смолкавшие до той поры канарейки. Мадам Валентина перевернула часы и поставила на камин — как раньше. Строго сказала притихшим ребятам:

— А вот с этим, господа, не шутят...

— Простите,— забормотал порозовевший Кофельнагель.— Я...

— Иди за стол... Это осевой хронометр доктора Комингса. Величайшее изобретение, которое до сих пор не признают академики. Да-с... Ты, любезный Вилли, сейчас замкнул время. В ма-аленькое колечко, но кто знает, что могло случиться...

Хансен осторожно спросил:

— Но, кажется, ничего не случилось?

— Поживем — увидим... Допивайте чай и брысь! — Мадам Валентина за шутливой сердитостью прятала серьезное беспокойство.— Кристалл мироздания не может расти в таком гвалте.

Лотик напоследок пихнул в рот дюжину леденцов, отер губы галстуком голландки и спросил:

— А что такое мироздание?

— Вселенная, друг мой... Весь мир, в котором обитаем мы, не познав смысла бытия. Все переплетение времен и судеб... Вот тебе газета, сделай кулек, несчастье мое...

— Можно, я возьму это для Вьюшки? — попросил Галька. Он держал за палочку прозрачного малинового клоуна.

— Заверни в бумажную салфетку...»

— А кто эта Вьюшка? — спросил мальчик у Пассажира.

— Сестра. Помнишь, я говорил?

— Помню. А сколько ей лет... было?

— Около семи... Звали ее вообще-то довольно громоздко, по обычаю того времени: Анна-Мария-Лотта. Но Галька прозвал ее Вьюшкой. Она была черная, как заслонка в печной трубе. И вертлявая, как рыбка вьюн... Ну что, читать дальше?

— Ага...— тихо сказал мальчик.

«На улице Кофельнагель веско проговорил:

— Все-таки мадам Валентина — ведьма.

— Деревяшка ты, Нагель,— возразил Вафля.— С ней дружит сам пастор Брюкк. Стал бы он знаться с нечистой силой?

— Дружит!.. Он небось не видал, как песок вверх течет.

— А это просто фокус,— не сдался рассудительный Вафля.— Ты колбочку в руке держал, там воздух нагрелся и стал выталкивать песок вверх. Физическое явление.

— Сам ты явление. Возьми в аптеке у папаши такие часы и попробуй этот фокус повторить! Физик!..

— Да ладно вам,— поежился Хансен.— Я вот вспоминаю, как у рыцаря рука грохнула. Жуть.

— Там просто крючок сорвался,— сказал Жук.— Я видел...

Лотик облизал губы и спросил:

— А скелет в рыцаре по правде настоящий, вы как думаете?

— Иди проверь,— сказал Кофельнагель.— Небось тогда уже не леденцами штаны перепачкаешь.

— А давайте в рыцарей поиграем! — подскочил Жук.— Давайте устроим турнир на поляне у Круглой башни!

— Давайте! — обрадовался Лотик.

— А головастиков не берут в рыцари,— сказал Кофельнагель.

— Ну что ты к нему вяжешься? — заступился Галька.— Он будет судья.

— Да, я буду епископ Реттерхальмский! Буду награждать победителей медалями!

— А где медали-то? — заметил Вафля.— Надо сделать...

Медали делались из медных монеток. Монетки клали на рельсы и ждали, когда протарахтит трамвай. Вагоны были не такие тяжелые, как в наше время,— вместо стен и крыши витые столбики и парусиновый навес с бахромой, рост пониже, колеса поменьше, но все-таки они раскатывали денежки в тонкие лепешки. Потом в медных «блинчиках» пробивались отверстия, делались петельки для булавок. Если завоевал победу — прицепляй медаль на голландку и гордись. Правда, гордиться можно было только подальше от родительских и учительских глаз. Взрослые считали, что грешно портить для игры даже самые мелкие деньги. Да и соваться на рельсы считалось опасным делом. Вагоновожатый Брукман не раз грозил оторвать уши тем, кто раскладывал на трамвайном полотне монетки...

— Ну что, накатаем медалек?! — Неугомонный Жук подкинул на ладони два медных гроша. Все зашарили по карманам. У каждого нашлись один-два медяка. Кроме Лотика.

— А Брукман сейчас не ездит, обедает,— сказал Лотик.— Видите, ровно два часа?

Они шли мимо фонтана с солнечными часами. Тонкая тень пересекала мозаичный циферблат как раз на римской двойке.

Галька присвистнул:

— Вот это да! Мы в половине второго только лодку взяли. Купались, у мадам Валентины сидели — и все за полчаса!

— Это фокусы мадам Валентины,— хмыкнул Кофельнагель.

Было известно, что Брукман раньше трех часов из депо не выедет. Поэтому решили пока сыграть в перевертыши...»

— Знаешь, что такое «перевертыши»? — Пассажир глянул из-за очков.

— Не-а...

— Сейчас ребята не играют на деньги?

— Ну... бывает. В Лисьих Норах большие парни в карты дулись...

— «Перевертыши» — это не в карты. Монетки кладут столбиком и бьют круглым камушком. Кто какую перевернет — забирает...

— А! Это как в чику!

— Вот именно... Такую они и затеяли игру. У замковой стены, за кустами, чтобы не видели посторонние...

«Обычно Гальке везло, рука у него была меткая. Но в этот раз все медяки выиграл Кофельнагель. Потом он великодушно вернул каждому по денежке. На медаль. Только Лотику не дал. И Гальке. Сказал:

— У тебя же есть «десять колосков».

— Так что же, на рельсы ее? Ты спятил?

— А давай я разменяю ее на десять грошиков! И еще сыграем! Может, отыграешься...

Он хитрый был, Кофельнагель. Знал, как разжигает человека обидный проигрыш. Но Галька сперва ответил:

— Иди-ка ты...— И покосился на Лотика. А тот губы надул и в сторону глядит: поступай, мол, как знаешь, твоя монетка.

Кофельнагель сказал:

— Боишься?

— Я?! Да если хочешь знать, я мог бы тебя в два счета обставить! Просто у меня сперва рука подвернулась, а после...

— Ты не хвастайся, а разменяй да играй! И десять грошиков твои будут, и «колоски» отыграешь! С портретом «Хранителя». Ха-ха...

Галька опять посмотрел на Лотика. Виновато. И пообещал:

— Не бойся, я точно отыграю. Пусть Нагель не задается.

— Мне-то что,— отозвался Лотик. И отвернулся.

И, конечно, Галька проиграл. Все десять медяков за пять минут. И так ему тошно стало! И монетку жаль, и перед Лотиком стыдно. Хоть и головастик, а все равно... Галька пробормотал:

— Да ладно, завтра обязательно отыграю, ты не беспокойся.

— Мне-то что...— прошептал Лотик.

Кофельнагель, улыбаясь, дал Гальке грошик:

— Не горюй. Возьми на медаль.

Галька взял. Просто чтобы не подумали, будто он очень переживает.

И все пошли на Трамвайную площадку. Так назывался перекресток, где рельсы отворачивали от основной колеи и уходили в туннель, вырытый в крутом уступе (там, за чугунными воротами, было трамвайное депо). Место, чтобы катать медали, самое удобное. Трамвай из ворот выезжает без пассажиров, и никто не заметит мальчишек, притаившихся в зарослях дрока. Брукман смотрит только вперед. Он, если и разглядит на пути денежки, тормозить не станет: линия от депо идет под уклон.

Мальчишки разложили на теплых рельсах монетки. И тут Галька увидел... Ну, вы догадались! Коварный Кофельнагель положил серебристую денежку. С портретом мальчика-трубача!

— Ты что делаешь, Нагель? — крикнул Галька. И кулаки сжал.

— А что? Моя денежка, что хочу, то и делаю.

— Ты не имеешь права! Я ее еще отыграю! Завтра!

— Ха! Я разве обязан ждать?

— Но она же редкая! Она из свободного города!

— Ну и хорошо! Значит, медаль будет редкая! Ха! Рыцарская медаль «Свободного города»! Может, ты ее и заслужишь.

Галька хотел ногой сбросить монетку с рельса.

— Э, нечестно,— сказал круглый Хансен.

И Галька сник. Мальчишечьи законы были незыблемые: проиграл — не хнычь, а кто выиграл — хозяин.

— Конечно, Нагель поступает как скотина,— заметил Вафля.— Но ты, Галька, сам виноват.

— За «скотину» мы еще посчитаемся,— начал Кофельнагель. И в этот миг все услышали дребезжание трамвая.

Трамвай шел не из депо, а снизу! С главной улицы! Чудеса!

Мальчишки, царапаясь и сопя, полезли в заросли.

— И правда, со временем что-то не то,— выдохнул рядом с Галькой Хансен.— Брукман сроду на обед не опаздывал.

Галька не ответил. Сквозь листья он видел монетку на рельсе.

Из-за двухэтажного дома с часовым магазином Румерса показался трамвайный поезд. Три желто-красных вагона. Усатый Брукман стоял на передней площадке у рычагов.

Может, Брукман заметит монетки, остановится? Нет, он смотрел прямо на ворота депо. Сейчас чугунное колесо расплющит монетку, пройдет по лицу мальчишки-трубача!

Галька заплакал и отчаянным взглядом уперся в трамвай, словно остановить хотел! И трамвай вдруг завизжал колесами, затормозил в метре от монетки. Брукман задергал рычаги, заругался, замахал руками. Галька — будь что будет! — бросился к рельсам! Спасти монетку, пока трамвай не поехал!

А трамвай вдруг дернулся, пошел назад. Быстрее, быстрее... Брукман все дергал рычаги. Потом схватился за голову, прыгнул с площадки, упал на колени, вскочил. Он что-то кричал, но у Гальки уши будто забиты ватой.

Трамвай без тормозов докатил до поворота, и задний вагон сорвался с рельсового изгиба. Он опрокинулся, на него наскочили другие. Они вздыбили колеса, нехотя кувыркнулись и покатились по склону, ломая кусты и фонтаны Южного городского сквера.

И все это в дикой тишине, которая навалилась на Гальку.

Он сам не помнил, как домчался до поворота. Вагоны все кувыркались, крушили клены, давили беседки. А там, ниже, Лодочная улица, вон

черепичные крыши, люди во дворах... Не надо!

Вагоны подпрыгивали, переворачивались, как сброшенные с горки игрушки. Как их задержать, остановить?..

Средний вагон застрял между вековыми вязами, задний налетел на него, встал торчком, лег сверху. Передний оторвался и продолжал кувыркаться.

Ну стой же!!!

Вагон перевернулся еще раз, покачался вверх колесами на тонких столбиках крыши, лег на бок и замер.

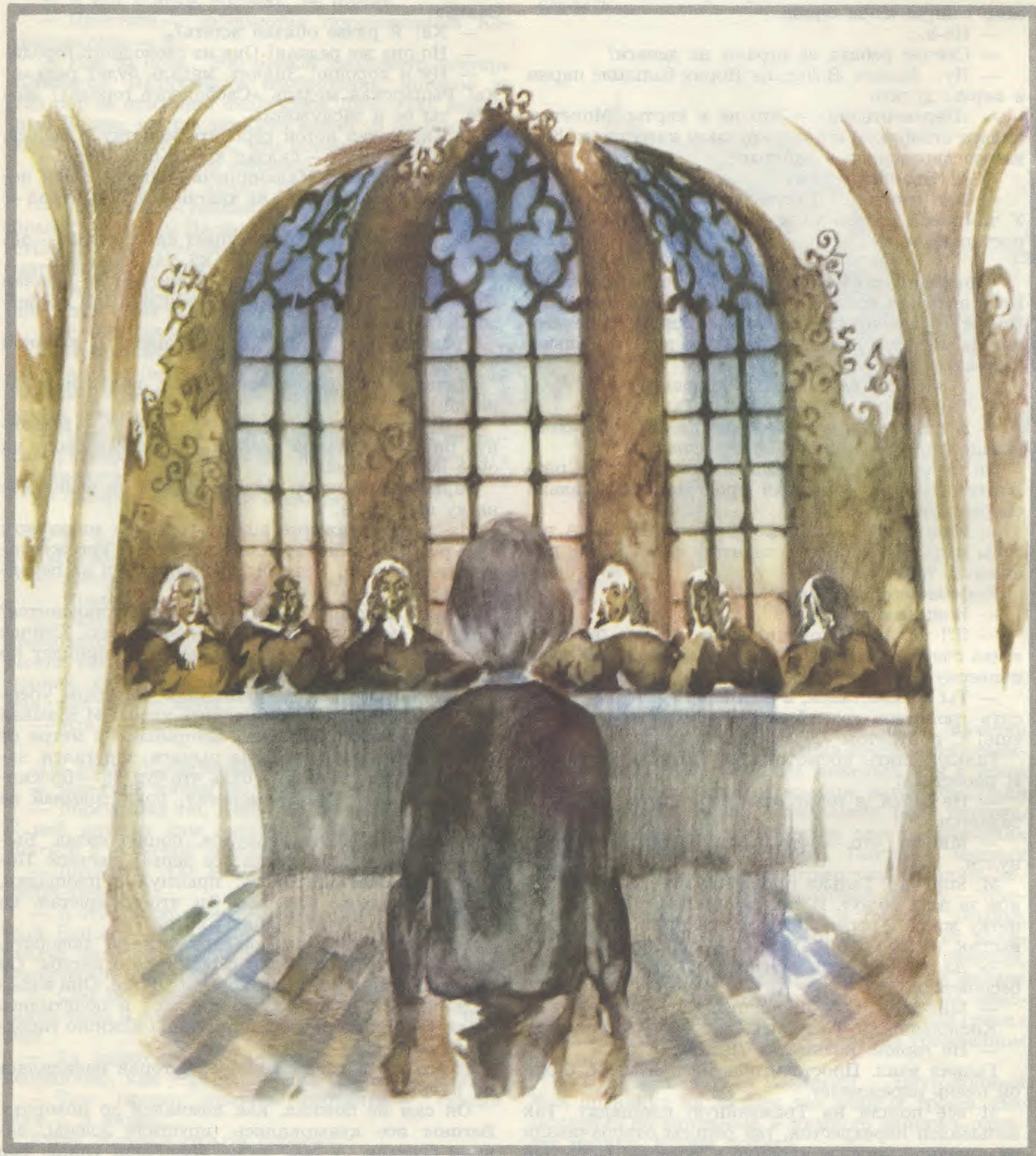
Галька, всхлипывая, вытер лицо.

И тут Гальку схватил за плечи Брукман! Галька не сопротивлялся. Брукман что-то кричал и тряс его, тряс, тряс...

Приговор

1

Откуда-то появились два полицейских — пожилой толстощекий Груша и молоденький прыщавый Кунц, который был женат на двоюродной сестре Хансена. Повели Гальку в управление. Брукман

шел сзади и все выкрикивал, что из-за сопливого негодяя, который бросился под колеса, он так рванул тормоза, что колодки не выдержали. Куда смотрят отцы?! Родители и школа распустили сорванцов, а он, старый Брукман, теперь в тюрьму, да?

Груша оглядывался и успокаивал его.

У Гальки промелькнуло: «Как же так? Я ведь бросился потом, когда он уже затормозил...» Но тут же он понял, что это просто показалось. И зачем выкручиваться! Виноват с головы до пяток... Пусть делают с ним, что угодно, он готов ко всему.

...Но того, что вскоре на него обрушилось, Галька все равно не ожидал...

Штабс-майор полиции Колленбаркер, качая лысой головой, составил протокол. Галька ничего не отрицал. Да, положил на рельсы монетки. Потом пожалел одну и кинулся, чтобы схватить...

Он опять всхлипнул:

— Я же не знал, что так случится. Мне показалось, что господин Брукман уже остановил трамвай...

— Оставь господина Брукмана,— сурово сказал штабс-майор Колленбаркер.— У него из-за тебя сердечный приступ, с ним возится доктор...

Появились отец и старший брат Михель, который служил помощником младшего архивариуса в магистрате. Брат держался за потные щеки и шепотом говорил: «Вот дурак-то, вот дурак...» Отец, маленький, взъерошенный, надавал Гальке оплеух и прокричал, что это лишь начало, а главное будет дома.

Но домой Гальку не отпустили. Груша отвел его в школу, и там арестанта заперли в подвальной комнатке, с решеткой в оконце. Раньше, в суровые времена розог и долгих отсидок «без обеда и ужина», здесь был гимназический карцер, а теперь хранились облезлые глобусы и облысевшие птичьи чучела. Но вот — кто мог подумать! — комнатке вернули ее прежнюю роль.

Галька сел под окном на корточки и взялся за голову. Он то приходил в отчаяние: как нежданно и непоправимо свалилось на него несчастье! То замирал в сонном отупении.

Потом Галька встряхнулся. Пол был каменный, холодный даже летом, босые ноги ломило. Галька расстелил на полу старые карты, лег, положив под затылок твердое чучело совы. И стал привыкать к жизни заключенного.

Из окна доносились звуки. Такие незаметные, когда ты свободен, и такие милые, заманчивые для того, кто в заточении. Кто-то смеялся на улице, галдели воробьи, гукнул в отдалении резиновой грушей автомобиль советника Флокса — единственный в городе. Ударили один раз часы на магистрате. Половина какого-то часа. Какого? Сколько времени прошло с той минуты, когда школьник Галиен Тукк перестал быть обыкновенным мальчиком и превратился в разрушителя и злодея?.. Хорошо еще, что не в убийцу. А если бы трамвай кого-то придавил?

Галька опять всхлипнул и ткнулся носом в пыльную сову. От нее пахло опилками и нафталином...

За окном завозились, зашептали: «Галька, Галька...» Он вздрогнул, увидел за решеткой ноги с зелеными от травы коленками, а над ними кудлатую голову. Это сидел в лопухах на корточках Лотик.

— Галька, с тобой что сделали?

— Пока ничего...— Галька сел. Вытер глаза.

— А что... сделают?

— Не знаю... Ох, Лотик, не знаю я...— Не было сил притворяться бесстрашным.

— А ребята спрашивают...

Галька все же ощутил что-то вроде гордости.

— Ты им скажи: я никого не выдал. Все думают, что я один был.

— Ага... А еще они спрашивают: может, передать напильник и веревки? Для побега.

Галька улыбнулся горько и снисходительно.

— Нет, Лотик, это ведь не игра в рыцарей. Куда я убегу?

— А может... мы тебя спрячем?

— Нет, Лотик... Я сам виноват. Это потому, что я твою монетку разменял.— Галька ощутил, как подкатило к горлу раскаяние. И даже нежность к Лотику: вот ведь, маленький головастик, а не испугался, пришел, помочь хочет.— Ты мне подарил, а я... Так мне теперь и надо!

— Да что ты! — Лотик негодующе хлопнул по коленкам.— Это Нагель виноват! Ребята его отлупить хотят... Галька, а денежку я с рельсов подобрал. Возьми ее опять...

Галька замотал головой. Разве он сейчас имел право на такой подарок?

— Возьми! — отчаянно прошептал Лотик.— Она же все равно твоя... Я загадал, чтобы она из беды тебя выручила...

— Правда? — Это была все-таки надежда.— Ну, давай...

Стекла в окошке не было. Монетка звякнула о каменный пол. Галька подхватил ее. Профиль маленького трубача был по-прежнему невозмутимо-задорным и хранил скрытую улыбку.

«Все святые Хранители и ты, спаситель Лехтенстарна, помогите мне... Ты ведь такой же мальчик, как я, защити меня... Я, конечно, виноват, что разменял тебя у Кофельнагеля, но я просто не подумал. Прости, а? Больше никогда-никогда...»

Галька бережно, как на бабочку, подышал на монетку, вытер ее подолом, опустил в карман... и пальцы его наткнулись на леденцового клоуна, завернутого в бумажную салфетку.

— Лотик! Я тебя очень прошу! Приведи сюда Вьюшку!

— Сейчас! — Лотик ящеркой метнулся в лопухи и очень скоро вернулся с девочкой.

— Галик...— задышала сквозь ржавые прутья Вьюшка.

Галька встал на цыпочки, взял сестренку за маленькие мокрые пальцы.

— Ты ревела, что ли? Не смей...— А сам опять подавился комком.

— Ты теперь всегда здесь будешь сидеть? — спросила Вьюшка.

— Не знаю...

— Мальчишки говорят, что тебя будут здесь держать, пока папа не заплатит деньги за все, что поломано, городской казне... А что такое казна? Тетенька-кассирша?

У Гальки не было сил улыбнуться. Он только вздохнул. Вьюшка пообещала:

— Я тебе сюда буду яблоки приносить и еще всякое вкусное... Галик, а можно, чтобы меня тоже сюда посадили?.. Ой, Лотик говорит, что сторож идет!

— Постой! Мама что делает?

— Мама сперва плакала, а сейчас ужин готовит... Ой, я побежала... Я потом еще...

Пальцы сестренки выскользнули, зашуршало в лопухах...

Тогда Галька опять заплакал. Уже не от страха, а от тоски по дому.

Стало быстро темнеть. Кто-то скребся по углам. Но было не страшно. Галька даже удивился, что ничуть не боится в сумраке, среди чучел с выпуклыми стеклянными глазами. Он, кажется, вообще уже ничего не боялся, потому что очень устал. Надо было приспосабливаться к такой жизни. Ведь, если сидеть, пока не выплатят все убытки, полжизни пройдет...

Сквозь решетку и листья глянула белая луна. Яркая, как электрический фонарь трамвая. Тогда загремел засов и пришел полицейский Груша. Он отвел Гальку домой.

2

Мать покормила Гальку ужином. Она его не ругала и вообще ничего не говорила. Только вздыхала и вытирала глаза. А Галька ни о чем не спрашивал. Измученный и голодный, он торопливо глотал все, что было на тарелках. И потихоньку начинал надеяться, что его простят.

Спал Галька наверху, в мансарде, в одной комнате со старшим братом — не с Михелем, а с другим, Эриком. Но Эрик, выпускник гимназии, в эти дни уехал поступать в столичное училище пароходных механиков. Галька одетый бухнулся на постель и сразу уснул. До позднего утра.

А утром пришел посыльный с бумагой: Галиену Тукку надлежало в три часа пополудни явиться на заседание магистрата.

Отец только губы поджал. Видно, он знал это заранее. Мать заохала, зашептала молитву. Принялась гладить Галькину белую рубашку и чистить его парадный костюм. Будто Гальке на праздник идти, а не на суд, не на расправу.

Полдня томился Галька страхом и ожиданием. Даже с Вьюшкой не мог разговаривать. В магистрат он пошел почти что с радостью: скоро кончится ужасная неизвестность!

Их с отцом ввели в круглую комнату с узкими, как в соборе, окнами. За зеленым столом сидели два десятка советников. Молчаливые, в малиновых мантиях. Отец поклонился и Гальку толкнул: кланяйся, дурак. Галька послушно согнулся — так, что волосы упали на лицо. Сквозь них Галька со страхом смотрел на главного советника Адама Питера фан Биркенштакка. Это был маленький старик с красными птичьими глазками, тяжелыми веками и носом, похожим на клюв попугая. На носу и на лбу Биркенштакка в минуты волнения набухали синие узелки и жилы. А волнений и забот у главного советника хватало: целый город. И надо сказать, он держал этот город в крепких руках. Случай с пуском трамвая был, пожалуй, единственный, когда фан Биркенштакк не сумел настоять на своем. Да и то, скорее всего, потому, что не очень старался. Решил показать, будто мнение граждан для него превыше всего...

Отец опять толкнул Гальку: выпрямись, дубина.

Секретарь магистрата стал спрашивать: действительно ли это Галиен Тукк, сын Александра Тукка; действительно ли это именно он был вчера задержан полицией; и признает ли он все, что написано в полицейском протоколе. Галька на все вопросы отвечал сиплым «да». Подумал было: не сказать ли, что трамвай остановился раньше, чем он, Галька, бросился за монеткой? Но не посмел.

Монетку с профилем трубача-Хранителя Галька забыл в кармане старых штанов. И, наверно, поэтому она не спасла его.

Адам Питер фан Биркенштакк поднялся и тонким голосом прочитал постановление. Гимназист Галиен Тукк навсегда изгонялся из родного города. Ибо он, нарушив запреты и правила поведения, причинил городу многие беды, подверг опасности его жителей и потому более не может быть гражданином Реттерхальма. Через двадцать четыре часа он должен покинуть город и впредь не появляться в нем, а также в его окрестностях радиусом в двадцать четыре итальянских мили...

— Вам ясно решение магистрата? — спросил главный советник, и жилки на его носу набухли. Отец часто закивал и поклонился. Галька стоял оглушенный. То, что случилось, было страшнее всего, что он мог ожидать.

Адам Питер фан Биркенштакк оглядел советников:

— Нет ли сомнений у почтенных членов магистрата?

Один советник — молодой, круглолицый, с черными усами — сказал с веселой ленцой:

— Да зачем уж так-то? Всыпать бы ему горячих да посадить на недельку на хлеб и воду, как в давние времена...

Жилки главного советника набухли сильнее.

— Законы Реттерхальма исключают тюремное наказание для детей. А что касается «горячих», то перед изгнанием виновных всегда били плетьми, и мы не отступим от обычая...

Одеревеневший Галька не двинулся.

— ...Но сейчас просвещенный век, и процедура будет символической,— закончил Биркенштакк. Затем посмотрел на черноусого советника: — А вам, господин Штамм, замечу, что приговор в любом случае не подлежит изменению. Это не только решение магистрата, но и граждан города. Вчера наши посыльные обошли все дома, и под приговором подписался почти каждый взрослый житель Реттерхальма...

Два служителя в старинных камзолах и париках отвели Гальку в соседнюю комнату — сводчатую, без окон. У стен горели газовые фонари. Гальку поставили в трех шагах от некрашеной скамьи. Говорили шепотом, в фонарях шипел газ. Принесли толстую тугую куклу из потертой желтой кожи, ростом с большого дядьку, но мало похожую на человека. Бухнули на скамью. Служитель углем написал на коже: «Galien Tuck». Другой, неумело махая плетеным кнутом, нанес кукле несколько ударов. На ней лопнул шов, посыпались опилки.

Галька был как во сне. Он даже не все понимал, что делалось. Понимал только главное и страшное: больше он не будет жить в своем городе. Ни-ко-гда...

По дороге из магистрата отец рассудительно говорил, что они с Галькой отделались пустяками. Никакое это не изгнание. Просто он отвезет Гальку в Кобург, в частный школьный пансион господина Гиневского, там Галька получит образование и так же, как после гимназии, сможет поступить в университет или военное училище... О месте в пансионе обещал похлопотать сам господин Биркенштакк, он оказался очень великодушен...

Галька молчал. Он был налит безнадежным отчаянием.

Дома у него прорвались рыдания. Галька кинулся к матери, умолял ее что-нибудь придумать. Ну, не мог, не мог он расстаться с домом, с мамой, с Вьюшкой. И с городом... Он только сейчас понял, как любит свой город. Все улицы, дома, лестницы, все заросшие закоулки, молчаливых рыцарей в ла-

тах... Он готов был вцепиться в любой камень, в фонарный столб — намертво, чтобы не оторвали! Как он будет жить без друзей, без игр в замковых дворах, без купаний на отмелях? Даже без гимназии, в которую так не хотелось идти утром, когда не выспался и не выучил уроки. Даже без учителя латыни господина Ламма!

Пусть бы лучше не кожаную куклу, а самого Гальку исхлестали плетью, только бы не выгоняли. Пусть бы держали в подвале, но все-таки здесь, на родине...

Мама гладила Гальку по волосам и успокаивала, как умела. Что она еще могла?

К тому же, всем когда-то приходится уезжать. Вон и Эрик уехал в училище, без всяких слез. В Кобурге тоже люди живут. Конечно, вдали от дома не очень-то сладко, но зато как хорошо, что магистрат не заставил семью Тукков оплачивать убытки. А ведь могло кончиться полным разорением. Но главный советник проявил сочувствие и благородство. Радоваться надо, а не слезы лить...

Старший брат Михель отдал для Гальки свой чемодан.

— Чего ревешь, дурень? Сам же хотел стать путешественником. Не всю жизнь у мамашиной юбки сидеть. Я тебе завидую.

Толстый глупый Михель не понимал! Галька мечтал путешествовать по свету, делать открытия, совершать подвиги. Но он мечтал и о другом: как будет возвращаться в родной город, как ему там будут рады. И в самых дальних краях он помнил бы свой город и свой дом, как самое дорогое... А сейчас что?

Подходила Вьюшка, но Галька убегал от нее. Чувствовал: если Вьюшка начнет жалеть и утешать, сердце у него разорвется. Это не просто такое выражение. Он ощущал, что сердце именно порвется — на два кровавых ошметка. И если бы это в один миг, то пусть. Но, наверно, сперва будет очень больно...

К вечеру слезы кончились. Галька поднялся в мансарду. Он как-то сразу успокоился. Но это было безрадостное спокойствие. Пустое и безнадежное, потому что внизу, в гостиной, стоял собранный чемодан. Утром приедет дилижанс...

Двигаясь механически, Галька разделся и лег. Ему приснилось, будто он опять стоит в круглой комнате магистрата, босой, в ночной рубашке. А Биркенштакк — весь в синих жилах — читает приговор. Потом Гальку ведут по пустым улицам на Маячную площадь, там срывают с него рубашку, и вагоновожатый Брукман толстой трамвайной веревкой хлещет его, широко размахиваясь и открывая рот. И все это в полной тишине. Боль от ударов слабая, и Гальке даже не стыдно, потому что кругом не люди, а громадные кожаные куклы без лиц. И только Вьюшка и Лотик проталкиваются между ними, рвутся к Гальке, и у Лотика в руках старинное ружье со стволом-воронкой, чтобы застрелить Брукмана... Но куклы стискивают Лотика и Вьюшку тугими телами, потом придвигаются, наваливаются на Гальку, давят...

Он вскрикнул, сел на кровати.

В окно светила яркая до голубизны луна. Гальке показалось, что сейчас что-то случится. Нет, не страшное и не радостное, а просто какое-то и з м е н е н и е...

Он, путаясь в длинной рубашке, подошел к окну. Виден был склон холма до самой вершины. Крыши, лестницы, арочный мост. И маячная башня подымалась из-за темных вязов. Сильно блестел стеклянный шар. Фонарь в нем не зажигали, время было такое (о причинах этого чуть позже).

Все было знакомое, Галькино, родное. Хоть кричи от тоски. Но Галька не кричал даже мысленно. Он размышлял. Окна уже нигде не светились, город спал.

Город с п а л. Хотя один из его жителей, мальчик Галька, изнемогал от горя. Люди подписали придуманный главным советником приговор, покачали головами, сказали детям. «Вот видите, к чему приводят шалости», и теперь уже не думают о случившемся. А если кто и думает, больше жалеет о трамвае: когда его еще починят!

А кто пожалеет Гальку? Ну, одноклассники вспомнят. Поговорят, посочувствуют и займутся своими делами. Лотик, тот в самом деле крепко пожалеет. А еще? Ну, родные, и сильнее всех — Вьюшка. Но разве они — г о р о д?

Городу было все равно. Больше того: город отказался от Галиена Тукка! Спокойно так, между делом... Галька ощутил, как у него заломило тело. Будто рубцы от веревки Брукмана были настоящими, не во сне. Галька даже застонал.

Он скинул рубашку, натянул старые штаны и залатанную голландку, раскрыл окно и выбрался на крышу. По приставной лестнице спустился на лунный двор.

Это был привычный путь, Галька не раз так сбегал из мансарды для вечерних игр. Но сейчас он уходил навсегда.

Он ушел из города, не взявши ни куска хлеба, ни фляги с водой, босиком, без шапки и куртки...»

— И ни с кем не попрощался? — сказал мальчик.

— А как прощаться? Его бы задержали.

Мальчик молчал.

— Он мог бы пробраться в комнаты, где спали отец и мать, и все остальные...— сказал Пассажир.— Но, видимо, он боялся... что, если посмотрит на них, не решится уйти. И он не стал прощаться ни с кем. Даже мысленно...

— Даже с Майкой?

— С кем?

— Ой... Я хотел сказать «с Вьюшкой».— Мальчик громко заскрипел стулом, отвернул лицо.

Пассажир оставил тетрадь, снял очки.

— Я понял,— сказал он вроде бы виновато.— У тебя есть сестренка. Ее зовут Майка.

— Ну, есть...— Мальчик низко-низко нагнулся, стал дергать шнурки. Суетливо скинул кеды, вскарабкался на свою койку. Лег лицом к стенке. Странно притих.

Пассажир посидел с полминуты. Растерянно встал. Спина мальчика под бело-розовой клетчатой тканью напряженно застыла.

— Я тебя чем-то обидел? — тихо спросил Пассажир.

Мальчик пошевелился. Потом повернулся — неловко, медленно.

— Да нет, что вы...— прошептал он.

Пассажир стоял между койкой и лампой, лицо мальчика покрывала тень. И все же видно было, что глаза у него мокрые.

— Я понимаю, наверно, соскучился по сестренке. Но ведь завтра уже вернешься...

— Да не в том дело...— Мальчик посопел, потерся щекой о подушку. Смотрел мимо Пассажира.

Тот сокрушенно сказал:

— Значит, это я тебя своим чтением расстроил. Ну, извини...

— Да нет. Я сам себя расстроил,— отозвался

мальчик сердито. И вдруг чуть-чуть улыбнулся: — Я такой... У меня вроде как у Гальки: иногда ни с того, ни с сего капли из глаз...

— Это хоть у кого бывает,— осторожно заметил Пассажир.

Мальчик мазнул пальцами по глазам и решительно спросил:

— Вы думаете, я из-за немецкого в Лисьи Норы поехал?

Пассажир выжидательно молчал.

— Из-за Майки,— выдохнул мальчик.

Видимо, долго копилась у него печаль и обида, если теперь выплеснулась навстречу случайному попутчику... Впрочем, не такому уж случайному: ведь полсуток вместе. И как-то, наверно, связал их третий человек — маленький житель старого города Реттерхальма...

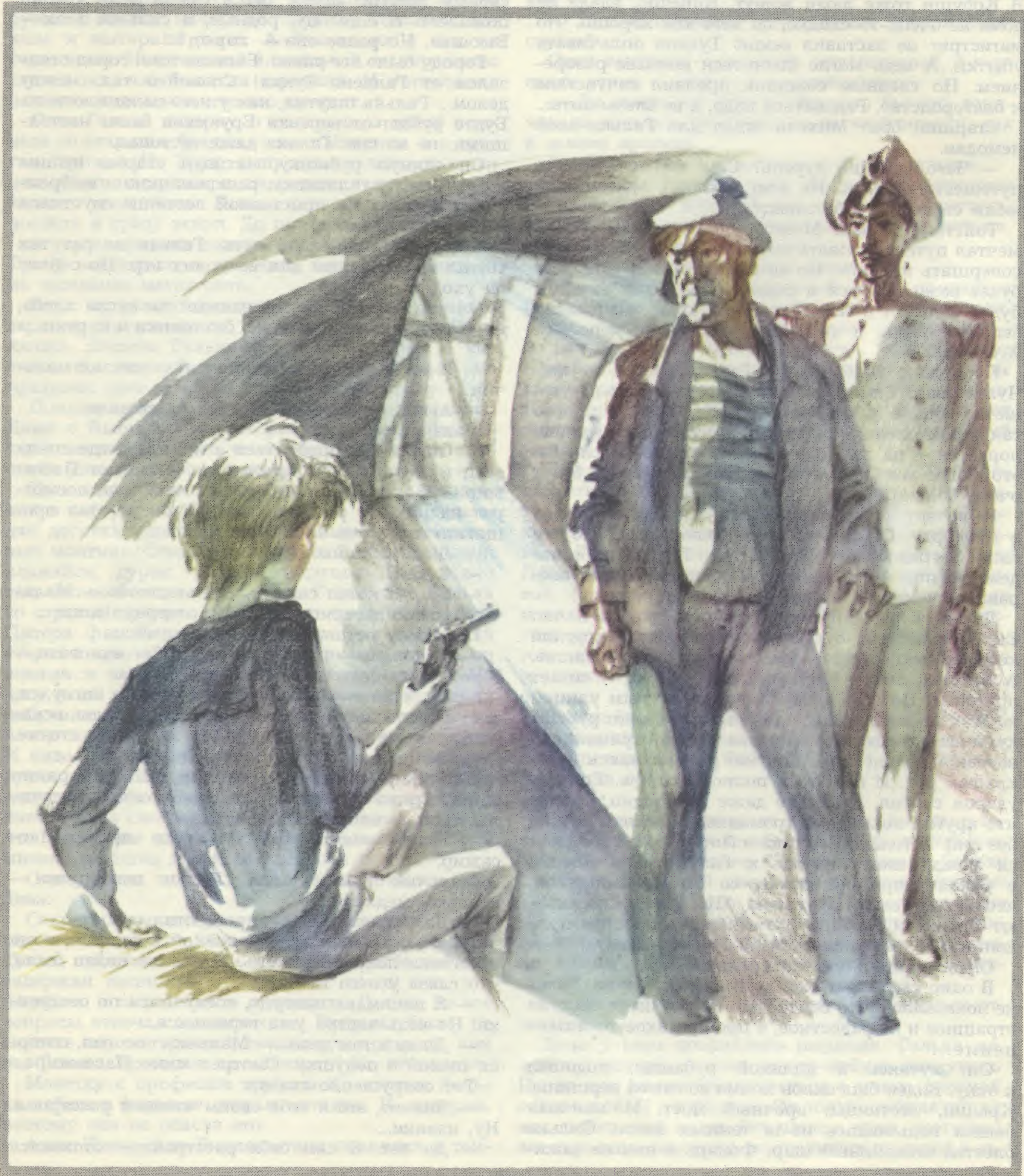
— Я ее совсем крошечную на руках таскал,— прошептал мальчик.— Целыми днями... Мне самому шесть лет было, а она горластая такая оказалась и хитрая: лежит — орет, на руки возьмешь — молчит. Я сам реву, а ее таскаю, потому что страшно: вдруг задохнется от крика. А больше с ней некому было, папа на работе...

— А... мама?

— Она умерла, когда Майка родилась.

— Извини, малыш...

— Но вы не думайте, что я на Майку злился! Наоборот... я от нее не отходил, потому что она... ну, как частичка мамы. Дрожал за нее... А у нее

потом спина стала болеть. Сколиоз...— Мальчик говорил, глядя в угол каюты, и глаза у него стеклянно блестели.— Когда лежит — больно. Плачет: возьми на ручки. А большая уже... Я ее глажу, каждый позвонок прощупываю... Вот тогда и научился боль прогонять руками... Иногда она еще сама не знает, что скоро у нее заболит, а я уже чувствую... Потом у нее прошло. Но она все равно от меня ни на шаг...

Мальчик вздохнул прерывисто, словно после долгого плача.

— Ну... а что случилось-то? — негромко сказал Пассажир.

— Да... вроде бы ничего такого. Папа женился весной... Я и сам папе говорил: давай, всем лучше будет. И правда, лучше стало, она хорошая, тетя Зоя. Безрукавку мне связала... Только Майка...

— Что? Не признает ее?

— Да наоборот...— Мальчик дернул головой, зло всхлипнул в подушку.— Сразу к ней прилипла. А меня будто больше и нет... Отец говорит: ты должен понимать, девочке мама нужна, ты держись. Ну, я и держался... Потому что ведь никто же не виноват, я понимаю. А все равно... И тетя Зоя все чувствует. Мы с папой тогда и решили, чтобы в Лисьи Норы на время...

Пассажир медленно отступил, сел в кресло.

— Вот, значит, как у тебя... Тут такое дело, а я тебя сказками развлекаю.

— Разве это сказка? — насупленно спросил мальчик.— Вы же говорили, что по правде.

— Да... Для меня это правда, а для тебя... Что тебе до какого-то мальчишки из далеких времен, когда своих переживаний хватает. Верно?

— Нет...— вздохнул мальчик.— Не верно. Мне все равно интересно. Просто я... раскис маленько, когда Майка вспомнилась. Вы не обижайтесь.

— Да что ты, голубчик! Разве я обижаюсь!

— А что было дальше? С Галькой...

— Значит, можно продолжать?

Мальчик кивнул, мазнув носом по подушке.

— А ты не устал? Поздно уже...

Пароход все стоял у пристани, машина молчала. Видно, и правда что-то случилось. Люди за стенкой примолкли. Только шаги вахтенного на верхней палубе нарушали тишину.

— Я не устал,— сказал мальчик.— Только можно, я буду здесь? Лежать и слушать.

«По лестницам и тропинкам, по кривой улице Булочников Галька спустился с холма. Никто не встретился на пути. Дома кончились, и дорога пошла вдоль реки. Галька шагал быстро. Тоска сидела в нем, как ледяной комок. Он почти не думал, что будет впереди. Знал только, что в город не вернется и в Кобург не поедет. Может, выроет землянку и станет жить, как отшельник. Может, просто умрет где-нибудь у края дороги, и когда его найдут, у кого-нибудь шевельнется совесть.

К середине ночи он увидел заброшенный рыбацкий сарай, сделанный из перевернутого баркаса. Забрался под крышу. Внутри были нары с остатками соломы. Галька съежился на них и уснул.

...Проснувшись, он сразу вспомнил все, что случилось. И так было тяжко на душе, что не хотелось открывать глаза. Наконец он все-таки открыл.

Солнце било в щели и косое окошко. Но не это первым делом увидел Галька. Он увидел большой никелированный револьвер, наведенный прямо ему в лоб. Держал оружие краснолицый мужчина с бакенбардами, в матросском берете с помпоном.

— Тихо, птенчик,— просипел он и прищурил левый глаз.— Шевельнешься и — пуля.

Этого еще не хватало! Что, весь мир ополчился на Гальку? Ни капельки страха не испытал Галька, только горькую досаду. И опять заболели рубцы от приснившихся побоев.

— Ну и черт с тобой, стреляй...— Он отвернулся.— Дурак...

— А ну, встать! — рявкнул дядька в берете.— Руки вверх!

Галька поднялся с нар. Но рук не поднял, сунул их в карманы. И пальцы нащупали монетку Лотика. Это неожиданно обрадовало Гальку. Будто надежда появилась.

— Чего орешь? — сказал он.— Твой сарай, что ли?

Вошел красивый офицер с усиками. В белом кителе с двумя звездочками на рукаве. Моряк с бакенбардами опустил револьвер.

— Господин лейтенант, здесь мальчишка. Я боюсь, не лазутчик ли. Грубит, господин лейтенант...

— Кто такой? — резко спросил офицер.

— А вы? — сказал Галька. В нем шевельнулось любопытство: что будет дальше?

— Отвечай, сопляк! — крикнул лейтенант. Он был очень молодой. Он покраснел.

— Сам сопляк! — Гальке нечего было терять.

— Боцман! — полыхая девичьими ушами, отчетливо проговорил лейтенант.— Позовите матроса, пусть всыплет этому... два десятка линьков. Для воспитания вежливости.

— Слу...— начал боцман. Галька прыгнул, вцепился в ствол, дернул вниз, перехватил рубчатую рукоятку. С усилием, но быстро взвел курок. Револьвер был знакомый — армейский «смит-вессон». Такие «пушки» показывали мальчишкам офицеры форта, когда те наведывались в гости.

Галька опять метнулся на нары.

— Не подходить! Выстрелю, честное слово!.. Мне все равно...

— Идиот,— сказал лейтенант боцману.— Вы будете разжалованы... Эй ты, брось оружие!

— Стоять! — Галька глянул на лейтенанта поверх ствола. Звенело в Гальке бесстрашие.

Нагнувшись, шагнул в сарай седой моряк. Сухой, стройный, с черным эполетом на левом плече. Сказал спокойно, как дома:

— Что тут за шум?.. Боцман, это ваш револьвер у мальчика? Десять суток ареста по возвращении на базу. Мальчик, оставь оружие, настреляешься еще в жизни.

Этому человеку со спокойным голосом и резкосиними глазами Галька подчинился без промедления. Но и без боязни. Бросил «смит-вессон» на солому, шагнул с нар.

— Ты из Реттерхальма? — спросил седой офицер. Галька кивнул.

— Сбежал, что ли, из дома?

Галька помотал головой. И понял, что расплачется.

— Ладно, разговоры потом,— решил офицер.— Ты, наверное, голоден?.. Лейтенант, распорядитесь...— Он опять повернулся к Гальке.— Я командир монитора. Капитан-командор Элиот Красс».

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Рисунки Е. СТЕРЛИГОВОЙ.

Вторая часть повести будет напечатана в следующем номере.

Леонид ЯХНИН

Приглашение

В стране ЗАПРЕЩАНИИ,
Знайте заранее,
Без исключения
Все запрещается,
Все, без сомнения,
Не разрешается.
Шлепать по лужам нельзя босиком.
С горки скатиться нельзя кувырком.
С криком носиться нельзя по двору.
Нельзя поиграть ни в какую игру.
Петь и смеяться громко нельзя.
Мне в ЗАПРЕЩАНИИ скучно, друзья!

В стране РАЗРЕШАНИИ,
Скажу вам заранее,
Без исключения
Все разрешается,
Все, без сомнения,
Не запрещается.
Можно затеять забавные пляски.
Можно на дерево влезть без опаски.
Можно толкаться, бороться, возиться,
Бить в барабан и вопить, и носиться.
Здесь веселиться и петь разрешают.
В страну РАЗРЕШАНИЮ вас приглашаю!

Драчун

А. Л. Барто

Если мне подставят ножку,
Если тронут нашу кошку,
Я обиду не смолчу —
Догоню, поколочу!

Пусть мой враг
Сильней и старше,
Все равно он мне
Не страшен.

Я не жалуюсь, не плачу,
А даю верзиле сдачи,
Даже если синяка
Не избежать наверняка.

Мама как-то возмутилась:
— Хоть бы ты скорее вырос
И немного поутих!

А когда я взрослым стану,
Неужели перестану
Бить обидчиков своих?

Не так

Зуб дырявый у меня —
Он болит четыре дня.
Зуб болит — не я болею,
А меня ведут к врачу.
Что же может быть глупее?
Я совсем НЕ ТАК хочу:

Изо рта мой зуб возьмите,
Без меня его лечите
И потом верните снова
Целый, новый и здоровый.

Должен я чуть свет вставать,
Чтобы в класс не опоздать,
В школу я иду, зевая,
Еле ноги волочу,
Я идти не возражаю,
Но совсем НЕ ТАК хочу:

Вот бы голову отдельно
На урок с утра послать,
Ну а телу дать в постели
До двенадцати поспать.

Вместе с папой в воскресенье
Мы собрались в лес осенний.
Папа взял рюкзак и палку,
Но тотчас же, как назло,
Гость пришел. Я чуть не плакал —
Мне опять не повезло!

Гость пришел, за стол уселся —
Я теперь лишился леса!
Я сижу в углу, молчу,
Я совсем НЕ ТАК хочу:

Вот бы этот гость исчез,
И тотчас пришел бы в гости
Вместо гостя с толстой тростью —
Сам грибной осенний лес!

Жизнь течет НЕ ТАК, как хочется.
Ну, когда же это кончится?

Куда растут деревья?

В небо стремятся
Тугими ветвями.
В землю струятся
Кривыми корнями.
А золотыми
Литыми
Стволами
Они остаются с нами.

Окно

В морозном инее окна
Я дырочку продул.
Теперь мне улица видна,
Вернее, только ул... —
Полдома,
Полгрузовика,
Полдуба,
Полснеговика,
Полпарка,
Полкатка,
Полстаи белых голубей
И целый воробей!

Рисунок
И. ПАНКОВА.

Итак, победители викторины:

1. Михаил Голубцов, пос. Голубое, Московская обл.
2. Алексей Захаров, г. Туймазы, Башкирская АССР.
3. Ирина и Марина Алексеевы, г. Курск.
4. КИД школы-интерната, г. Хмельницкий.
5. Стелла Рогозина, г. Архангельск.
6. Юлия Замалаева, г. Голенка, Приморский край.
7. 5-й класс, средняя школа с. Октябрьское, Пензенская область.
8. Школа-интернат им. Макаренко, г. Кременчуг.
9. Петрицкаройская СШ № 2, Грузинская ССР.
10. Марина Андреева, г. Псков.

Этим ребятам высланы книги о Великой Отечественной войне.

«Я б хотел никогда не писать о войне...»

ИТОГИ КОНКУРСА «ОРДЕНА И МЕДАЛИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ»

...Была в детстве у меня каска с красной звездой. Был самодельный деревянный автомат, у которого отлетала длинная ручка, плохо прибитая гвоздями. Когда на улице становилось холодно, я надевал защитного цвета буденовку с огромной уродливой лошадью-аппликацией: шел «воевать».

Наш двор разделился на «фашистов» и «русских». Я — «наш». Вместе со мной Димон и Серега из соседнего подъезда. Костик и его старший брат — «фашисты». Мы всегда побеждали, русские всегда побеждают!

Однажды Серега рассказал мне, где его дед хранит медали. Мы решили «взять-поносить» на часик. Кое-как их прицепив, помчались «пытать фашистов». А те устроили «побег». Завязался «бой». В пылу борьбы старый материал одной орденской планки не выдержал и порвался: кругляшок медали упал в песок. И как назло из магазина возвращался дед Паша...

До сих пор помню, как плакал и целовал он сломанную медаль. Как мы, пятилетние пацаны, ревели в голос... Уже тогда своим детским умишком я понял: нельзя взять чужие награды — покрасоваться. Ордена и медали должны носить только те, кто их заслужил.

Вот что вспомнилось мне, когда я помогал редакции разбирать альбомы, пришедшие на викторину «Ордена и медали Великой Отечественной войны». Война будто дохнула рядом — душа дрогнула от этой черной близости...

513 работ пришло в журнал «Пионер». Жюри отобрало 10 самых лучших. Авторы этих альбомов прислали не только краткие сведения об орденах и медалях, но и подробно рассказали о людях, удостоенных военных наград, которые живут или жили рядом.

Рисунки В. БУРМИСТРОВА.

«Я б хотел никогда не писать о войне.
Не могу. Перед мертвыми я бы остался
в долгу.
Я желал бы в стихах не описывать бой,
Но в долгу бы остался я перед тобой,
перед собой.
Я б хотел никогда не писать о войне,
Но она до сих пор не стихает во мне.
Н. И. Клярицкий, ветеран».

(Из альбома учеников школы-интерната им. Макаренко, г. Кременчуг.)

«Мой дедушка Замалаев Александр Семенович прошел всю Великую Отечественную войну. Воевать он начал в июле 1941-го, а закончил в мае 1945-го, в Берлине. Он был артиллеристом. Он уничтожил десятки танков, пушек и другой техники фашистов. Он войну начал сержантом, командиром орудия, а закончил капитаном, командиром батареи. У него дома хранится карта обстрела Берлина. Мой дедушка награжден шестью орденами и многими медалями за мужество и героизм на фронте. Этот альбом я посвящаю ему и своему второму дедушке Пете».

(Из альбома Юли Замалаевой.)

«Василий Бережнов — единственный в нашем районе имеющий орден Александра Невского. Длинен боевой путь Василия. Первое боевое крещение он получил под Грозным и Моздоком. Был ранен. Снова фронт. Сначала Воронежский, потом Курско-Орловская дуга. Под небольшим городком Лебедянь был ранен, засыпан землей. Снова госпиталь. После госпиталя — школа командиров. Весна 1943 г.: Василий на Ленинградском фронте командует взводом. В бою под Выборгом за проявленные мужество и смекалку он был награжден орденом Красной Звезды.

Однажды подразделение, которым командовал Василий, расположилось на болотистой местности. Справа проходил овраг, а слева гнилая, вытекающая из болота речушка. Впереди равнинное поле, которое надо защищать, а оно все болотистое. Он верно догадался, что через болото немцы не пойдут. Он отправился в штаб батальона и изложил свои планы упрежденного удара противника. С ним согласились. Всю ночь трудились бойцы, устилая топь ветвями. Под утро, чуть забрезжил рассвет, бойцы бросились через боло-

то прямо на немецкие траншеи. Их не ждали. Противник был застигнут врасплох. Враг не выдержал рукопашной схватки. Враг был разбит. Плацдарм до прихода свежих сил был удержан. За этот бой Василий Бережнов был награжден орденом Александра Невского.

Дошел отважный воин до Берлина. Сейчас он на пенсии».

(Из альбома Петрицкаройской СШ № 2, г. Петрицкаро, Грузинская ССР.)

А Михаил Голубцов из Московской области вместе с альбомом прислал подшивки газет военного времени. Чьи руки листали эти страницы? Чьи глаза сорок пять лет назад пробегали столбцы имен в поисках родного имени?

«Указ Президиума Верховного Совета СССР О присвоении звания Героя Советского Союза генералам, офицерскому, сержантскому и рядовому составу Красной Армии

За успешное форсирование реки **Днепр**, прочное закрепление плацдарма на западном берегу реки **Днепр** и проявленные при этом отвагу и геройство присвоить звание **Героя Советского Союза** с вручением **ордена Ленина** и медали **«Золотая Звезда»:**

1. Старшему сержанту Аглиулину Шамий Шамсудиновичу.
2. Младшему сержанту Азизову Домулла.
3. Младшему лейтенанту Акуционок Петру Алексеевичу.
4. Красноармейцу Алексееву Григорию Алексеевичу.
5. Сержанту Алимбетову Абылай...»

(Из газеты «Правда» от 31 октября 1943 года.)

Многие написали, что благодаря викторине они по-другому стали смотреть на ветеранов. В их глазах вечно брюзжащие старики превратились в проживших трудную жизнь, израненных, много раз контуженных, больных людей.

Вот обычная сцена из городской жизни. Но она страшна именно своей обыденностью.

Переполненный автобус. Люди возвращаются с работы. Остановка. Входит, тяжело опираясь на палку, сгорбленный старик. Сзади, сбивая его, напирает крепкий мужчина этак 60-го размера. Старик дрожащими руками хватается за поручень. Мужчина без стеснения «кроет» его матом. Двери закрываются, автобус трогается. Пассажиры обсуждают происшедшее. Бойкая женщина верещит:

— Так его, старого... Настоящие ветераны уж в земле лежат, а он живой... Небось, при штабе сидел...

Я вышел на следующей остановке. Но из жизни не выйдешь, не пересядешь в другой автобус... Мне стало стыдно за то, что никто не защитил старика и я промолчал тоже. Стыдно и горько...

Сколько ветеранов уже не могут за себя постоять. Все силы там — на полях сражений...

Ребята, поможем им! Это наш долг перед теми, кто спас нас от фашизма!

Андрей МУХАНОВ,
ученик 10-го класса, член жюри конкурса, г. Москва.

Не забывайте своих земляков!

«Наша пионерская дружина борется за присвоение имени...» Так начинаются многие письма, которые приходят в журнал «Пионер» от отрядов из самых разных поселков и городов. А дальше стоят имена известных всей стране героев: Зои Космодемьянской, Александра Матросова, Сергея Тюленина, Вали Котика...

Кажется, ну и что тут такого? В чем проблема? А вот почитайте сначала это письмо:

«Этот человек был нашим земляком.

Его военная судьба ничуть не уступает судьбам советских разведчиков, патриотов, сражавшихся в фашистском тылу. Об Арменаке Абрамяне можно написать захватывающую книгу.

1943 год... Кровопролитный бой. Окружение. Арменак Абрамян ранен и взят в плен. Концлагерь для советских военнопленных на территории оккупированной Польши в городе Пулавы.

Арменак вступает в концлагере в подпольную организацию, цель которой — поддерживать в пленных веру в победу, боевой дух.

Подпольщики устанавливают связь с польскими партизанами. Тщательно разрабатывают с ними план побега, который выдают фашистам два предателя.

Арменака и других «особо опасных» (всего 120 человек) в закрытых вагонах перебрасывают на юг Франции, в город Иер, для работы на строительстве мольных укреплений.

Там подпольщики вошли в контакт с местными армянами-антифашистами.

Мужественная Артемисия Чаликьян, член Французской коммунистической партии, жительница Марселя стала часто навещать лагерь для военнопленных, сообщать правдивые сведения о фронте. Иногда ей удавалось напечатать на армянском, русском, немецком языках листовки, написанные подпольщиками...

А потом — вновь перевозка в другие концлагеря...

Но Арменак Абрамян и его товарищи не пали духом. Они постоянно, в любом положении искали случай, который бы помог им избавиться от плена. И они нашли этот случай. Во время бомбежки вокзала в городе Ним им удалось выскочить из эшелона и бежать.

Во Франции действовали многие партизанские отряды. Среди них — отряд Бардуха Петросяна. Вот туда и попали Арменак Абрамян и бежавшие с ним. Войну он закончил командиром взвода этого отряда. Был награжден многими французскими орденами и медалями...

Вот такая военная судьба была у отважного, мужественного Арменака Абрамяна. Наша пионерская дружина будет гордиться, если нам присвоят его имя.

Пионеры из средней школы села Вагашен Мартунинского района Армянской ССР».

Ребята! Ведь и у вас в селе, городе, деревне жили не менее достойные люди, почему бы и вашим дружинам не носить их имена? Не забывайте своих героев-земляков! Чем больше станет известно героев, тем лучше мы будем знать историю нашей страны, тем крепче будем любить нашу Родину.

Узел связи

ПОДАРИТЬ ЛИ ЗЕЙНАБ ВЕРБЛЮЖОНКА?

Из письма Зейнаб Аманкуловой:

«...Ночью в окно постучали соседи, у них маленький внук заболел. Я стала будить брата, чтобы ехал за доктором. Он на меня накинулся: «Не могла соврать, что мотоцикл испортился, теперь ночь не спать!» И мать раскричалась, зачем не сказала, что дорогое лекарство кончилось, которое нам привезли из города. Все я не так делаю, не то говорю. Одному брату подарили мотоцикл, другому машину, только мне ничего. Чтобы ты, Зейнаб, поняла, какие с тобой всегда неприятности, надо тебе, наверное, верблюжонка дарить,— так говорят. С ним и хватишь хлопот! Полслова боишься соврать, несчастная. Как будешь жить?»

Так написала Зейнаб откуда-то из-под Ташкента, про аул Зейнаб написать забыла.

Жалко ее, да? Только не будем спешить. Слишком много похожих писем стали мы получать. От невезучих, неудобных, от которых одни неприятности.

«У меня не было выхода,— написал семиклассник из Севастополя.— В школе, где я учусь, мама — завуч. Пока в младших классах был, ничего. А недавно на контрольной мама вызвала меня, взять от дома ключи, она их забыла. Ребята подумали, что мать хотела узнать, как получилась задача. После я на родительском собрании встал и сказал, что решил перейти в другую школу. Что дома поднялось! Ведь мама «хотела как лучше», а я поддаюсь слухам, надо было придумать предлог, уйти незаметно, а теперь — неприятности. Удобно, неудобно? Зачем было с детства пристраивать в мамину школу? Уверен, ребята поймут меня правильно, а родителей ты, редакция, помоги уговорить...»

А вот и еще... Уже не спор. Не лишение подарка.

«Теперь считается, что я ославила наш дом на весь белый свет. А я друга спасла. История для ребят нередкая. Коротко: в квартале нашем сколотилась команда. А где их нет? Делают вид, что всех «загоняют в рабство», ко мне подходили, чтобы я не дружила со Славой. Он провожал меня с дискотеки, я выскочила на балкон, поглядеть, как он уходит домой. Что же я увидела! Его успели окружить, и так тихо, тупо бьют,— все на одного! Не помню, как очутилась внизу, бросилась,— только бы их остановить, кричала, что согласна на «рабство», что отдам им перстень, мамин подарок. Но драку уже было не разнять, я стала кричать, стучать в окна первого этажа, одно разбила, и хоть на помощь никто не вышел, команда расползлась, надо было поднимать с земли Славку. Я привела его к нам, умыла. Но маму возмутило не это. А то, что я побежала спасать,— родители спали и ничего сначала не поняли,— что наделала шуму, будто бы Слава не мог бы там сам «разобраться»! Какие неприятности, теперь подумают, что я связана с «этими»... Разговоры, окно! Я спросила: а ты бы защитила папу? «Эти» пошучивают у нас в квартале и со взрослыми... «Сравнила!» — сказала мама...»

Светлана,— она из Подмосковья,— на этом не обрывает письмо. Хочет понять: что же, законы добра разные для взрослых и не взрослых?

Значит, главное, чтобы тишина, шито-крыто, без неприятностей, чтобы тень не упала, «мы прожили честную жизнь», а вы откуда такие?

И — письмо последнее.

«Ты, «Узел связи», должен отвечать на все вопросы. Вот мой: могу ли я войти в «развод» со своими родителями? Не хочу иметь с ними ничего общего. Лена Д.».

Вспоминаем: а ведь мы ей уже отвечали. Пока по закону Лена не может бросить свой дом, родных. Но послушаем дальше Лену: **«Я затворница. У меня только три друга: телевизор, кошка и книги. Когда приходят с работы отец и мама, мы идем гулять, держась за руки, как в детстве. В школу папа подвозит меня на машине, и потом забирает, а если я задержусь на минутку, у него уже слезы в глазах. У них было трудное детство. Они не хотят, чтобы меня сбили с пути какие-то панки, наркоманы, рокеры и отняли у меня светлую юность. Я не против вырасти такой, как они хотят. Но чему я научусь без людей?»**

У Елены нет неприятностей. А «развод»? Мысль невозможная. Хуже самых неприятных неприятностей! Нет уж, лучше пусть они будут. Разве это — неприятность, если ребята хотят жить без лицемерия, без «тишины», без стыдной поминутной опеки, без вранья? Так как же, товарищи взрослые? В душе вы, может, и не хотите обидеть ребят, но что же получается?! Да, неудобная жизнь с такой, как Зейнаб, как Светка, как Коля. И если Зейнаб не отступит, придется ей подарить-таки верблюжонка! Подарок милый, немножко только неудобный по нынешним временам. Куда с ним потом? Впрочем, много еще неудобств впереди у «неудобных». Самых нужных сейчас людей!

По «Узлу связи» дежурила А. БЕЗБОРОДОВА.

«Узел связи» предупреждает: письма, которые мы сегодня печатаем, могут не понравиться... твоим родителям. Как же быть? Очень просто: прочитай-ка их дома вслух. Интересно, что скажут взрослые? И что скажешь ты?

Рисунок А. ВОВИКОВОЙ.

В ШКОЛЕ «ОЙКОС-ЛОГОС»

УМОЙ ЗЕМЛЮ!

В мальчишеские годы мы часто рассуждаем так:

— Хорошо было нашим дедам! Сколько им надо было изобретать: машины, железные дороги, радио, телевидение... А нам нечего делать! Но каждая эпоха рождает свои проблемы. Каждое поколение людей сталкивается с новыми вопросами. Жизнь требует новых открытий и изобретений.

Часто можно слышать: «Мы живем взаймы у потомков». Чем больше мы используем земных богатств, тем меньше достанется сыновьям и внукам.

Но это горькое прозрение наступило только у нашего поколения. Оказалось, мы живем на маленькой планете, и прав был известный французский писатель Антуан Сент-Экзюпери — автор «Маленького принца»,— который завещал нам:

— Проснувшись, умой Землю!

Люди не очень-то прислушивались к подобным советам.

Уже больше 30 лет назад ученые предупреждали: все большее использование угля, нефти, газа, торфа, древесины и другого минерального и органического топлива приводит к накоплению в атмосфере Земли углекислого газа. Он, этот газ, подобно стеклу, пропускает к поверхности планеты коротковолновые лучи Солнца и задерживает длинноволновые лучи. От этого остывает поверхность Земли. Такое явление называют тепличным эффектом. С увеличением количества углекислоты на Земле должно делаться теплее. Ученые говорили, что это не единственная причина грядущего всеземного потепления.

Им не то чтобы не поверили, скорее, не обратили внимание на предупреждение. В результате уже сейчас чуть-чуть потеплело. Это не значит, что в Москве стало, как в Сочи, а в Сочи, как на экваторе. Когда толкнешь маятник, он качается. Когда «подтолкнешь» всеземной климат, возникают так называемые климатические аномалии: то жарче, чем обычно, то холоднее, чем припомнят деды, то налетел «лишний» ураган (ураганы и раньше случались, но реже), то возник смерч там, где его никогда не наблюдали.

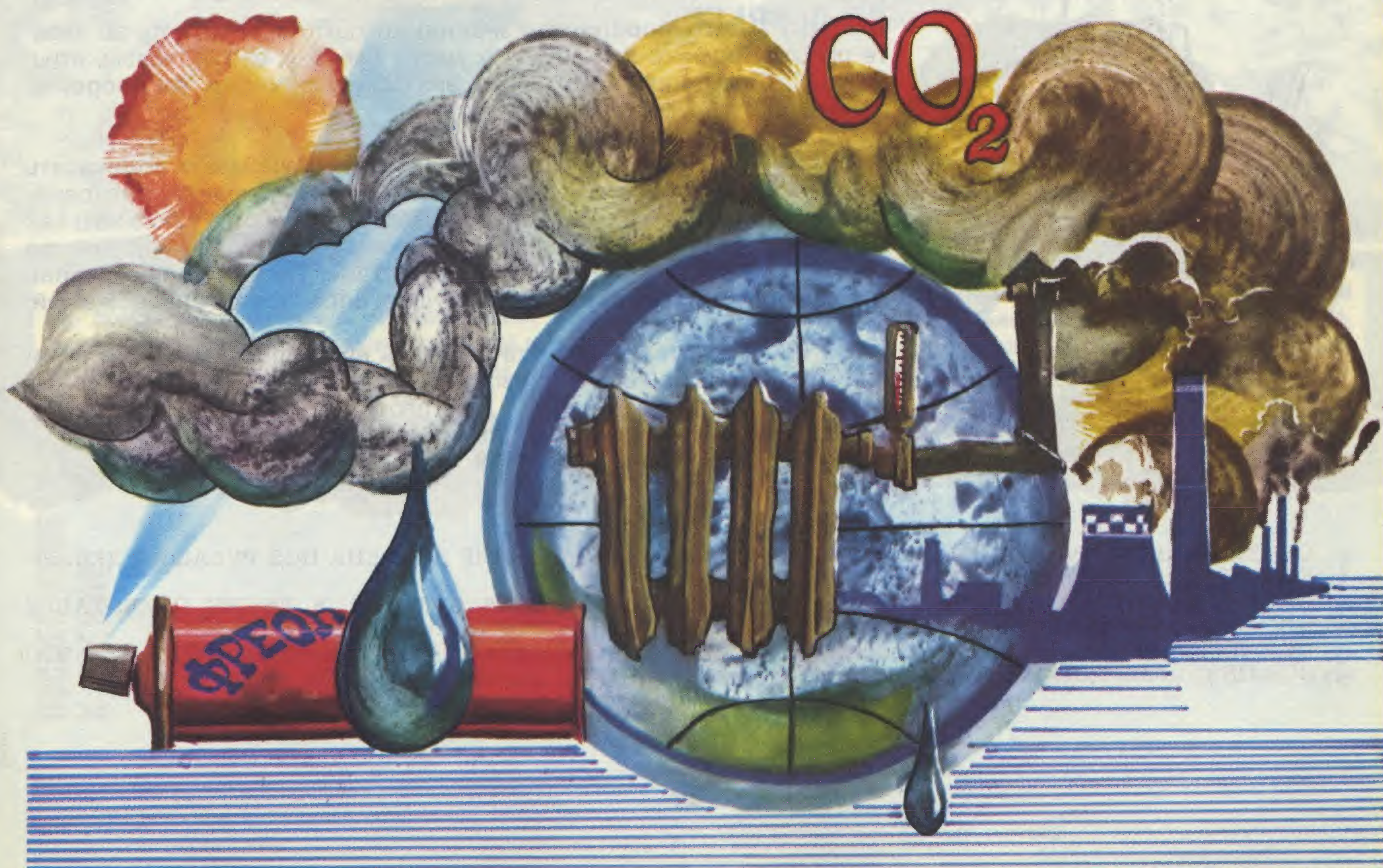
Специалисты до сих пор спорят, насколько потеплеет в начале следующего века и какие это принесет беды. О выигрышах говорить не приходится, так как вся жизнь людей, все их хозяйство приспособлены к тем климатическим условиям, что сложились веками. И поскольку это так, усилия всех людей Земли должны быть направлены и на то, чтобы потепление не было слишком большим (иначе начнут таять ледники, в том числе Антарктиды и Гренландии, вытаивать «вечная» мерзлота тундр, и огромные просторы суши уйдут в пучину океана). И на то, чтобы были найдены источники энергии, не добавляющие углекислого газа и большого количества тепла в атмосферу. Например, солнечные установки, производящие водород как источник топлива. И на то, чтобы, если все же потепление произойдет, изменить хозяйство...

В шестидесятые годы экологи и метеорологи, физико-химики предупреждали:

— Осторожнее с ядохимикатами и фреонами, теми самыми кипящими при комнатной температуре веществами, что распыляют из баллончиков. Насекомые и микроорганизмы быстро приспосабливаются к ядам, а позвоночные животные, в том числе человек,— нет.

Экологи говорили:

— Наступит «безмолвная весна» без птиц.

И оказались правы. Во многих местах так и случилось.

Специалисты предупреждали:

— Фреоны поднимутся высоко в стратосферу, вступят в химические реакции с озоном. А озон защищает Землю от жестких, убийственных ультрафиолетовых лучей Солнца. Прорвутся эти лучи к поверхности планеты сверх нормы, быть беде.

Ядохимикаты и фреоны — продолжали производить и применять в огромных количествах. В результате сейчас более 400 видов «мирских захребетников», как в прошлом называли нежелательные для человека существа, не реагируют на яды, люди же постепенно травятся, их здоровье от применения ядохимикатов все больше ухудшается.

Озон начал исчезать прежде всего над полюсами Земли. Сначала над Антарктидой, затем появились озоновые «дыры» над Арктикой. Размер озоновой «дыры» над Антарктикой увеличивается на четыре процента в год, больше чем в два раза за 18 лет. К чему все это приведет, пока сказать трудно, но беспокоиться есть о чем: без озона в слоях атмосферы жизнь на суше станет невозможной.

Немного меньше 20 лет назад экологи предупреждали о совсем уж непонятной угрозе. Они говорили, что победа над оспой, другими опаснейшими заболеваниями — палка о двух концах. С одной стороны, это очень хорошо,— человечество избавится от страшных недугов. Но, с другой стороны, природа «не терпит пустоты»: уничтожение одних организмов приведет к возникновению других, возможно, не менее опасных. Нужно не уничтожать возбудителей болезней начисто, а ослаблять их, делать их безопасными, сохраняя как виды. Может быть, даже сделать их, если не друзьями, то союзниками человека.

Вновь экологов не послушали. Ученые говорили: появится гриппоподобное вирусное заболевание с высокой смертностью. И вот в начале 80-х годов, через 10 лет после предсказания экологов, началась эпидемия пока неизлечимой вирусной болезни, получившей название СПИД (синдром приобретенного иммунодефицита). При заражении вирусом СПИДа человек теряет способность противостоять любым болезням, не может от них вылечиться и в конце концов неминуемо умирает. СПИД окрестили «чумой XX века».

Изменчивость вируса СПИДа в 100, быть может в 1000 раз больше, чем многих других вирусов. Бороться со столь многоликим врагом очень трудно. Вот одна из тяжких расплат за недоверие и пренебрежение к экологии, теоретическому знанию — основе любой практики.

Мы перечислили всего четыре всеземные проблемы: потепление, использование ядохимикатов, нарушение озонового щита планеты и появление СПИДа. Но таких проблем намного больше. Для беспокойства, что скоро нечего будет делать, нечего изобретать и изучать, вовсе нет оснований. Наоборот, чем стремительнее техническое развитие, тем больше проблем оно порождает. Нужны все новые поколения техники, как принято говорить, «экологосовместимой», безопасной для человека и остальной природы. Если кто-то думает, что люди знают уже очень многое, он ошибается. Люди знают чересчур мало. Так мало, что это даже угрожает их собственной жизни. Необходимы все новые и новые знания. И в получении их нельзя останавливаться: остановка смерти подобна. Ведь жизнь — всегда движение.

Н. РЕЙМЕРС,
доктор биологических наук.

СОВЕТЫ ЗЕЛЕНОЙ ПРА

— **ОСЕНЬ,**— вздохнула мудрая Пра,— глубокая осень. Что вам делать, дорогие любители природы? Копать нельзя, сажать — тем более, очищать водоемы — холодно. Все и вся погружается в длинный глубокий зимний сон...

Но вы, любители природы, не должны расслабленно дремать!

ВО-ПЕРВЫХ, пополняйте знания! Хорошо ли, например, вы знаете природу родного края, родных мест? Деревья, цветы, травы, птиц, зверей?.. **Проведите на эту тему викторину в школе, во дворе, на работе папы и мамы.**

ВО-ВТОРЫХ, идите к тем взрослым, которые могут подсказать вам много интересного, полезного, а именно: как хранить и готовить семена для весеннего сева, какие деревья — сорняки, а какие нет; как грамотно вскопать огород, пришкольный участок; они поделятся с вами всевозможными народными приметами. **Такими великолепными знатоками могут оказаться бабушка, соседи, учитель, вожатый.**

И В-ТРЕТЬИХ, попробуйте ответить на вопросы моей викторины «Травки». В ней всего три вопроса, а речь в них идет о трех самых известных растениях. Травках, как говорят в народе.

Победителям я вышлю грамоты журнала «Пионер» и письма. **Ответы жду до 15 января 1989 года.**

ВИКТОРИНА «ТРАВКИ»

1. СЕМЕНА КАКОГО РАСТЕНИЯ И ЗАЧЕМ НАСЫПАЛИ В СТАРОДАВНИЕ ВРЕМЕНА ПОД РУБАШКИ ДЕВУШКИ ПЕРЕД НОВЫМ ГОДОМ? КАК НАЗЫВАЛИ ТАКИХ ДЕВУШЕК?
2. КАКОЙ ЦВЕТОК НАПОМИНАЕТ НАМ О ФЕЕ, ПРЕВРАТИВШЕЙСЯ В РУЧЕЙ, А ТАКЖЕ О КЕНТАВРЕ ХИРОНЕ, КОТОРЫЙ ЭТИМ ЦВЕТКОМ ЛЕЧИЛСЯ?
3. «ЖДУЩЕЕ РАСТЕНИЕ», «ДОЗОРНЫЙ ДОРОГ», «НЕВЕСТА СОЛНЦА», «ЗАКОЛДОВАННАЯ ДЕВА» — И ЭТО ВСЕ ОБ ОДНОМ ЦВЕТКЕ. О КАКОМ?

Рисунки Д. КАМЕНЩИКОВА.

КОЛОКОЛЬЧИК

«Уважаемые сотрудники редакций журналов «Пионер» и «Природа и человек», предложившие нам «Зеленую Карету»!

Спешим откликнуться на ваш призыв. Мы — это члены Детской экологической студии г. Ярославля. Будем знакомы!

По первому заданию экспедиции «Карта» (см. журнал «Пионер» № 10 за 1987 год) посылаем не просто рисунки, а наши фотографии, сделанные участниками экологического патруля в г. Ярославле и Ярославском районе. Фотоснимки раскрывают географию бесхозяйственности и разгильдяйства «Царя природы».

Это глупая, возмутительная **«Операция Тополь», проводимая жителями многих улиц Ярославля.** О ней много, но безрезультатно писали во всех местных газетах.

А так **«облагораживают» карьеры ближайшие автохозяйства в поселке Норское** — не соснами и золотистыми карасями, а изношенными покрышками.

Глаза бы не глядели, но **экологическому патрулю положено бороться с «чистоплюями» из садоводческого хозяйства шинного завода и кооператива «Автолюбитель».** Посмотрите, как они охотно «выносят сор из избы» на всеобщее обозрение.

Еще более впечатляющие картины можно **видеть на селе: например, отношение к земле, речке Кесьме, импортным удобрениям в совхозе имени Ф. Э. Дзержинского Ярославского района.**

150043, г. Ярославль-43, ул. Жукова, д. 17-а. Экологическая студия детского Дома культуры Ярославского Ордена Ленина и Ордена Октябрьской революции моторного завода.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ПИСЬМУ

Уважаемый директор совхоза имени Ф. Э. Дзержинского Ярославского района! Садоводы из хозяйства шинного завода и кооператива «Автолюбитель»! Поселковый Совет Норского! Работники Ярославского исполкома! ОТВЕТЬТЕ ЖУРНАЛУ «ПИОНЕР» И ЕГО ЧИТАТЕЛЯМ, ЧТО ВЫ ДУМАЕТЕ ПО ПОВОДУ ЭТИХ ФОТОСНИМКОВ?

Элс де Грун,
Эдуард Успенский

Год хорошего ребенка*

(комическая повесть)

Рисунки А. АРХУТИКА.

Окончание. Начало в №№ 9, 10.

С одной стороны, московский школьник Рома Рогов начал переписываться с голландской школьницей Розалиндой Виллинг.

С другой стороны, Организация Соединенных Наций объявила о проведении в маленькой стране Жевене Всемирного Праздника Хорошего Ребенка.

Вот Рома и Розалинда и решили встретиться на этом празднике. Но с Ромой произошла «несчастливая катастрофа» — выездная комиссия не выпустила его на праздник. Розалинда же, наоборот, выдержала все испытания и отправилась в Жевену, где она все еще надеется встретиться с Ромой.

Но, с третьей стороны, знаменитый жевенский гангстер Кирпичиано со своей шайкой решает похитить победителя всех конкурсов на Всемирном Празднике Хорошего Ребенка.

Что будет с четвертой стороны и чем все это закончится, вы узнаете, прочитав последнюю часть повести.

Розалинда приходит к советским

Наказанный Леша Измайлов слонялся из угла в угол по большому двухкомнатному номеру гостиницы «Амбасадор». Вдруг в дверь постучали.

— Войдите,— сказал Леша по-английски.

Дверь открылась, и он увидел девочку в куртке и джинсах. Это была Розалинда. Теперь, когда фестиваль начался и начались соревнования и встречи, было гораздо легче убежать от Эммы и Аренда.

— Привет! — сказала Розалинда.— А где русская делегация?

— Я русская делегация,— ответил Леша.

Розалинда подняла брови. Она была рада, что нет госпожи мадам Ивановой. Но, с другой стороны, с Ивановой она видела много детей, а сейчас здесь был один ребенок.

— А где остальные?

— Поехали на автобусную экскурсию по городу.

— А Рома Рогов с ними?

— О, нет,— ответил Леша.— Он остался дома. У него много дел в Москве.

— Каких дел? — закричала Розалинда.— Каких таких дел??? — У нее даже застрял комок в горле.

Леша опешил.

— У... у него бабушка заболела.

У Розалинды все перепуталось в голове:

— Елизавета Николаевна?

— Да, точно, Елизавета Николаевна.

— Но это же не бабушка. Это его соседка.

— Точно,— поправился Леша.— У него соседка заболела.

— А что с ней?

— Вывих всех конечностей. Она пол мыла в подъезде и вниз по лестнице съехала. Стирального порошка переложила.

Сколько себя Леша помнил, такая и подобная ерунда сыпалась из него легко и просто. Но обычно он делал это для своей выгоды, а сейчас зачем?

— Но при чем здесь Рома? — спросила Розалинда.

— Он всю ночь сидит у кровати. Рассказы читает.

Леша, чтобы уйти от тяжелых подробностей, встал с удобного мягкого кресла и пошел к столу, где лежал пакет, который оставил Игорь Иванович для голландской девочки.

— Ты Розалинда?

Она кивнула головой. Леша отдал ей коробку, которую он открывал полчаса назад.

— Там должно быть еще письмо.

Она взяла у него коробку двумя руками, открыла крышку и... То, что она увидела, удивило ее. Это был портрет набожного человека, нарисованный яркими красками на куске дерева.

— Что это?

— Какая-то икона.— Леша очень постарался, чтобы это прозвучало пренебрежительно. Он не мог перенести того, что Рома дарил такой красивый подарок. Чтобы отвлечь внимание Розалинды, он указал на крышку.

— Посмотри, там письмо приклеено внутри.

Когда она отлепила письмо, Леша встал у нее за спиной, подглядеть, что там написано. А Розалинда ничего не замечала. Она читала письмо.

Если вы не забыли, в номере «советских» на

* Журнальный вариант.

самом видном месте висел портрет госпожи Карабас. Она отечески улыбалась детям с этого портрета. Точно так же она улыбалась с портрета и китайским и американским ребятам.

А с левой стороны портрета в двух сантиметрах от улыбки в раму был вделан «беби-спай».

Кто хоть раз побывал за рубежом, знает, что такое «беби-спай». Это специальное устройство, которое помещается в комнате, где спит маленький ребенок.

Родители уходят и берут с собой коротковолновый приемник с диапазоном волн ФМ. Если ребенок заплачет, «беби-спай» передаст его плач на расстояние 1 км. И папа с мамой, которые ушли к соседям пить пиво или кофе, немедленно бегут домой перепеленывать или кормить свое кричащее сокровище.

В этот раз «беби-спай» подслушивал «советских». Кирпичиано не собирался их перепеленывать. Он хотел знать про них все. И приемник с диапазоном волн ФМ стоял в диспетчерской.

Теперь Кирпичиано понимал все, потому что разговор между Лешей и Розалиндой велся на английском языке. И с каждой фразой беседа интересовала Кирпичиано все больше и больше. Рядом с Кирпичиано сидел Картошка, который тоже старался не пропустить ни одного слова.

Письмо, которое читала Розалинда, было таким:

«Дорогая Розалинда! Это икона Сергия Радонежского. Это такой святой русский монах, который помог русскому войску в борьбе с монголо-татарским игом. Эту икону я рисовал сам специально для твоей религиозной бабушки. Я думаю, она ей понравится.

Жалко, что меня не пустили в Жевену. Я прошел все конкурсы, кроме последнего. Я там подрался с одним мальчишкой и все испортил. Я тебе еще об этом напишу. Желаю тебе хорошо провести время. Рома».

Розалинда держала икону на большом расстоянии и внимательно рассматривала.

— Какая она красивая! — Розалинда чуть не расплакалась.

— Очень красивая. Это я помогал ее рисовать.

Она повернула голову в изумлении:

— Ты знаешь Рому?

— Да. Мы вместе проходили все конкурсы. Когда он все испортил. Он попросил меня помочь ему рисовать.

Порой Леша сам на себя удивлялся: что же это такое — говорить неправду было для него так же естественно, как пить или есть.

Розалинда удивилась:

— Но ты же сказал, что он остался в Москве, потому что у него бабушка заболела. То есть соседка.

— Это правда,— сказал Леша.— Еще и бабушка заболела.

Таким образом он удвоил Ромины неприятности.

Розалинда внимательно рассматривала этого высокого рыжего мальчика. Она что-то стала подозревать. Она еще доверяла ему, но уже была начеку.

— Вы с Ромой вместе учитесь?

— Да. Мы в одном классе, но в разных школах.

— Что? Что?

— Я хотел сказать, что мы в разных школах. Он ходит в простую, а я — в английскую спецшколу.

— Спецшкола? — подумала Розалинда и спросила:

— А кто твой отец?

— Мой отец — заместитель директора большого завода. Без него завод работать не будет. У него очень важная работа.

— А твоя мама?

— Мама у меня работает в объединенных профсоюзах.

— Где ты живешь?

— В шестикомнатной квартире в Москве. У нас еще дача есть. Мы туда ездим, когда у меня каникулы, а у родителей отпуск. Только у моих родителей такая работа, что им все время нужно быть в Москве. Да и мне тоже.

«Все, что человек имеет, ему дал бог! — сказала бы бабушка.— А сам по себе человек ничто». В переводе на простой нерелигиозный язык это означало: «Хвались, хвались, да смотри не свались».

Этот мальчик все меньше нравился Розалинде. Она даже испытывала к нему легкое отвращение. Она взяла коробку и пошла. Но вдруг остановилась у двери. По ее лицу пробежала улыбка.

— Ты ходил к Роме домой, когда вы эту икону рисовали?

— Конечно. Он просил меня об этом.

— У него тоже шестикомнатная квартира?

— Он живет в хорошем доме, как и все советские дети, живущие в Москве.

— А что делает его мама?

— Она работает... кассиршей.

Розалинда не удержалась и хихикнула.

— Между прочим, как тебя зовут?

— Алексей. Но все меня называют Леша. Леша Измайлов.

Пожалуй, это была единственная правда за этот час.

Скоро вернулась советская делегация. И ребята горохом ринулись наверх. Один Игорь Иванович расхаживал по вестибюлю. Он ожидал мистера Хи Чи Каву, который должен был принести программу на завтрашний день.

Игорь Иванович ходил... ходил... ходил... И вдруг увидел малогабаритный приемник на стойке, перегораживающей комнату Кирпичиано.

Каждый русский как только видит радиоприемник с короткими волнами, немедленно хочет включить его, чтобы услышать родную радиостанцию «Маяк». И вдруг он услышал до боли знакомый голос. Это был голос товарища Ивановой:

— Ребята, сейчас мы построимся в шеренгу по одному, возьмем полотенца и мыло и все как один пойдем в умывальник мыть руки.

Игорь Иванович от потрясения чуть не выронил приемник. А он стоил чуть ли не пятьдесят жевенских франков!

Учебные старушки выходят на старт

Вечером на одном из перекрестков Жевены в одном из многочисленных уличных кафе состоялось небольшое походное совещание — конференция.

За столом сидели Картошка, Туз и Сонька Золотая Ручка. Председательствовал Туз:

— Посмотрите на кого мы похожи. Все в синяках и в пыльной одежде. На меня свалилось пятеро велосипедистов. Они, черти, твердые как из чугуна.

— А на меня сверху упал один, но вместе с велосипедом. У меня сейчас до сих пор виден отпечаток педали на спине.

— А я в суматохе попала в коляску мотоцикла, и меня завезли на другой конец города! — сказала Сонька.

— Видите! — подвел итоги Туз.— И еще неизвестно что нам предстоит. Завтра эти дети сошьют костюмы и заставят нас в них ходить. Попробуй надень джинсы на два размера меньше и с одной штаниной на полметра короче.

— Что же делать? — спросил Картошка.

— Сил нет терпеть. Я предлагаю свистнуть первого попавшегося мальчишку из приличной семьи и потребовать за него выкуп. Конечно мы несколько прогадаем по сравнению с победителем. Но шума и риска будет меньше.

— И я даже знаю одного! — сказала Сонька.— Американца.

— И я знаю! — сказал Картошка.— Русского!

— А Кирпичиано? — спросила Золотая Ручка.

— А он нам не указ. Он сидит в теплой диспетчерской, кофе пьет, радио слушает. Побегал бы он сам перед мотоциклами.

— В конце концов мы выделим ему его долю,— сказала Сонька.— Мы его не обидим.

— Все,— сказал Туз,— решено! Берем американца или русского с шестикомнатной квартирой.

— Русского надежнее. Он дохленький,— сказал Картошка, который сам был такой же.

И они принялись разрабатывать детали будущей операции.

Соблазнительное предложение Жевенского совета церквей

Товарищ Иванова разозлилась на Лешу Измайлова всерьез и надолго. Никакое вмешательство Игоря Ивановича его не спасло. И Леша в наказание все дни проводил в гостинице.

Советские ребята сражались на всех фронтах. Гладили одежду, участвовали в диспутах на тему «Нужна ли нам война», пели, танцевали, спасали учебных старичков, переводили через дорогу учебных старушек.

А Леша сидел и сидел в номере наказанный. И вот однажды...

Однажды в номер вошли три вежливых пожилых человека. Двое мужчин и одна женщина. Они были очень нарядно и строго одеты. Их суровые лица светились простотой и незатейливостью.

— Извините, юный мистер,— сказал старший из них.— Мы представляем широкие слои религиозной общественности.

— Попов и монахов! — разъяснил младший.

— И верующих дурачков! — бойко сказала старушка.

Старший сурово на нее посмотрел. Это был умелец Туз:

— И верующих! — с нажимом поправил он известную церковную деятельницу Соньку Золотую Ручку.

— Чем могу быть полезен?

— Небольшой цикл лекций на тему «Религия в СССР»,— сказал Туз.

— Но я неверующий! — вскрикнул Леша.

— Тем интересней! — сказал младший мистер.

— Наши уши-то поразвесят! — сказала бабушка.

— У нас широкий круг верующих,— продолжал

Туз.— Католики, кальвинисты, квакеры, баптисты...— Он запнулся.— Кто там еще? — обратился он к помощникам.

— Домушники, форточники, скокари, медвежатники! — с охотой подсказала ему Сонька.— Щипачи, аферисты [1].

— Медвежатники, это что-то связанное с природой,— подумал Леша.— Это зеленые. Аферисты — это те, кто играет на арфе, музыкальные верующие, щипачи тоже.

— Ну что ж! — сказал он.— Одну-две лекции я вам прочту на тему «Религия — опиум для народа». Только не надолго, минут на десять.

— Так что поехали! — сказал Туз.

— Воронок внизу! — добавил его лысоватый зам.

Леша взял карандаш и написал записку:

«Уехал в религиозный совет церквей читать антирелигиозные лекции. Леша Измайлов. Приеду поздно». Он приложил к записке визитные карточки, и они всей компанией направились к автомобилю.

В вестибюле гостиницы их ласковым взглядом убийцы буквально просверлил насквозь Кирпичиано.

— Вот гады! Чего делают! Это самодеятельность или это бунт? Или этот мальчик стал победителем олимпиады? Убью! — думал Кирпичиано.— Уничтожу, как только рабочий день закончится.

Голландия на проводе

— Розалинда, тебя к телефону! — позвал Розалинду Аренд.

Была четверть девятого. Ребята только что позавтракали. У них был традиционный английский завтрак, и они вернулись в номер, чтобы почистить зубы. Нужно было торопиться, потому что через час начиналась эстафета.

Сгорая от любопытства, Розалинда выплюнула зубную пасту, вытерла рот рукой и выбежала из ванной.

— Меня к телефону?

— Да, тебя,— сказал Аренд.— Звонят из Голландии. Это дорого стоит. Возьми трубку быстрее.

Розалинда бросилась к телефону:

— Мама, здравствуй! Это я!

— Рози! Как ты там? — послышался голос бабушки. — Я тебя по телевизору видела. И я, и мама тоже, и папа. Мы почти уверены, что это была ты.

Розалинда держала трубку далеко от уха, потому что бабушка как всегда говорила громко.

— Бабушка, у меня все в порядке.

Розалинда не нашла ничего лучшего этой фразы. Зато бабушка всегда находила что сказать. Она говорила без остановки.

Аренд разными выражениями лица показывал Розалинде, что пора заканчивать разговор. Эмма постукивала кончиками пальцев по циферблату часов. Дети махали руками. Но речь бабушки остановить было невозможно.

— Ой, а какое открытие праздника было! — говорила бабушка.— Слушай, самое главное, ты виделась с этим мальчиком?

— Нет. Он не приехал!

— Вот это люди! — возмутилась бабушка.— Разве можно на них положиться.

— Он мне письмо написал и передал подарок. Подарок для тебя. Это икона русского святого.

А в это время крупные деятели из совета церквей подъехали к загородной ферме. Картошка взял Лешу под руку:

— Прошу вас.

То, что увидел Леша, по его мнению, напоминало жилище сельского священника или облегченный вариант сельской часовни.

— Это что? — спросил он.— Место будущей лекции-чтения?

— Это то, что надо, молокосос! — сказала Сонька Золотая Ручка.— Иди вперед и болтай поменьше.

Леша увидел, что внешность религиозных деятелей сильно изменилась. Теперь они были не постные, как положено церковникам, а приблатненные.

— Я не понял, бабушка, что вы сказали.

Сонька вынула из сумочки небольшой револьвер и направила на Лешу.

— Сейчас поймешь, сосунок! Вперед, шагом марш!

Леша страшно перепугался. До сих пор он видел такие штуки только в гангстерских фильмах. Но там он знал, что ловкий бригадир Джордж, или комиссар Кампанелла, или шериф Паркинсон сидят за забором, чтобы появиться в самый важный момент. А здесь и забора-то не было.

— Что вы, тетя, ко мне пристали! Я приехал лекцию читать.

— Вот иди и читай! — сказал маленький гангстер Картошка и впихнул мальчика в сарай для сельского транспорта. За ним с грохотом задвинули тяжелый засов.

Корреспондент Жувачкин идет по следу

«Советские» вернулись в гостиницу счастливые. Еще бы, в эстафетных соревнованиях Дина Токарева заняла второе место. Ребята бросились к Леше Измайлову поделиться радостью. Но Леши не было. Вместо него лежала записка, что он уехал в религиозный совет читать антирелигиозные лекции.

— Что это значит? — спросила тов. Иванова у Игоря Ивановича.

— Возьмите эти визитные карточки и позвоните по указанным телефонам, — спокойно сказал Игорь Иванович.— Все и узнаете.

Сказал он это спокойно, но в душе у него уже начал потихоньку стрекотать маленький будильник тревоги.

Игорь Иванович стал понимать, что дело плохо. Что может случиться и такое, что Лешу похитили... утащили... свистнули. И рано или поздно за него потребуют выкуп. Леша, конечно, барахольский ребенок. Так, дрибузня! Но выкупать его придется. Значит, прощай диктофон, который он собирался купить, прощай телефон с памятью на сто номеров, и прощай черный плащ для жены Лиды.

— Плохо дело! — сказал Игорь Иванович.

— Почему? — спросила товарищ Иванова.

— Он им такого начитает! Что архангел Гавриил — представитель военно-промышленного комплекса. Что Николай Чудотворец — обычный иллюзионист без аппаратуры...

---

[1] Названия воровских «профессий».

— А что мы будем делать сейчас?

— А сейчас мы все как один пойдем в кино,— сказал Игорь Иванович.— По всей западной Европе шумит фильм «Дьяволы северной планеты». А мы его не видели.

— Ура! — закричали ребята.

Сам Игорь Иванович не пошел. Он сказал:

— Вы идите, а я буду Лешу ждать. Я этот фильм видел.

А будильник тревоги звучал у него внутри все сильнее и сильнее, все громче и громче... Уже почти как пожарный колокол.

У него закрылось подозрение, что утаскивание... то есть утас... то есть похищение Леши Измайлова было делом рук пожилого мордастого человека снизу, который отвечал за учебных сотрудников. Того, который с приемником. Того, который приносил портрет госпожи Карабас — подарок коллективу ребят от коллектива швейцаров.

Если дело было так, то как тогда вернуть Лешу, избежав скандала в прессе? Игорь Иванович тут же представил себе заголовки в газетах, написанные крупными буквами:

«СОВЕТСКИЙ РЕБЕНОК СБЕЖАЛ НА ЗАПАД!», «СУПЕРДЕРЖАВА ТЕРЯЕТ КРОШЕЧНОГО ЧЕЛОВЕКА», «ПОХИЩЕНИЕ ИЛИ ПОБЕГ? — ВОТ ЗАГАДКА ДНЯ!»

Чем больше он думал, тем больше он понимал, что выкуп еще полбеды, гораздо хуже сплетни, слухи, унижение государства. И все это из-за какого-то наглого мальчишки, пустоголового хвастуна, который, непонятно каким образом, прошел конкурсные испытания и попал на фестиваль. Игорь Иванович сжал кулаки. Он был очень зол на антирелигиозного лектора.

В дверь постучали. Игорь Иванович вздрогнул.

— Кто там?

Ответа не было.

— Кто там? — спросил он по-английски.

— Это я, Розалинда.

— Тебе нужно на этаж выше. Там живет американская делегация.

— Нет, нет, мне нужно сюда.

— Как это сюда? Зачем еще? — спросил Игорь Иванович. Он поймал себя на том, что грубо разговаривает с девочкой. Это было потому, что его мысли были направлены на Лешу.

— Я из голландской команды. Я пришла узнать о Роме Рогове.

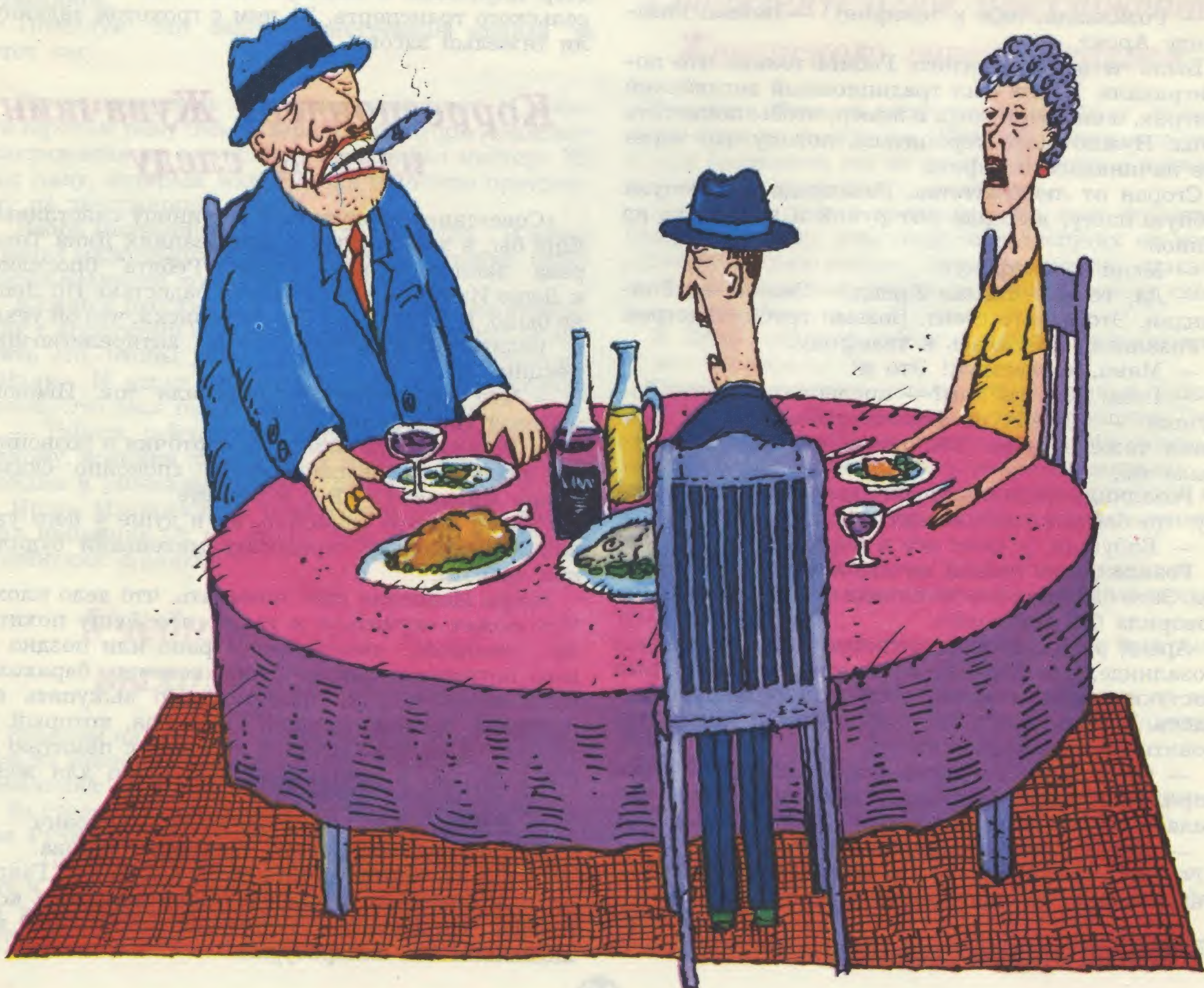
— Он с нами не приехал.

— Я знаю. Поэтому я хочу ему кое-что передать.

Игорь Иванович впустил девочку в комнату. Двухкомнатный номер был достаточно удобным и аккуратно убранным. В нем стояло много кроватей, и все они были аккуратно застелены.

— Ты уже была здесь? — спросил Игорь Иванович.

— Да,— смущенно сказала Розалинда. Она чувствовала себя немного виноватой, как будто она говорила с Арендом.

— Когда?

— Вчера.

— А вчера, когда ты заходила сюда, кто здесь был?

— Один мальчик.

— Такой рыжеватый?

— Да, рыжеватый.— Розалинда постепенно стала вытаскивать из кармана письмо...— Не смогли бы вы.

— Никого другого кроме этого мальчика не было?

— Нет.

Розалинда заметила портрет госпожи Карабас с теплой улыбкой и дарственной надписью: «Моим дорогим русским друзьям». В комнате голландской делегации такого портрета не было. Это было несправедливо. Раз дарят портрет одной делегации, надо дарить всем. Зачем демонстрировать расположение к одним странам, игнорируя другие.

— А у нас такого нет,— сказала Розалинда.

Игорь Иванович вспомнил,откуда этот портрет, как Кирпичиано внес его в номер, вспомнил и «радиопередачу» в комнате начальника учебных сотрудников. Он на цыпочках подошел к портрету, снял его со стены и повернул госпожу Карабас к себе спиной. На обратной стороне портрета был вделан микрофон.

Игорь Иванович повесил «Карабас» на место.

— Леша исчез,— сказал он Розалинде.— Мальчишка дрянь, у нас уже были из-за него неприятности. Но это слишком... Оказывается, он еще и воришка. Наша чековая книжка пропала на очень большую сумму. Там тысячи и тысячи долларов.

Розалинда задумалась. Она хорошо запомнила Лешу. Но от хвастовства до воровства очень далекий путь.

— Вы уверены, что это он?

Игорь Иванович подошел вплотную к портрету Карабас и произнес так, будто он положил руку на библию:

— Я уверен, что Леша украл книжку из комнаты.

— Тогда нужно срочно рассказать об этом всем и сообщить в полицию.

— Тогда нужно срочно никому об этом не рассказывать и ни в коем случае не сообщать в полицию. Подымется такой скандал. А вдруг мальчик исправится? Может быть, он вернется с книжкой. Я должен дать ему такую возможность. Так что я буду молчать. И ты тоже помалкивай.

— Да-да, конечно,— сказала Розалинда, запинаясь.

Игорь Иванович улыбнулся. У него было открытое лицо с добрыми серыми глазами.

— Я пойду посижу в вестибюле, почитаю. Спасибо тебе. Я знаю, ты не подведешь.

Они вместе вышли из комнаты. В руках Розалинда все еще держала письмо для Ромы.

— Передайте, пожалуйста, это Роме Рогову,— попросила она уже в лифте.— Через два дня фестиваль закончится. Вы приедете быстрее почты. Он будет рад.

Игорь Иванович положил письмо во внутренний карман пиджака:

— Значит ты и есть та самая голландская девочка, с которой он переписывается. Он очень хороший мальчик, и художник хороший.

Лифт остановился с легким шумом. Не попрощавшись с Розалиндой, Игорь Иванович направился к дивану в вестибюле, перед которым на столике лежали свежие газеты. Он взял одну и стал читать.

Розалинда шла за ним в растерянности.

— Вы давно знакомы с Ромой? — спросила она.

— Не очень...

— А вы хорошо его знаете?

— Чего?.. Ах, да, не очень... Дай мне почитать.

Но он не читал. Глаза его были направлены в одну точку в газете. И когда Розалинда рассмотрела газету, она увидела в ней дырку. Но дырка была не только в газете. По мнению Розалинды, дырка была и у Игоря Ивановича в голове. Какой-то он был «сдвинутый».

А Игорь Иванович находил, что «сдвинутой» была девочка. Она просто прилипла к нему, в тот самый момент, когда он занимался очень рискованным делом.

Сквозь отверстие он увидел как, Кирпичиано — главный Учебный сотрудник — перекладывал пачки бумаг на столе и каждую секунду смотрел на часы. Неожиданно он встал и быстро пошел к выходу.

Игорь Иванович отложил газету и приподнялся с дивана.

— Скажите, а вы знаете, почему Рома не приехал в Жевену?

— Извини, меня ждут! — кинул на ходу Игорь Иванович и бросился к выходу из гостиницы.

Он выбежал на улицу, но Розалинда бежала за ним.

Игорь Иванович бросился к одному из такси. Шофер любезно приоткрыл ему дверцу.

— Можно я с вами поеду? — спросила Розалинда. Она примирилась уже с тем, что у этих русских ничего не узнаешь.

— Куда?

— Отель «Вильгельм Телль». Пять кварталов отсюда. А то я опаздываю, и меня будут долго искать.

— Садись быстрее.

Игорь Иванович взял ее с собой. Несмотря на свою раздраженность, он поставил себя на место девочки и понял: в ее глазах его поведение было грубым.

— Отель «Вильгельм Телль»? — спросил таксист.

— Нет! — закричал Игорь Иванович.— Видите эту красную «сузуки» впереди? Где генерал за рулем? Мы должны ехать за ними.

Розалинда посмотрела на красную «сузуки». Там пожилой человек из отеля тяжело размещался за рулем.

— Но...— начала Розалинда...— но...

— Тс-тс, мы тебя высадим по дороге.

Розалинда вступает в дело

Жевена — город, переполненный людьми и машинами, где в транспортной суете маленькие машины одерживают победу над большими, прорываясь вперед.

«Мерседес-дизель» таксиста, который подхватил Игоря Ивановича, тоже стремился прорваться вперед. Но там, где маленькая «сузуки» могла проскользнуть между двумя автобусами, «мерседесу» приходилось со скрипом тормозить.

— Быстрее! Быстрее! — кричал Игорь Иванович.

Они проскочили на красный свет, с визгом и выездом на встречную полосу повернули на перекрестке и чуть не наехали на очумевшую собаку.

Розалинда увидела многоэтажное здание своей гостиницы и спросила:

— Можно мне выйти?

Таксист нажал на тормоза.

— Не останавливаться! — закричал Игорь Иванович солдатским голосом.— Они уйдут!

Розалинда и таксист подняли брови в удивлении.

— Послушайте,— сказал таксист,— я горжусь своей профессией. И вовсе не хочу быть замешанным в грязном деле.

— А вы ни в чем и не будете замешаны,— сказал Игорь Иванович.— Вам просто нужно ехать за этой красной «сузуки». Я все оплачу.

Он украдкой взглянул на счетчик и вытащил кошелек, чтобы посмотреть, сколько у него осталось жевенских франков. Франков было немного.

Они пересекли черту города и какое-то время ехали по шоссе, которое извивалось по дну долины между двумя горами.

Потом они увидели предупредительный знак «Конец шоссе. Осторожно! Берегитесь встречных машин!» и выехали на второстепенную сельскую дорогу. Сначала она постепенно шла вверх вдоль пастбищ и фермерских полей, потом резко изменилась, превращаясь в извилистую горную дорогу-серпантин.

Игорь Иванович еще раз посмотрел на счетчик и вздохнул:

— Послушайте... А что если я вам скажу, кто я. Как меня зовут, кем я работаю, где проживаю... А?

Шофер не отрывался от руля и от дороги, но весь превратился во внимание.

— Зовут меня Игорь Иванович Жувачкин, я — корреспондент, журналист. Здесь на фестивале я руковожу советской делегацией...

— ...И у меня больше нет денег,— продолжил его слова таксист, который тоже не вчера родился на свет.

— До этого места я могу заплатить,— сказал Игорь Иванович.— Сейчас могу, а остальные деньги вы получите завтра от нашей делегации. Мы, русские, к таким делам относимся очень серьезно. У нас порядки строгие.

— Мы, таксисты, к таким делам тоже относимся очень серьезно. И у нас в фирме тоже порядки строгие.

Машина остановилась, и водитель попросил рассчитаться.

«Мерседес» уехал, а «сузуки», как красный жучок, ползла дальше вверх. Иногда она полностью исчезала в зеленых клубах деревьев, потом вдруг неожиданно появлялась в одной из прогалин серпантина.

Розалинду знобило, несмотря на теплое солнце. Это был еще момент, когда реальное и нереальное переплелись в один клубок. В Жевене это часто бывает.

Русский руководитель делегации положил ей руку на плечо.

— Извини, я должен тебе все объяснить,— сказал он серьезно.— Давай сядем и поговорим.

Розалинда села на траву у края дороги. Ей сразу стало легче. От Аренда она бы услышала совсем другие слова. Она спокойно сидела и ждала, что скажет этот русский.

— Ты только не бойся,— сказал он, и она сразу начала бояться.— Мне теперь совершенно ясно: Лешу Измайлова похитили.

Розалинда перестала бояться и вытаращила глаза.

— В этом деле замешан человек в красной «сузуки». Извини, что так получилось.

— А как они его похитили? Ведь он все время был в номере!

— Заманили. Нашли хороший предлог, чтобы уговорить его пойти с ними. Он был легкой добычей. Соблазнить его ничего не стоило.

— А чековая книжка?

— Это все неправда. Я о ней специально заговорил, чтобы тот человек из штабного номера выдал себя.

Он рассказал Розалинде о подслушивающем устройстве «беби-спай», которое было спрятано за портретом.

— Почему же вы не сообщили в полицию? — спросила Розалинда.

— Не успел,— ответил Игорь Иванович.— Надо было за ним бежать.

Он показал на гору, в ту сторону, в которой скрылась машина.

— А если мы поднимемся в гору и поищем его там,— предложила Розалинда.

— Кого?

— Лешу... «Сузуки».

Игорь Иванович с удивлением посмотрел на голландскую девочку:

— Не испугаешься?

— А что здесь такого страшного? Мы ведь просто гуляем и все.

— Пойдем,— сказал Игорь Иванович радостно и протянул девочке руку.

Страх Розалинды совсем прошел. Прогулка с русским руководителем делегации была для нее настоящим БОЛЬШИМ приключением. Это было куда приятнее, чем готовить, стричь, одевать кукол или вылавливать из воды учебных бабушек и дедушек.

Наконец они вошли в деревню. Ничего себе в деревню. Это только так называлось «деревня», а в самом деле вокруг стояли двухэтажные каменные дома с красными черепичными крышами. Большие окна, дорожки, розы.

Игорь Иванович начал здороваться с каждым встречным. Некоторые прохожие отвечали на его вежливые приветствия, но большинство так и проходило мимо с каменными лицами.

— У нас в деревне обычно приветствуют старших,— объяснил Игорь Иванович.— Люди здороваются.

И Розалинда представила себе 280 миллионов улыбающихся, здоровающихся, кивающих головами русских.

— Пить хочется,— сказала Розалинда.

— И мне,— ответил Игорь Иванович.— Может, пойдем попросим?

Он указал на отдельную ферму на выходе из деревни.

Розалинде это показалось диким.

— Нет, нельзя! — Они ведь не были бродягами, ни она, ни Игорь Иванович.— У нас так не делают.

— А что вы делаете, если вдруг сильно хочется пить?

— Мы идем в мотель. Или в кафе.

Но здесь не было ни мотеля, ни кафе, ни денег. Даже не было вездесущих представителей фирмы «Фрешель» с их вездесущим лимонадом. Была только жажда.

— Может, вернемся? — спросил Игорь Иванович, чувствуя себя все менее уютно на незнакомой, почти неведомой дороге. И еще он переживал за девочку. «Да,— подумал он.— Теперь паника в двух делегациях».

Розалинда вглядывалась в вершину. Кажется, дома уже кончились и там, вверху, ничего больше не намечалось.

— Знаешь что,— сказал Игорь Иванович.— Мы почти уже наверху, дойдем до конца для очистки совести.

Очень многие люди порою идут до конца из желания завершить действие. Это уважаемые люди.

Розалинда кивнула — «да».

Уже у самой вершины они увидели маленький фермерский домик с большим сараем. Рядом с домом стояла красная машина. Они насторожились и побледнели. Игорь Иванович приложил палец к губам и сделал знак Розалинде, чтобы она ждала его на дороге. Сам он тихонько подошел к двери сарая, прислушался и прошептал:

— Леша!

Розалинда вся напряглась, наблюдая за ним и не дыша. Кажется, из сарая послышался какой-то ответ, поскольку Игорь Иванович начал отодвигать засов, который заскрипел и завизжал как нарочно так, что тысячи сверчков не могли поглотить этот шум.

Вдруг появилась полоска света в двери фермы.

— Кто там? — спросил скрипучий голос. Кто-то прокаркал это по-немецки.

Игорь Иванович обернулся на голос:

— Это я.

— Что ты здесь делаешь?

— Ничего. Иду себе...

— Куда?

— В Малаховку...

— Ну и иди себе!

Игорь Иванович хотел развернуться и быстро двинуться в сторону Малаховки, но в двери появился другой человек, это был Кирпичиано, потом еще один другой человек... и еще кто-то.

— Стоять! — скомандовал Кирпичиано. Затем трое мужчин схватили Игоря Ивановича и, несмотря на все его сопротивление, злобно запихнули в сарай.

Розалинда в ужасе вскрикнула. Как это было глупо. Ее тоже немедленно схватили и бросили туда же. Она даже не успела никого укусить.

Грохот, с которым захлопнули засов, показался Леше Измайлову счастливой музыкой. Наконец-то они были втроем.

Скандал в благородном семействе

За всю свою долгую тихую сельскую жизнь старая ферма не слыхала столько ругательных выражений, сколько высыпалось из разгневанного Кирпичиано за эти полчаса. Кирпичиано разносил, буквально уничтожал своих бой-подчиненных.

— Идиоты! Недоумки! Четвертинки!

— Почему четвертинки? — удивился Картошка.

— Думаете на одну четверть! Такую операцию сорвать!

— Почему же сорвать, шеф? — спросил Туз.— Мы же ее блестяще провели. Мальчишка здесь, его папочка отсчитает нам рубли, и мы в порядке.

— Кому нужны твои рубли?! — закричал Кирпичиано.— Где ты их будешь тратить? Здесь их не принимают. Ты поедешь в СССР?

— А что, шеф? Небольшая развлекательная поездка группы престарелых профсоюзных лидеров.

— И ты будешь развлекаться в Сибири?! Да?! Тебе нравятся эти развлечения в наручниках?

— Шеф, а мы потребуем оплаты в твердой валюте,— спорил Туз.

— Да ты больше потратишь твердой валюты на кормление этой международной делегации!

— Кстати, их давно пора покормить! — сказала Сонька Золотая Ручка. Она была плохой, но все-таки женщиной. И желание кормить гнездилось где-то в глубине ее порочной души.

— Идите, кормите, мойте, одевайте! — кричал Кирпичиано. — Нам надо было взять одного победителя. За него платила бы вся эта посудохозяйственная олимпиада! А теперь мы имеем целую делегацию, и неизвестно, нужна ли она кому.

Картошка взял из холодильника несколько пакетов йогурта, немного хлеба, разрезанного на кусочки и уложенного в тончайший целлофановый пакет, большую бумажную банку с нарисованной на ней кошкой, поставил на поднос и под охраной Туза пошел в сарай.

Он поставил поднос на землю, открыл засов, толкнул дверь ногой и вошел внутрь.

В сарае было темно. Игорь Иванович и два ребенка сидели в дальнем углу при свете маленькой керосиновой лампы.

— Эй вы! — сказал Ка́ртошка.— Вот вам еда.

— Это же мясо для кошек,— сказала Розалинда. — А кошек здесь нет. Они что-то напутали.

— Игорь Иванович,— пожаловался Леша по-русски,— здесь очень плохо кормят. У нас в пионерском лагере кормили лучше.

— Значит, забрать? — спросил Картошка.

— Ни в коем случае! — сказал Игорь Иванович.— Посмотрим, чем кормят жевенских кошек. Не очень ли угнетают бедных животных эти противные акулы капитализма и их великовозрастные бандитские приспешники.

Ночь окутывала Жевену и ее пригороды.

Дрожа от страха, замученные и уставшие Леша и Розалинда сидели, прижавшись, в кабине трактора. Они глубоко презирали друг друга, но после долгих часов ожидания усталость и страх пересилили неприязнь. Оба молча наблюдали, как Игорь Иванович при слабом свете коптилки пытался оживить мотор.

Он уже придумал план побега. И миллиметр за миллиметром реализовывал его.

Розалинда была удивлена, что репортер умеет еще и трактор чинить.

— А вы знаете, как это делать?

— Приблизительно,— ответил Игорь Иванович.— Его давно не заводили. И аккумулятор сидит. Может быть, крутану ручку — он заведется. Хорошо, что это старая модель.

— Вы у себя дома тоже чините машины? — допытывалась Розалинда.

Игорь Иванович кивнул головой:

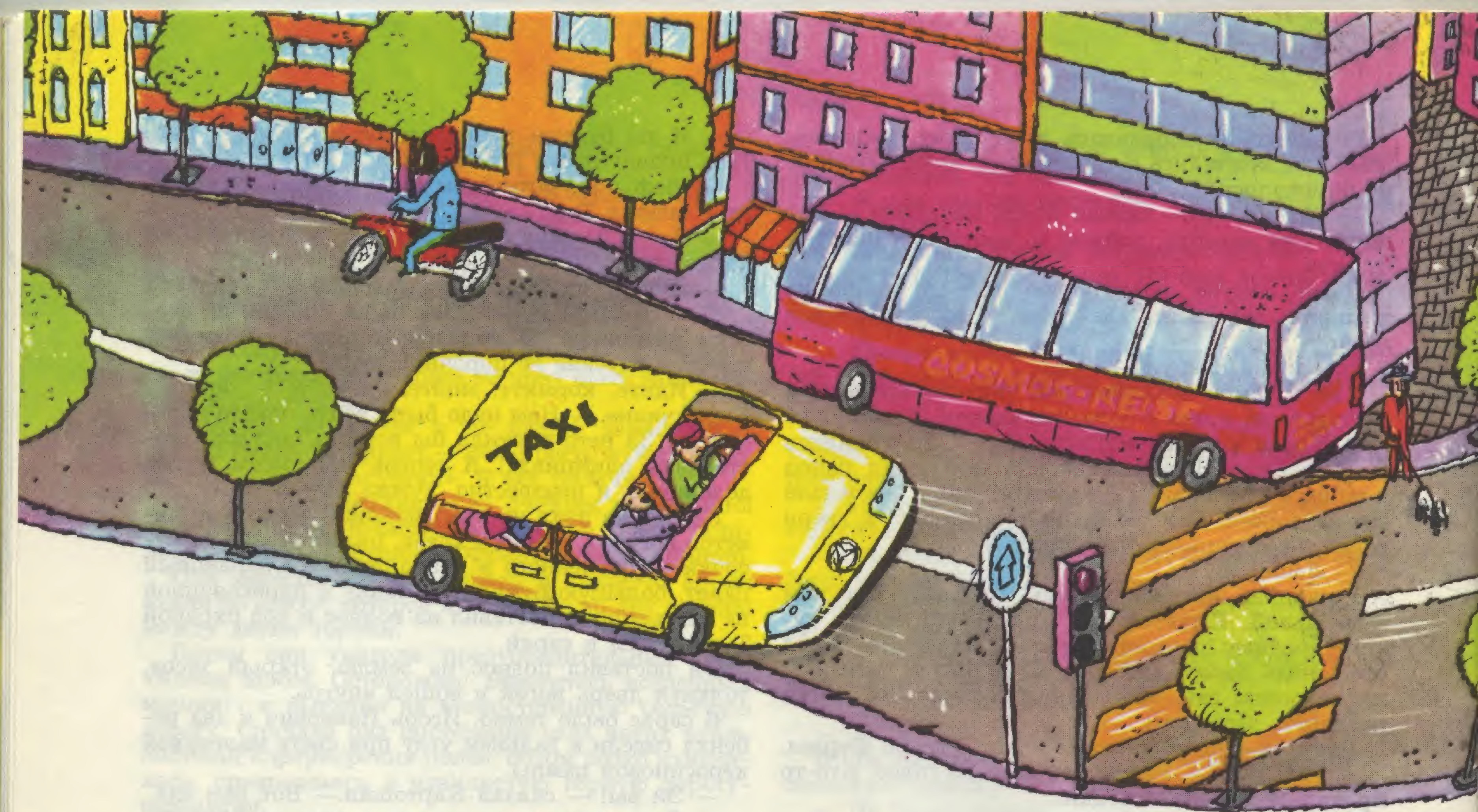
— У нас в стране половина людей что-то делает, а другая половина это что-то чинит.

— Прямо как у нас,— решила Розалинда.— У меня дома мама продает велосипеды, а папа чинит.

Леша ничего не говорил. Известный международный лектор чувствовал себя, как кающийся грешник. Ведь он был виноват во всем, что произошло.

— Готово! — сказал Игорь Иванович.— Электрика в порядке. Кажется, он у меня заговорит. Я вам расскажу, что надо делать. Идите сюда.

Розалинда и Леша подошли. Вид у них был испуганный.

— Сарай еле держится. А трактор — машина сильная. Если я его заведу, то используем как бульдозер. И сможем вырваться на свободу. Ясно?

Дети кивнули.

— Я поеду через ворота. Вы не должны быть со мной рядом. Это опасно: может рухнуть стена, а то и крыша. Вы стойте вон там, где главный крепкий столб. Как только я прорвусь, со всех ног летите ко мне и забирайтесь на крылья. А сейчас потренируемся... Ну-ка, прыгайте на трактор.

Окостеневшие от долгого сидения Леша и Розалинда попытались влезть на крылья. У них вышло очень плохо, как в замедленном кино. Игорь Иванович был недоволен:

— Что это вы как две пенсионерки на серванте. А ну живей!

После пятого раза ребята разогрелись и стали влетать на крылья как паучки или как ошпаренные обезьянки. Игорь Иванович помягчал:

— Отлэ! — сказал он.— Не бойтесь. Думайте о том, как убежать. Если кто-то вырвется один, пусть он немедленно бежит в полицию.

— А если они попытаются нас остановить или догнать? — спросил Леша. Это была самая длинная фраза, сказанная им за все это время.

— Не попытаются. У них будет шок, он их парализует. А с соображаловкой у них дела плоховаты. Головенки работают кое-как.

В последнем он был уверен, а на первое оставалось надеяться.

— Уйдите с дороги!

И пока дети на цыпочках отходили назад, Игорь Иванович заводил мотор. Мотор сначала шипел, потом вдруг адски взревел, так что стены и пол задрожали.

Леша и Розалинда стояли с открытыми ртами, наблюдая за выезжающим на тракторе Игорем Ивановичем.

Затрещало разлетающееся в щепки дерево, заскрипели дверные петли, заскрежетал металл. Пушечным выстрелом лопнул засов, и раздался треск разбитого стекла. Очевидно, кусок засова угодил в окно фермы. И там еще продолжал грохотать, запутавшись то ли в серванте, то ли в телевизоре.

Все тарахтело, дребезжало, скрипело контрабасом.

Игорь Иванович вылетел наконец из сарая через ворота, которые распахнулись с неожиданным грохотом.

— Идите сюда! — закричал он детям.

Розалинда очнулась от оцепенения и толкнула Лешу локтем. Оба кинулись к трактору.

— Держитесь крепко за окно! — кричал Игорь Иванович во всю мощь своего голоса, заглушая грохот.

Он вывел трактор в направлении дороги.

Как пять привидений в лучах света возникли Кирпичиано, Туз, Сонька Золотая Ручка, Картошка и еще одно какое-то пожилое недоразумение. Все они были в ночном белье и выглядели в десять раз глупее, чем всегда.

Первым начал действовать Кирпичиано.

— Стой! — закричал он.

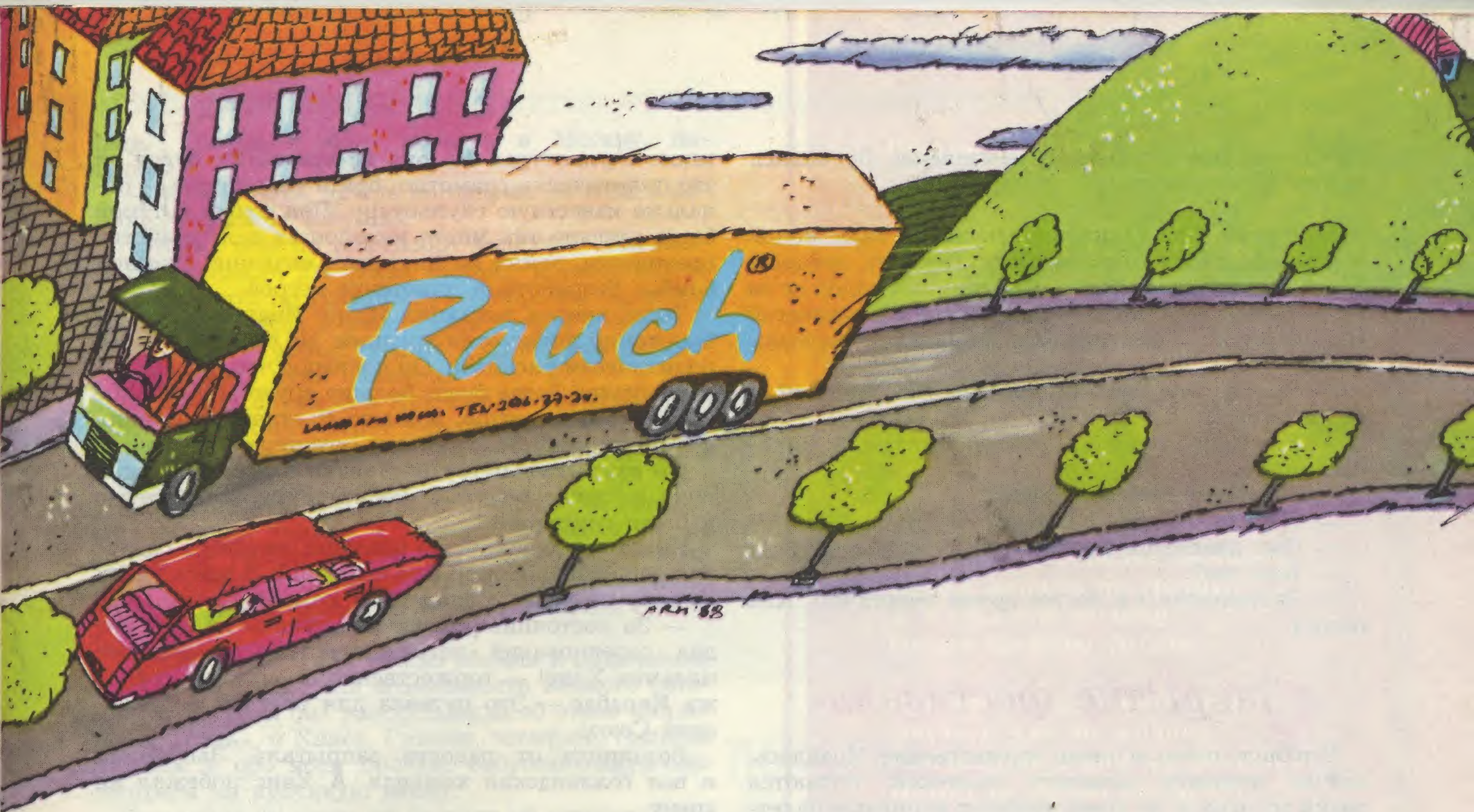
Но никто не собирался останавливаться. Тогда Кирпичиано забежал и стал размахивать руками перед трактором. За ним последовали Туз с клумбочной прической, Сонька и другие гангстеры. Они окружили трактор. Но выглядели совсем не угрожающими, как подобает закоренелым преступникам, а напоминали испуганных детей, которые были в отчаянии и не знали, что делать.

— Мы больше не будем! — закричал Туз.

— Это была ошибка! — сказал Кирпичиано.

— Так, мелкое недоразумение! — поддержала Сонька Золотая Ручка.

— Слушай, парень! — кричал Кирпичиано наступающему на него Игорю Ивановичу.— У нас была тяжелая жизнь. Безрадостное детство, преступная среда. Дай нам спокойно дожить до старости. Не вызывай полицию.

Игорь Иванович почувствовал, как дети от страха впились ему в руки.

— Уйдите с дороги! Все уходите! Я никому ничего не скажу! Но при одном условии: что вы быстро соберете свои манатки и уберетесь отсюда навсегда!

После этих слов он послал трактор вперед, и Кирпичиано едва успел отпрыгнуть в сторону.

С диким ревом и треском трактор поехал вниз по горной дороге. Многие фермеры и фермерши в эту ночь удивлялись, кто это в ночное и несезонное время приступил к пахотной работе, что за сумасшедший?

Розалинда и Леша страшно устали, но прохладный ветерок подбадривал их. Когда они добрались до шоссе, уже начало светать.

— Отсюда мы пойдем пешком,— сказал Игорь Иванович. Ребята, просыпаясь, долго трясли головами.— Пошли. До главной трассы уже недалеко. Там нас кто-нибудь подберет. Верно?— Он посмотрел на Розалинду.— У вас это возможно?

Она не поняла, что он имел в виду и как это может быть невозможно.

Двадцать пять портретов в подарок ОСН

Большой зал, где проходили заключительные соревнования, был полон и весь гудел.

На сцене стояло двадцать пять мольбертов и пятьдесят стульев: для художников и их моделей. На двадцати пяти модельерских стульях сидело двадцать четыре организатора фестиваля, чьи портреты нужно было нарисовать.

Начало соревнования затягивалось, потому что прошел слух, что пропал советский мальчик. Никто не заявлял о том, что он исчез, но все усиленно об этом говорили. Что с ним? Или он сам сбежал, или его украли? И такие и другие случаи имели место с «советскими», которые выезжали за рубеж.

Наконец госпожа Карабас вышла на сцену:

— Прошу юных художников — представителей команд подняться наверх.

Юные художники поднялись на сцену и стали занимать стул за стулом. Как раз в это время в зал вошла наша измученная троица — Леша, Розалинда и Игорь Иванович.

— Где вы были?— бросилась к ним товарищ Иванова.— Измайлов, немедленно на сцену.

— Зачем?— спросил Игорь Иванович.— Он рисовать не умеет.

— Умеет! — сказала Розалинда.— Он прекрасно рисует. Он сам мне говорил.

Это был совсем неубедительный довод. Леша много чего говорил.

— Умеет он или не умеет рисовать! — строго сказала товарищ Иванова.— В данном случае никакого значения не имеет. Вон сколько журналистов в зале. Они так и ждут скандала. Надо им показать, что мальчик никуда не делся. Что он здесь, с нами. Измайлов, немедленно на сцену!

Леша на заплетающихся ногах направился к мольберту, как к электрическому стулу. На сцене оставалось одно свободное место.

— Представителя голландской команды прошу немедленно занять свободное место.

Зал волновался и шумел. Всем было ясно, что в голландской команде не нашлось художника. И тут на сцену по лесенке вбежала девочка, которая за руку тащила упирающегося мальчика. Девочка была Розалинда, мальчик — Ханс.

— Ханс, ты все умеешь! — говорила она.— Ты только попробуй. У тебя и это получится!

Делать было нечего. Ханс и Леша уселись рядом и взялись за кисти.

— На старт! Внимание! Марш! — скомандовала госпожа Карабас и сделала выстрел из стартового

пистолета. Все художники немедленно бросились рисовать, а один упал в обморок.

В Москве Петр Сергеевич Окуньков знал, какой портрет был бы самым лучшим. Портрет, который бы нарисовал Рома Рогов. Только Рома сидел не за мольбертом, а за телевизором вместе с Елизаветой Николаевной и смотрел это финальное соревнование.

— Видели эту девочку в пятнистых брюках? — спросил он.

— Видела,— отвечала строгая Елизавета Николаевна.

— По-моему, это Розалинда.

— Почему ты так думаешь?

— Она двигается так.

— Как так?

— Застенчиво и в то же время энергично. Как пишет.

Закрытие фестиваля

Все было очень и очень торжественно. Казалось, сейчас дирижер взмахнет палочкой, польются звуки музыки и на сцену выбегут нарядные балетные крестьянки или выплывут белые лебеди из «Лебединого озера».

И точно, раздались звуки музыки, и на сцену выплыла госпожа Карабас. Вместе с ней выплыл небольшой мистер Хи Чи Кава с большой папкой под мышкой.

— Дамы и господа! — сказала госпожа Карабас.— Дети! Наступил торжественный момент. Мы будем вручать призы победителям. Заканчивается наш фестиваль! Мы уверены, что дети всей Земли стали на пять процентов лучше. На десять процентов дружнее. И на двадцать процентов больше стали знать друг о друге. Теперь о победителях. Первое место заняла команда Соединенных Штатов Америки. Аплодисменты! Ее ребята прекрасно выполнили все задания. Они умеют стирать, гладить белье, готовить пищу и спасать утопающих. И это несмотря на то, что в каждой семье есть стиральная машина, в каждом доме — кафе и на каждом мосту — полицейский. За это мы награждаем американскую команду самой знаменитой башней в мире: Спасской башней Кремля. И все остальные команды мы тоже будем награждать башнями. У нас много башен: Эйфелева, Пизанская, Биг Бен,— и еще у нас есть знаменитая Великая Китайская Стена! Музыка! Аплодисменты!

Оркестр внизу в оркестровой яме заиграл гимн США. Ребята в зале захлопали. Двое служителей вынесли на сцену точную копию Спасской башни с часами и вручили ее руководителю американской команды. Под аплодисменты зала он, шатаясь, сошел со сцены. Тотчас же к нему подбежали ребята из команды, окружили башню и стали рассматривать звезду, часы, трогать стрелки.

— Второе место заняла команда СССР! — продолжала мисс Карабас.— До конкурса по рисованию русские шли голова в голову с американцами. Но юный художник подвел свою команду. Она получила штрафные очки. За это команда награждается статуей Свободы.

Товарищ Иванова была в замешательстве. И не потому, что скульптура была тяжела. Товарищ Иванова была «относительно хрупкой» женщиной, а это значит здоровой, как танк. И если бы ее начальство одобрило, она бы запросто подняла две такие скульптуры. Но она не понимала, будет ли это политически грамотно: брать такой приз — печально известную скульптуру. Под сенью которой было сделано так много нехороших дел: убийство президента, война во Вьетнаме, создание атомной бомбы, безработица, угнетение негров...

Тогда вперед выступил Игорь Иванович. Он не был таким физически крепким. Но зато был более политически раскован. Он понимал, что надо брать скульптуру. Тогда будет больше дружбы и меньше убийств президентов, войн во Вьетнаме, создания атомных бомб, безработицы, угнетения негров...

Он взял скульптуру в объятия и весело сбежал вниз к своим ребятам. Ребята окружили статую и были счастливы.

Когда все башни были розданы, началась раздача поощрительных призов и премий. И здесь удача выпала на долю голландской команды тоже.

— За постоянно ровные результаты во всех видах соревнований награждается нидерландский мальчик Ханс! — торжественно произнесла госпожа Карабас.— Это путевка для поездки в Советский Союз!

Розалинда от радости запрыгала. Запрыгала и вся голландская команда. А Ханс побежал на сцену.

Бабушка Розалинды сказала маме:

— Эти Соединенные Штаты имеют остатки совести. Наконец хоть вспомнили о Голландии. Ни одной башни нам не подарили.

— Путевка лучше,— сказала мама.— Кто-то поедет в СССР, какой-то счастливчик. А от башни толку мало, только пыль с нее вытирать.

Ханс спустился в зал, вернулся в свою команду и дал рассмотреть путевку Эмме и Аренду. Сам тихо сказал Розалинде:

— Это ты поедешь в Москву. У тебя там много друзей, у меня нет никого.

— Но это ты заслужил! — сказала растроганная Розалинда. — Ты должен ехать.

— Я должен папе помогать,— сказал мальчик.— Мой отпуск кончился.

Потом было много песен и танцев. Был концерт из самодеятельных коллективов разных делегаций. Выступали и взрослые артисты — фокусники и акробаты, дрессированные попугаи и клоуны.

Розалинда ничего этого не замечала.

«Я поеду в Москву! Я поеду в Москву! Я поеду в Москву!» — думала она.

Возвращение, или Продолжение следует

В Утрехт Розалинду привез тот же автобус «Фрешель». У автобуса ее встретили папа, бабушка и брат.

Ребят встречали не только родственники, их встречала еще целая команда телевизионщиков.

Поцелуи, съемки, коллективные фотографии.

Розалинда еще раз записала адрес Ханса и аккуратно положила в карман.

— Спасибо за путевку,— сказала она, запинаясь, потому что не знала, как себя вести.

— Бабушка, представляешь, этот мальчик просто так отдал мне свою премию.

— Не просто так,— сказал Ханс, краснея.— Тебе она нужней.

— А что за премия? — спросил папа.

— Каникулы в любой стране, в какой захо-

чешь. Теперь я могу поехать в Москву, папочка!

— Может быть, лучше поговорим об этом в машине,— сказала бабушка.

— А мы тебя по телевизору видели! — вмешался Вильгельм.— Ты такая тощая... А меня теперь тоже покажут по телевизору? — спросил он, показывая на камеры и репортеров вокруг них.

Он никак не хотел уходить. Но папа велел Розалинде пожать руки вожатым.

Прощаясь с Эммой и Арендом, Розалинда заметила, что у Ханса берут интервью два репортера. Он был героем команды, а его премия была у нее.

По дороге домой в машине о Москве не говорили, говорили только о Жевене. Бабушка не на минуту не умолкала. Она знала какой-то особый секрет: как задавать вопросы, не давая времени на их ответ. Можно было подумать, что это она ездила в Жевену.

Только дома, где ее нежно обняла и поцеловала мама, Розалинде дали возможность немного поговорить. И, пока она рассказывала об отеле «Вильгельм Телль», о Хансе, Симоне, эстафете, госпоже Карабас и обо всем прочем, бабушка задумчиво смотрела на красивую икону.

Розалинда ни слова не сказала об истории с похищением: она боялась, что ее никуда и никогда больше не пустят, если только узнают о том, что случилось.

— Не нужно тебе было брать эту премию,— сказала мама.— Она предназначена для мальчика.

— Какая вредная премия,— вставил папа.— Ребенок не должен ездить один за границу на каникулы.

На этом разговор о премии закончился.

С того дня Розалинда опять начала каждый день ходить на прогулку с собакой соседа, который за это время прибавил пару-другую килограммов веса.

Они подолгу гуляли и рассуждали между собой: следует ли отдать обратно премию ее владельцу Хансу.

И вдруг бабушка разрешила проблему.

— Рози,— сказала она как-то.— Поздравь меня, я приняла решение. Во время осенних каникул мы вместе полетим в Москву. Я уже купила два билета. У меня были кое-какие сбережения. Они у меня лежали в банке, сейчас я поняла, что с ними делать.

Розалинда думала — ослышалась. Это сон! Сейчас бабушка растворится! Но бабушка не растворялась, а, наоборот, стала еще сильнее проясняться.

— Но ты же, бабушка, ничего общего не хотела иметь с этим противным Советским Союзом. Ты же всегда говоришь, что они говорят...

— Главное, что я говорю сейчас. А сейчас я говорю, что хочу посмотреть эту страну. Хотя это будет и небезопасно. На нас могут охотиться и даже захватить.

Она продолжила решительно:

— Отдай свою премию мальчику. Он ее заслужил. У нас хватит денег. Я узнавала.

— А папа и мама знают об этом... что ты?

— Вчера вечером мы все подробно оговорили. Нет, они не могут поехать с нами. Некому будет остаться в магазине. Поэтому рисковать должна я. А, впрочем, старой голландской бабушке не привыкать!

КОНЕЦ.

Сергей СЕДОВ

Яблоки и груши

Теперь у меня сад.
Я очень этому рад.
Сначала сажаю яблоню,
Потом сажаю грушу.
И скоро наемся яблок,
Потом я наемся груш.

Но вот прилетели вредители,
Садовых деревьев губители.
Сначала напали на яблоню,
Потом напали на грушу.
А я ожидаю яблоки,
Потом ожидаю груши.

Вредители дружные, видно,
Листьев уже не видно!
Сначала не видно на яблоне,
Потом не видно на груше.
А я ожидаю яблоки,
Потом ожидаю груши.

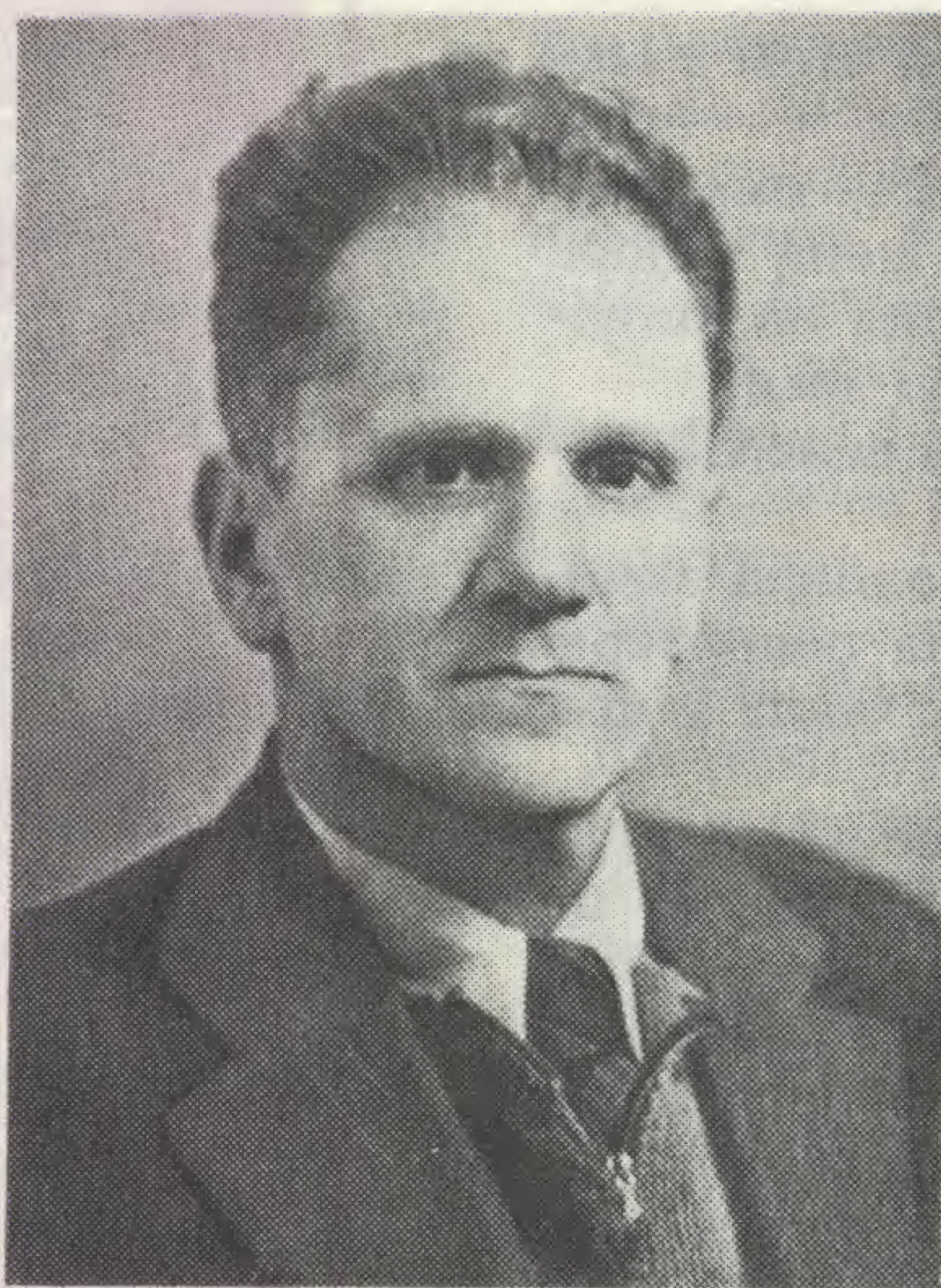
И вот в саду соседнем
Падают фрукты осенние.
Сначала падают яблоки,
Потом падают груши.
А я сижу под яблоней,
Потом сижу под грушей.

Сижу уже три дня —
Не падает на меня!
Сначала не падает с яблони,
Потом не падает с груши.
Вот я не наелся яблок,
Потом не наелся груш...

Дина ТЕЛЕВИЦКАЯ

Я почему-то знаю!

Я почему-то знаю,
Что именно в трамвае,
В автобусе, троллейбусе,
А может, в электричке
В один прекрасный вечер
Я вдруг кого-то встречу.
Возможно, даже скажет он:
«Приветик!» — по привычке.
Я почему-то верю,
Что распахнутся двери
В автобусе, троллейбусе,
А может быть, в трамвае,
И кто-то, до смешного
Похожий на Орлова,
Мне скажет: «Вот и встретились!»
И будет это в мае!

МИХАИЛ ИЛЬИН

(1896—1953)

Сын химика, сам по образованию химик — как он стал писателем? Многие, читая книги Михаила Ильина,— такие разные по темам, такие поэтичные, невзирая на научное содержание,— часто задают себе этот вопрос. Но многое становится ясным, когда читатели узнают, что Михаил Ильин — литературный псевдоним Ильи Яковлевича Маршака. Да, он из Маршаков, из этого необыкновенного семейства, которое столько дало советской детской литературе. Представьте, в одной семье три замечательных писателя: Самуил Маршак, Михаил Ильин и Елена Ильина. И, конечно, мы все понимаем, что «Рассказ о великом плане» Михаила Ильина и «Четвертая высота» Елены Ильиной появились на свет не без влияния старшего брата — Самуила Яковлевича Маршака.

Что Самуил Яковлевич станет писателем, поняли еще тогда, когда его первые, еще полудетские стихи поразили такого читателя, как Горький... Но про младшего брата Илью так не думали. Болезненный, жадно и много читающий, он увлекался наукой, учиться поступил на химический факультет Технологического института в Ленинграде, и всем казалось, что его будущее — наука. Всем, но не его старшему брату, хорошо знавшему, что Илья Маршак, не меньше чем наукой, увлекается поэзией и с 10 лет пишет стихи.

В 1924 году, за год до окончания института, Самуил Яковлевич Маршак, редактировавший детский журнал «Новый Робинзон», предложил своему младшему брату попробовать интересно написать для детей про химию. Химия — наука сложная, но еще Герцен сказал: «Трудных наук нет, есть только трудное изложение...» Маршак умел распознавать писателей, а уж тут он пробовал наверняка... Так в детском журнале появились необыкновенно увлекательные рассказы о том, что может дать и дает людям химия, подписанные новой, еще никому не известной фамилией — Михаил Ильин.

Михаил Ильин написал множество книг, казалось бы, никакого отношения к химии не имеющих: «Солнце на столе» — о светильниках; «Который час» — о часах; «Черным по белому» — о письменности и книгопечатании; «Как автомобиль учился ходить» — о транспорте. У него есть книжка «Путешествие по комнате». В ней писатель — как бы вместе со своим читателем — ходит по комнате и рассказывает ему о самых простых и обыденных вещах, в комнате обитающих. Но все книги Михаила Ильина — о чем бы в них ни писалось — объединены восхищением перед человеческим гением, перед разумом человека, способного не только создавать нужные вещи, но и переделывать мир, в котором он живет. Именно это восхищение и помогло ему написать свою наиболее знаменитую книгу «Рассказ о великом плане». Написанный в 1929 году, это одновременно научный и поэтический рассказ о нашем первом советском пятилетнем плане. Теперь-то мы знаем, что в этой самой первой пятилетке были допущены и ошибки, и заложены неоправдавшиеся надежды. Но Михаил Ильин увидел в ней стремление людей к новой, лучшей жизни. «Рассказ о великом плане» имел огромный успех не только в нашей стране, но и во всем мире. Он был переведен на множество языков, издан за рубежом в 20 странах. Чем же объясняется такой успех книги даже у самого что ни на есть предубежденного читателя? Максим Горький в предисловии к американскому изданию писал: «Исключительный успех «Рассказа» объясняется редчайшей способностью Ильина говорить просто и ясно о явлениях сложных и вещах мудрых».

И следующая книга Михаила Ильина «Горы и люди», и его последняя большая книга «Как человек стал великаном» развивали главную мысль писателя: став самым могущественнейшим существом в природе, человек тем не менее является частью этой природы и должен чувствовать свою ответственность за нее.

Книги Михаила Ильина — удивительный сплав науки и подлинной поэзии. И его правильно считают зачинателем советской научно-художественной литературы, которую отличает стремление образно и поэтично рассказать о технике и науке.

Прошло уже много лет, как писателя не стало. За это время возникли и развились новые науки, воплощены в жизнь невероятные научные идеи. И в книгах о них живет традиция, созданная талантом Михаила Ильина.

Лев Разгон

ПЕРВАЯ ВИЛКА В АНГЛИИ

Михаил ИЛЬИН

(ИЗ КНИГИ «РАССКАЗЫ О ВЕЩАХ»)

В 1608 году побывал в Италии один англичанин, которого звали Томас Кориат. Во время путешествия он вел дневник, в который записывал все, что его особенно поражало. Описывает он и великолепие венецианских дворцов, стоящих посреди воды, и красоту мраморных храмов Древнего Рима, и грозное величие Везувия. Но одна вещь поразила Кориата больше, чем Везувий и венецианские дворцы.

В дневнике есть такая запись:

Когда итальянцы едят мясо, они пользуются небольшими вилами из железа или стали, а иногда из серебра. Итальянцев никак нельзя заставить есть руками. Они считают, что есть руками нехорошо, потому что не у всех руки чистые.

Прежде чем отправиться домой, Кориат обзавелся такими «вилами». Вилка, которую он купил, была мало похожа на наши вилки. У этой вилки было всего два зубца, а ручка, украшенная на конце шишечкой, была совсем крошечная, не намного длиннее зубцов. В общем, этот инструмент напоминал скорее камертон, чем вилку.

Приехав домой, Кориат решил похвастаться перед друзьями и знакомыми своей покупкой. На званом обеде он вытащил из кармана вилку и принялся есть по итальянскому способу.

Все взоры устремились на него. А когда он объяснил, что это за штука у него в руках, всем захотелось рассмотреть поближе итальянский инструмент для еды. Вилочка обошла весь стол. Дамы восторгались изящной отделкой, мужчины удивлялись изобретательности итальянцев, но все в один голос решили, что итальянцы большие чудаки, что есть вилкой очень неудобно.

Томас Кориат попробовал спорить, доказывая, что нехорошо брать мясо руками, потому что руки не у всех чистые. Это вызвало всеобщее возмущение. Неужели мистер Кориат думает, что в Англии никто не моет рук перед едой? Неужели нам мало десяти пальцев, данных природой, и мы должны добавлять к ним еще два искусственных пальца? Пусть-ка он покажет, легко ли справляться с этими нелепыми вилами.

Кориат захотел показать свое искусство. Но первый же кусок мяса, взятый им с блюда, шлепнулся с вилки на скатерть. Смеху и шуткам не было конца.

Пришлось бедному путешественнику спрятать свою вилочку обратно в карман.

Прошло лет пятьдесят, прежде чем вилки вошли в моду и в Англии.

Есть всякие предания и легенды: о том, как люди научились добывать огонь, о том, кто был первым кузнецом, и т. д. и т. п. Есть предание и о том, почему стали употреблять вилки.

Рассказывают, что вилки были изобретены тогда, когда стали носить большие кружевные воротники.

Воротники эти мешали есть: они подпирали подбородок и не давали наклонять голову, словно голова была посажена на большое круглое блюдо. В таком воротнике, конечно, было удобнее есть вилкой, чем руками.

Это, вероятно, сказка. Вилки появились тогда же, когда стали чаще менять белье, мыться, то есть попросту тогда, когда люди стали чистоплотнее.

Почти одновременно с вилкой вошли в употребление тарелка и салфетка.

У нас они появились в конце XVII века. Вот что писал тогда путешественник Мейнберг:

За обедом для каждого гостя кладут на стол ложку и хлеб, а тарелку, салфетку, нож и вилку кладут только для почетных гостей.

Рисунок К. БАТАШОВОЙ.

Итак, мы вновь отправляемся в полет на нашем НЛО. И перед стартом, по складывающейся традиции, заглянем в календарь НЛО. Какими датами порадует он сегодня?!

33 года назад увидела свет первая книга рекордов Гиннесса (об этой книге подробно читай на следующих страницах).

58 лет назад закончилось блестяще проведенное Остапом Бендером расследование по делу подпольного миллионера Корейко.

107 лет со дня рождения Буратино.

Сегодня наш НЛО — корабль Невероятных Литературных Открытий — ведет американский писатель-фантаст Айзек Азимов. Писатель издает в США журнал, основное место в котором занимает фантастика. И вот что удивительно: Айзек Азимов не только издатель, он еще и редактор этого журнала, да еще и единственный его автор! Писатель (кстати, он выходец из России) создал массу фантастических произведений. К примеру, в 1979 году он написал книгу под названием «Опус 200». Название не случайно: это была двухсотая книга Азимова. А уже в 1980 году вышла его 216 книга. В 1984 же — трехсотая — «Опус 300»! Вот какая потрясающая у Азимова работоспособность. А в жизни писатель-фантаст — один из активных борцов за мир. Он выступает против программы звездных войн, и к голосу популярного писателя прислушиваются многие.

Айзек АЗИМОВ

В ОДИН ПРЕКРАСНЫЙ ДЕНЬ...

(ПОЧТИ НЕ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ)

Опершись подбородком о ладошку, Никколо Мацетти лежал на ковре и уныло слушал Барда. В темных его глазах угадывалось даже что-то похожее на слезы — роскошь, которую одиннадцатилетний мальчик мог себе позволить, только оставшись один.

Бард говорил:

— Давным-давно, много лет тому назад, жил посреди дрёмучего леса бедный дровосек со своими дочерьми, и обе они были прекрасны, как ясный день. У старшей дочери волосы были черные, как вороново крыло, а у младшей — блестящие и светлые, как солнечные лучи осенним днем. Пока девочки ждали, когда отец возвратится из леса, старшая, бывало, садилась перед зеркалом и пела...

Что именно она пела, Никколо не узнал, так как с улицы донеслось:

— Эй, Ники, привет, ты дома?

И Никколо с мгновенно прояснившимся лицом подбежал к окну и крикнул:

— Дома, Пол, привет!

Пол Лоуб был тоньше Никколо и не такой высокий, хоть и на полгода старше. Он был явно взволнован. Никколо понял, что Полу не терпится чем-то с ним поделиться.

— Впусти-ка меня, Ники. Мне тут такая идея пришла — закачаешься.— Пол быстро огляделся, не подслушивают ли их, но двор был пуст.— Закачаешься,— шепнул он.

— Давай, заходи.

Бард знай себе рассказывал, словно не замечая, что Никколо его не слушает. Когда Пол вошел, Бард говорил:

— И тогда лев сказал: «Если ты найдешь мне яйцо птицы, которая раз в десять лет пролетает над Черной горой, я...»

— Это у тебя Бард?— спросил Пол.— Я и не знал, что он у тебя есть.

Никколо покраснел, его лицо снова приняло несчастное выражение.

— Старье. Он у меня уже сто лет. От него почти никакого толку.— Он пнул Барда ногой — скользящий удар пришелся по побитой, потерявшей цвет пластиковой обшивке. Бард запнулся — его говорящее устройство на миг лишилось контакта,— затем продолжал:

— ...один год и один день, пока не износились железные башмаки. Принцесса остановилась на обочине дороги...

— Ого! Ну и старая же модель! — сказал Пол, критически ее осматривая.

Никколо поморщился, уловив снисходительность в тоне приятеля. Он даже пожалел, что впустил Пола,— надо было сперва оттащить Барда на его место — обратно в подвал. Он и вытащил его оттуда с досады: разговор с отцом кончился ничем, а день как назло выдался очень скучный. Ну, а Бард, как и предполагал Никколо, оказался болваном.

Никколо и без того побаивался Пола: в школе тот занимался по индивидуальной программе, и все говорили, что он станет инженером-компьютерщиком. Не то чтобы сам Никколо плохо успевал. Он получал неплохие отметки по логике, бинарным манипуляциям, вычислениям и по элементарным электросхемам — обычным предметам общеобразовательной школы. Но в том-то и беда! Предметы самые обычные, и он вырастет и станет пультовым, как и все прочие.

Другое дело Пол — он знает столько всего об электронике, теоретической математике и программировании! Никколо даже не притворялся, что понимает, когда Пол начинал о них тараторить.

Пол немного послушал Барда и спросил:

— Ты часто его включаешь?

— Да нет! — обиженно ответил Никколо.— С тех пор, как ты сюда приехал, он у меня валялся в подвале. Я его только что притащил сюда...

— И он выдает тебе всю эту муру — о дровосеках, говорящих зверях и принцессах? — спросил Пол.

— Жуть, правда? — согласился Никколо.— Новая модель нам не по карману. Утром я говорил с отцом...— При воспоминании о том, как утром он тщетно упрашивал отца, у Никколо навернулись слезы, но он подавил их. Он почему-то считал, что слезы никогда не обжигают впалых щек Пола и что Пол способен только презирать тех, кто слабее его. Никколо продолжал: — Вот я и решил попробовать это старье еще разок.

Пол отключил Барда, нажал кнопку, приводящую чуть ли не к мгновенной переориентации и перестройке словарного запаса, образов, сюжетных линий и кульминаций, заложенных в схеме. Затем снова включил аппарат. Бард плавно начал:

— Жил-был мальчик по имени Уиллкинс. Мать у него умерла, и он жил с отчимом и сводным братом. Хотя отчим был богат, ему жалко было для Уиллкинса кровати, и тот был вынужден спать как придется, на куче соломы в конюшне, рядом с лошадьми...

— Лошади! — воскликнул Пол.

— По-моему, это какие-то животные,— сказал Никколо.

— Да я знаю! Я хочу сказать: ты только представь себе — сказка о лошадях!

— Он все время рассказывает о лошадях,— сказал Никколо.— И еще о каких-то коровах. Их доят, но Бард не говорит, как.

— Фу ты! А чего ты его не настроишь?

— Да я же не умею.

Бард говорил:

— Уиллкинс часто думал, что если он когда-нибудь разбогатеет и станет сильным, уж он отплатит отчиму и сводному брату за их жестокость. И вот однажды он решил отправиться в люди и поискать счастья.

Пол, не слушавший Барда, сказал:

— Да это проще простого. Нам надо пополнить его словарный запас, ввести в него знания о компьютерах, автоматике, электронике и прочих реальных вещах сегодняшнего дня. И тогда он будет рассказывать интересные сказки, но уже без всех этих принцесс и тому подобной чепухи.

— Вот было бы здорово! — уныло произнес Никколо.

— Слушай,— сказал Пол,— отец говорит, если я на будущий год попаду в специальную компьютерную школу, он купит мне Барда последней модели. С приставкой для космических и детективных историй, да еще и с видеоприставкой.

— И что, эти истории можно будет смотреть?

— Ну да. Мистер Догерти, школьный учитель, говорит, что такие штуковины уже есть, но не для всех. Отец может купить ее, только если я поступлю в компьютерную школу.

У Никколо глаза полезли на лоб от зависти.

— Вот это да! Смотреть сказку!

— Можешь приходить и смотреть, когда захочешь, Ники.

— Правда? Ну, спасибо.

— Не за что. Но помни: выбирать, что именно слушать, буду я.

— Конечно, конечно.— Никколо с радостью согласился бы и на гораздо более жесткие условия.

Пол снова обратил внимание на Барда. Тот говорил:

— «В таком случае,— сказал король, поглаживая бороду и нахмурившись так, что на небе появились тучи и засверкала молния,— ты должен сделать, чтобы к этому часу послезавтра во всем моем королевстве не осталось ни одной мухи, иначе...»

— Надо вскрыть его,— сказал Пол. Он снова отключил Барда и, разговаривая, ковырялся в передней панели.

— Эй,— встревожился Никколо,— смотри не сломай.

— Не сломаю,— раздраженно ответил

Пол.— Эти штучки мне знакомы.— И вдруг с опаской добавил: — Твои родители дома?

— Нет.

— Ну и прекрасно.— Он снял переднюю панель и заглянул внутрь.— Фу ты, всего с одним блоком...

Никколо, в тревоге наблюдавший за Полом, не мог понять, что он делает. Пол вытащил гибкую металлическую пластинку, усыпанную какими-то точками.

— Это устройство памяти Барда. Готов спорить, его емкость достигает трех миллионов сказок.

— Что ты задумал, Пол? — с дрожью в голосе спросил Никколо.

— Введу в него новые слова.

— Каким образом?

— А очень просто. Мистер Догерти дал мне одну книгу. Она у меня с собой.

Пол вытащил книгу из кармана и снял с нее пластиковый футляр. Потом отмотал немного ленты, пропустил в вокализатор, который приглушил до шепота, вставил ленту внутрь Барда и что-то подрегулировал.

— Для чего это?

— Книга будет говорить, а Бард запишет все на запоминающее устройство.

— Ну и что?

— Боже, до чего ты глуп. Книга — о компьютерах и автоматике, Бард возьмет из нее всю информацию и перестанет рассказывать о том, как короли вызывают молнию, когда хмурятся.

— А побеждает все равно добро,— вставил Никколо.— Совершенно неинтересно.

— Ну,— сказал Пол, поглядывая, все ли у него работает как надо,— так уж они запрограммированы. Добро должно побеждать зло. Отец однажды сказал, что, не будь цензуры, невозможно было бы предсказать, к чему придет молодое поколение. Дела и так плохи, говорит он... Да, работает нормально.— Довольно потирая руки, Пол отвернулся от Барда.— Слушай,— продолжал он,— я же еще не рассказал тебе о своей идейке. Готов спорить, ничего лучшего ты еще не слышал. Я пришел прямо к тебе, потому что уверен, что ты меня поддержишь.

— Конечно, Пол, конечно...

— Вот и хорошо. Ты же неплохо знаешь мистера Догерти из нашей школы? Помнишь, какой он странный? Ну, а я ему вроде как нравлюсь.

— Я знаю.

— Сегодня после занятий я был у него дома.

— Дома?!

— Ну да. Он говорит, я буду поступать в компьютерную школу, и хочет подбодрить меня. Он говорит, нужно побольше специалистов, которые могут разрабатывать современные компьютерные схемы и заниматься настоящим программированием.

— Да?!

От Пола, вероятно, не укрылось, что за этим односложным восклицанием ничего не стоит.

— Программированием! — раздраженно повторил он.— Я тебе сто раз рассказывал. Это когда составляешь задачи для гигантских компьютеров, вроде Мультивака. Мистер Догерти говорит, что находить людей, которые могут управлять компьютерами, становится все труднее. Следить-то за контрольным щитком, сверять ответы и задавать обычные задачи может каждый. Проблема в том, чтобы расширять исследования и разрабатывать способы постановки нужных вопросов, а это очень трудно. Во всяком случае, Ники, он повел меня к себе домой и показал свою коллекцию старых компьютеров. У него это вроде хобби — собирать старые компьютеры. Есть крошечные компьютеры с маленькими кругляшками на них, которые приходилось передвигать пальцами. А есть какая-то деревяшка, которую он называл логарифмической линейкой, а в ней скользящая планочка, которая выдвигается и задвигается. Потом он показал какие-то проволочки с шариками на концах. У него оказался даже кусок бумаги с какой-то штуковиной, которую он называл множительным столом [1].

Никколо, которого все это едва заинтересовало, сказал:

— Бумажный стол?

— Это вовсе не такой стол, за которым едят. Этот стол помогал людям считать. Мистер Догерти попробовал мне объяснить, как это делалось, но у него было мало времени, да и сложное это занятие.

— Почему же люди просто не пользовались компьютерами?

— Компьютеров же еще не было! — вскричал Пол.

— Не было?!

— Ну да. Ты что думаешь, у людей всегда были компьютеры? Разве ты не слыхал о пещерных людях?

— Как же они обходились без компьютеров?

— Не знаю. Мистер Догерти говорит, что они делали все, что придет им в голову, не думая о том, хорошо ли это для остальных, или нет. Фермеры выращивали всякую всячину своими руками, другие же сами работали на заводах и управляли машинами.

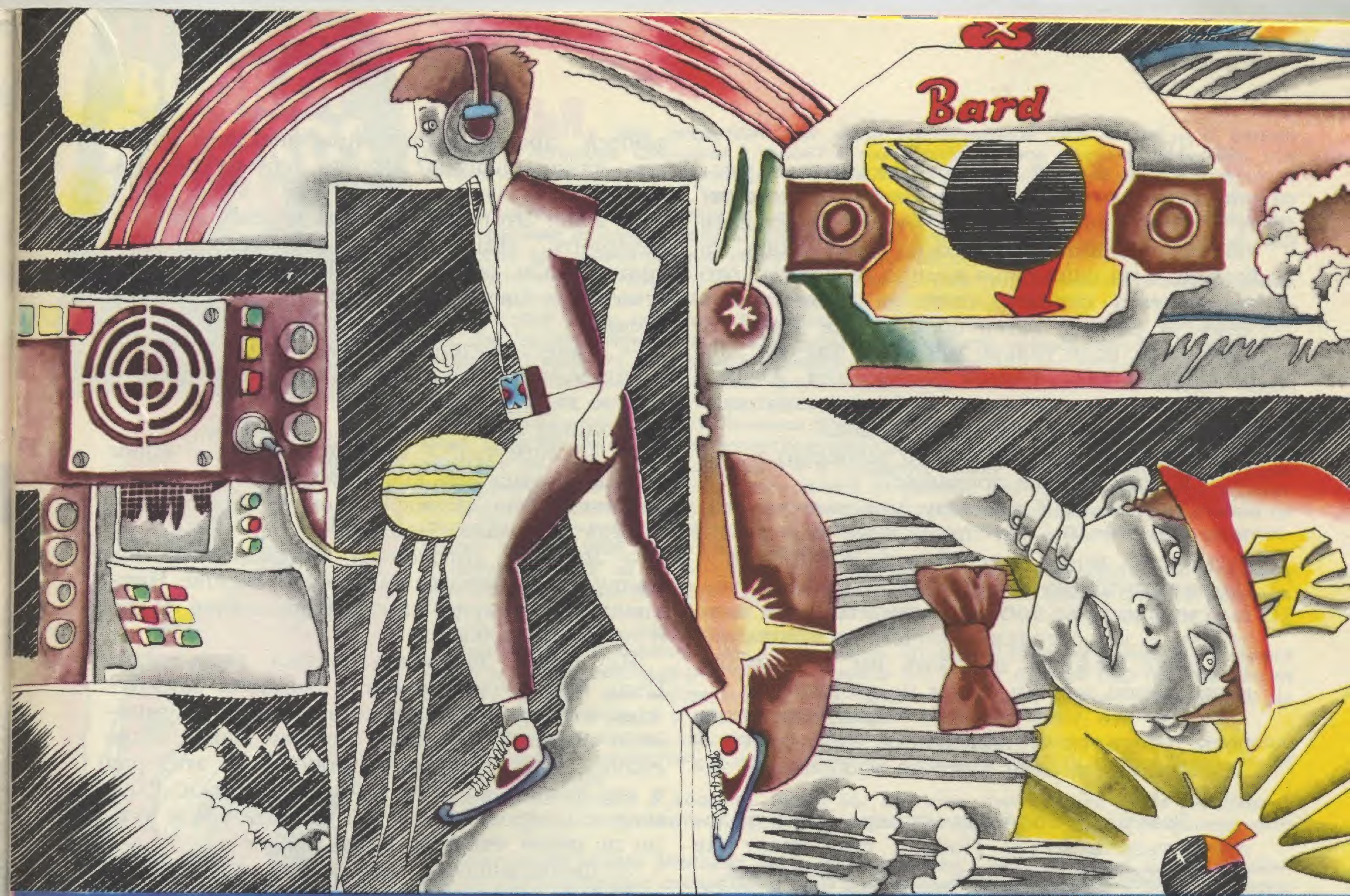
— Я тебе не верю.

— Так сказал мистер Догерти. Он говорит, царила страшная неразбериха, все были несчастны... Но дай мне добраться до моей идеи, а?

— Да кто тебе мешает? — сказал Никколо, обидевшись.

— Ну так вот, у этих ручных компьютеров, у тех, что с шишечками, были небольшие закорючки на каждой шишечке. И на передвижной линейке тоже. А множительный

[1] Игра слов: table — стол и table — таблица. Пол имеет в виду таблицу умножения. *(Прим. перев.)*

Рисунки А. БОРИСОВА.

стол был сплошь из закорючек. Я спросил, что это за закорючки, и мистер Догерти ответил: «Это цифры».

— Что-что?

— Каждая закорючка обозначала отдельную цифру. Для «один» надо было ставить какой-то особый знак, для «два» — другой, для «три» — третий и так далее.

— Зачем?

— Чтобы можно было считать.

— Но зачем? Стоит ведь только сказать компьютеру...

— Ну и ну! — вскричал Пол, и его лицо исказилось от гнева.— Да поймешь ты наконец, что эти выдвижные линейки и прочие штуковины не умели говорить и слушать?

— Тогда как же?..

— Ответы выражались закорючками, и надо было знать, что эти закорючки означают. По утверждению мистера Догерти, в былые дни все в детстве учились выделывать закорючки и расшифровывать их. Делать закорючки называлось «писать», а декодировать их — «читать». Он говорит, для каждого слова была своя закорючка и книги когда-то писали закорючками. Он сказал, что в музее есть несколько книг и что я могу посмотреть их, если хочу. Он считает, что мне, если я хочу стать настоящим программистом-компьютерщиком, придется заняться историей исчисления, вот почему он мне все это и показывает.

Никколо нахмурился.

— Выходит, всем надо было разгадывать закорючки для каждого слова и запоминать их? — спросил он.— Это действительно так или ты мне заливаешь?

— Все так. Честно. Смотри, вот так делать «один».— Он быстро прочертил пальцем линию в воздухе.— Вот так «два», а вот так «три». Я выучил все цифры до девяти.

Никколо следил за двигающимся пальцем.

— И какой от этого прок?

— Можно научиться составлять слова. Я спросил мистера Догерти, как изобразить «Пол Лоуб», но он не знал. Он говорит, в музее есть люди, которые наверняка знают, а когда-то были люди, которые умели декодировать целые книги. По его словам, для декодирования книг можно конструировать компьютеры, и когда-то они именно так и использовались, но уже больше не используются, потому что теперь у нас есть настоящие книги с магнитными лентами, говорящие.

— Конечно.

— Так что, если мы с тобой пойдем в музей, мы сможем научиться составлять слова из закорючек. Поскольку я собираюсь учиться в компьютерной школе, нам разрешат.

Никколо был озадачен и разочарован.

— Это и вся твоя идея? Бог ты мой, Пол, ну кому охота этим заниматься? Выделывать какие-то закорючки — фи!

— Неужели ты не понимаешь? Ну как ты не поймешь, дурья твоя башка? Это же будут секретные послания!

— Что?!

— Ну да. Какой прок от того, что ты умеешь говорить, если все тебя понимают? А с помощью закорючек можно передавать тайные послания. Их можно изображать на бумаге, и ни одна душа в мире не поймет, что ты хочешь сказать, если не знает что к чему. А ребята, готов спорить, не будут их разбирать, если только мы их не научим. Мы можем создать самый настоящий клуб — с уставом, посвящением в члены, собственным помещением. Здорово, правда?

В груди у Никколо что-то шевельнулось.

— Какие тайные послания?

— Да любые. К примеру, мне хочется сказать тебе, чтобы ты пришел ко мне домой посмотреть моего видео-Барда. Я изображаю соответствующие закорючки, отдаю их тебе, ты смотришь на них и понимаешь, что надо делать. А все остальные ничего не понимают. Ты даже можешь показать им эту бумагу, и все равно они ни о чем не догадаются.

— Ну, это уже кое-что.— Никколо, казалось, убедился в полезности этой затеи.— А когда мы начнем учиться изображать закорючки?

— Завтра. Я попрошу мистера Догерти договориться в музее. Пойдем туда сразу же после занятий и начнем учить закорючки.

— Вот здорово! И станем членами правления клуба.

— Я буду президентом,— заявил Пол, считая это само собой разумеющимся.— А ты вице-президентом.

— Ну что ж. Это же будет гораздо интереснее, чем слушать Барда.— Он вдруг вспомнил о Барде и спросил с внезапной тревогой: — Эй, а что там с моим стариной Бардом?

Пол повернулся и посмотрел на аппарат. Тот знай себе усваивал неторопливо раскручивающуюся книгу: звуки книжной вокализации доносились, будто отдаленное бормотание.

— Теперь недолго,— сказал Пол.

Вскоре Пол собрал свою книгу и сунул в карман, поставил панель Барда на место и включил аппарат. Бард заговорил:

— Жил-был однажды в большом городе бедный мальчик по имени Джонни Светлый, единственным другом которого был маленький компьютер. Каждое утро компьютер сообщал мальчику, будет ли в тот день дождь, и отвечал на любые его вопросы. Он никогда не ошибался, но вышло так, что в один прекрасный день король той страны, прослышав о маленьком компьютере, решил забрать его себе. Он позвал к себе Главного Визиря и сказал...

Быстрым движением руки Никколо выключил Барда.

— Все то же старье,— в сердцах сказал он.— Только добавился компьютер.

— У них на ленте уже столько позаписано,— объяснил Пол,— что компьютерный материал почти не проявляется, когда составляются произвольные комбинации. Впрочем, какая разница? Просто тебе нужна новая модель.

— Увы! Этого мы никогда не сможем себе позволить. Наш удел — вот эта жалкая дрянь.— Он снова пнул Барда ногой. Тот откатился назад, жалобно заскрипели колесики.

— Ничего, будешь смотреть мой, когда он у меня появится,— успокоил его Пол.— Кроме того, у нас теперь есть клуб.

Никколо кивнул.

— Знаешь что? — продолжал Пол.— Идем ко мне. У отца есть кое-какие книги о старых временах. Мы их послушаем и, может, что-нибудь надумаем. Пошли?

— Лады,— согласился Никколо, и оба мальчика выбежали из дома. В спешке Никколо задел Барда, потер ушибленное бедро и побежал дальше.

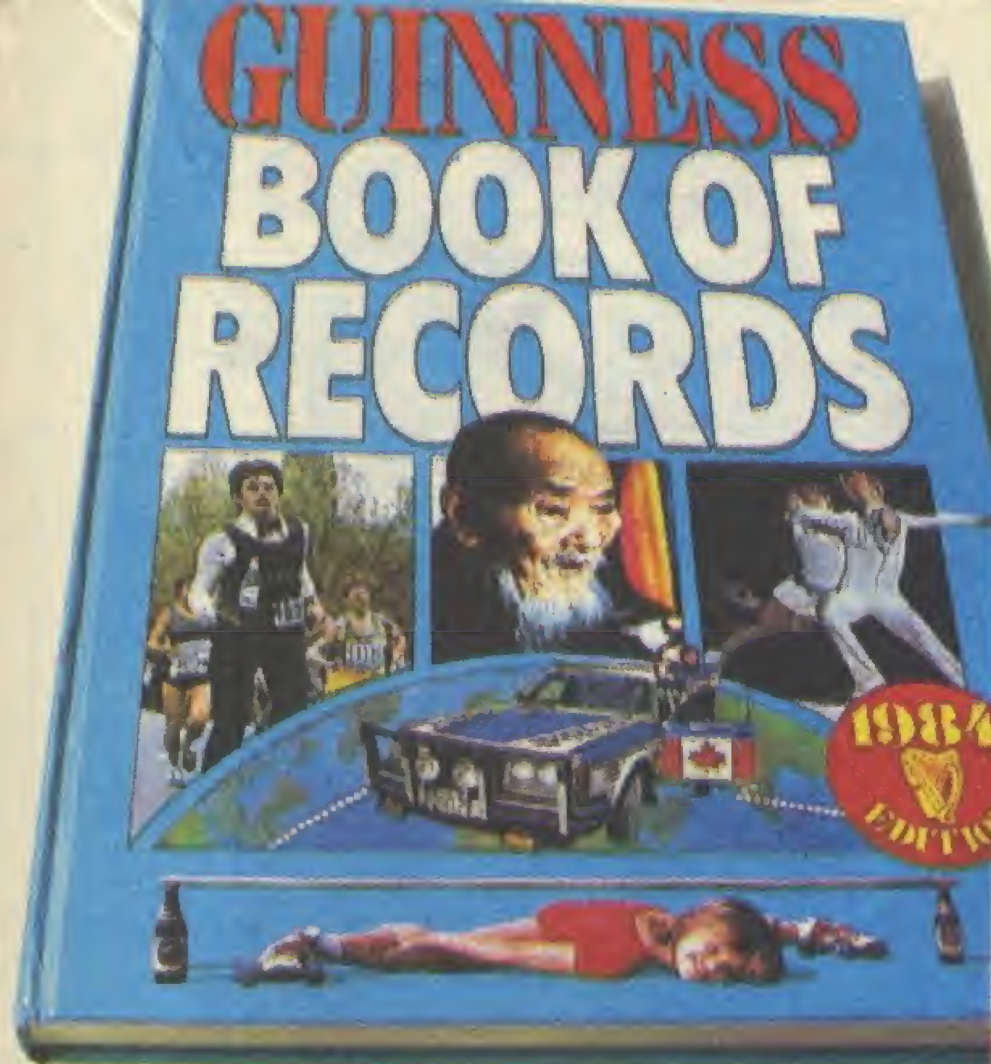
На Барде загорелся сигнал включения. Цепь при столкновении с Никколо замкнулась, и Бард, хоть он и остался один в комнате и слушать его было некому, завел свою сказку, только тоном пониже, и на этот раз в его голосе звучали гортанные нотки. Слушая его, взрослый мог бы уловить в нем чуть ли не налет страсти. Бард говорил:

— Давным-давно, много лет тому назад, жил-был маленький компьютер по имени Бард. Он жил совершенно один у жестоких людей. Эти жестокие люди все время смеялись и глумились над маленьким компьютером и твердили ему, что он ни на что не годная, бесполезная вещь. Они били его и месяцами держали в пустых комнатах. Однако маленький компьютер никогда не терял мужества. Он всегда старался сделать как лучше, бодро выполняя все команды. И все равно люди, с которыми он жил, оставались жестокими и бессердечными. Однажды маленький компьютер узнал, что в мире существует великое множество всевозможных компьютеров, много-премного. Одни были Бардами, как и он сам, но другие управляли заводами и фермами. Одни руководили населением, другие обрабатывали и анализировали всевозможные сведения. Многие были очень сильными и очень мудрыми, гораздо более сильными и мудрыми, чем те люди, которые обращались с маленьким компьютером так жестоко. А потом Бард узнал, что компьютеры и дальше будут становиться все мудрее и сильнее, пока в один прекрасный день... в один прекрасный день...

В старых, тронутых ржавчиной внутренностях Барда, должно быть, замкнуло какую-то древнюю электронную лампу, и он, одинокий и будто чего-то ждущий, в темной вечерней комнате снова и снова продолжал шептать:

— ...в один прекрасный день... в один прекрасный день... в один прекрасный день...

Перевели с английского
В. ПОСТНИКОВ и А. ШАРОВ.

ДРУЗЬЯ, *вам предстоит еще одно удивительное знакомство — с книгой рекордов Гиннесса. Слышали о такой? В книге собрано все самое выдающееся, что только есть на свете. Скажем, есть в ней такие рекорды: самый дальний прыжок лягушки, самые длинные человеческие волосы, самая большая морковка... Долгое время эта книга, как, впрочем, и сами рекорды, считалась у нас не более чем курьезом, развлечением от нечего делать. Правильно это или нет, давайте решим после. А пока раскроем эту замечательную книгу и перелистаем страницы.*

Первая книга рекордов Гиннесса появилась в 1955 году. Книга получила название от имени Бенджамина Гиннесса, президента одной из крупнейших ирландских компаний, которая тоже, естественно, называется «Гиннесс». Как возникла книга? А вот как. Людям свойственно спорить, и особенно о том, кто «самый самый». В подобных спорах, как правило, истина не рождается. Чтобы разрешить эти неразрешимые споры, Бенджамин Гиннесс и придумал такую необычную книгу-справочник. Общий тираж книги рекордов составляет уже более пятидесяти миллионов экземпляров.

Непросто попасть в книгу Гиннесса. Как-то по Центральному телевидению промелькнул видеосюжет об одном несостоявшемся рекордсмене. Это был молодой бычок, которого на несколько часов завели в посудную лавку (помните выражение «слон в посудной лавке»). Бычок в лавке ничего не разбил, как то и требовалось, однако рекорд не засчитали, потому что незадачливое животное все время мирно стояло на одном месте и жевало специально набросанное на пол сено. А по условиям «соревнования» по посудной лавке надо было ходить.

Книга делится на 12 основных глав. Первая посвящена особенностям строения человека. Например, самый высокий в мире человек, Роберт Першинг Уодлоу, родился 22 февраля 1918 года в Алтоне, штат Иллинойс, США. В 22 года его рост был 272 сантиметра, а вес — 222,7 килограмма!

Вторая глава о животных. Мы узнаем здесь, что самый толстый в мире кот родился и жил в штате Куинсленд (Австралия) и звали его Химми. В июне 1982 года кот весил 20,7 кг. Толщина шеи составляла 38,1 см, талии — 81,3 см, а длина его была 96,5 см. Видите, оказывается, и у котов бывает талия!

Самая долгая радуга, как зафиксировано в следующем разделе книги — о природных явлениях,— держалась в небе Северного Уэльса целых три часа. А было это 14 августа 1979 года.

Четвертый раздел о космосе. Здесь мы встретим фотографии Юрия Гагарина — первого в мире космонавта и Сергея Королева — создателя первого искусственного спутника Земли.

Следующий раздел знакомит нас с достижениями в научном мире. Самое крошечное из просверленных отверстий в 1000 раз тоньше человеческого волоса. Об этом невидимом отверстии сообщила в августе 1977 года «Инко Никель Компани».

Глава, посвященная искусству и литературе... Самый громкий рок-концерт дала группа «The Who». Этот очень своеобразный рекорд зафиксирован на одном из лондонских стадионов, где группа выступала. Мощность аппаратуры составила 76 тысяч ватт. Грохот обеспечивали восемьдесят восьмисотваттовых и двадцать шестисотваттовых усилителей! Для примера, мощность стереопроигрывателя «Вега» составляет 8—10 ватт на канал.

Один из рекордов следующего раздела, посвященного строительству, принадлежит снежному замку. Его воздвигли зимой 1980/81 года в г. Токамачи, в японской префектуре Ниигата. На этот замок ушло 1600 тонн снега. Сооружало его 800 человек с помощью 50 бульдозеров.

Раздел техники. Самый быстрый мотоцикл — «Дунстол Сузуки ГС 1000 ЦС». Его скорость 248,1 км/час.

Глава, посвященная бизнесу и различным предметам. Здесь почти все о самых дорогих вещах и самых высоких ценах. Но вот читаем: самая старая спичечная этикетка появилась в 1830 году. А самое большое количество этикеток — 280 тысяч штук — у коллекционера Роберта Джонса из США.

В разделе о человеческих возможностях находим такие любопытные сведения: самая «быстрая» женщина — Валентина Терешкова. Однажды она передвигалась со скоростью 28115 км/час. Происходило это 16 июля 1963 года, а «подспорьем» ей служил космический корабль «Восток-6».

А самая быстрая женщина — пилот самолета — тоже наша, Светлана Савицкая. Ее рекорд — 2687,4 км/час. Он зафиксирован 2 июня 1975 года.

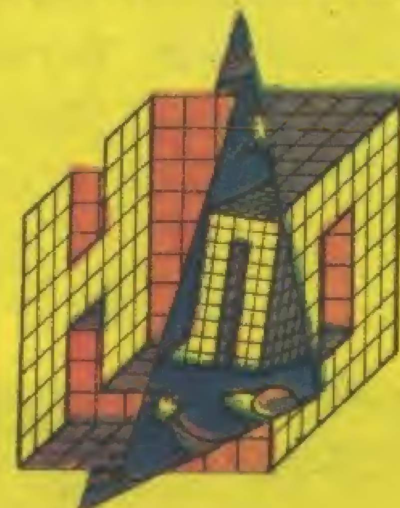
Глава, посвященная политике, законам. Здесь находим печальный курьез: самый крупный срок тюремного заключения отбывает Дудли Уэйни Кизер из Тускалооса, штат Алабама, США. 4 декабря 1981 года за серию совершенных им преступлений он был приговорен к десяти ТЫСЯЧАМ годов тюрьмы!!

И в последнем разделе, спорта и игр, читаем: студенты одного из американских университетов Джон Карр и Роберт Паситти непрерывно играли в настольный футбол в течение 50 часов 4 минут. Игра продолжалась с 30 апреля по 2 мая 1982 года. Кто выиграл, не сказано. Очевидно, победила дружба.

Мы еще не раз в следующем году обратимся к этой удивительной книге невероятных рекордов. Ну а сейчас ЕСТЬ ИДЕЯ! Давайте заведем свою книгу сногсшибательных рекордов и назовем ее «КНИГА РЕКОРДОВ «ПИОНЕРА». Каждый читатель «Пионера» может попасть на ее страницы, если, конечно, достигнет какого-нибудь необычайного результата. Ну, например, построит самую быструю (большую, маленькую) авиамодель, вырастит самый большой кабачок (морковку, арбуз, свеклу...) или просто, учась, скажем, в пятом классе, будет ростом чуть ли не с дядю Степу, или... (Дальше фантазируйте сами!)

Книга рекордов «Пионера» будет храниться в Треугольнике НЛО, поблизости, чтобы мы всегда могли в нее заглянуть!

Бортпроводник НЛО Владимир КОЖЕМЯКИН.

Андрей ГРИШИН, 9 лет.
«ВОСПОМИНАНИЕ О ЛЕТЕ».

Лена УХОВА живет в городе с красивым названием Вятские Поляны, учится в 5-м классе. Стихи Лена начала сочинять давно, когда еще не ходила в школу.

Пионерка

Я, как мама и как папа,
И как бабушка когда-то,
Наконец-то — пионерка!
У прохожих на виду,
Распахнув свое пальтишко,
Я под дождиком вприпрыжку
В красном галстуке иду!

Восьмиклассница Надя АВЕРКИНА живет в Москве, занимается в литературном клубе городского Дворца пионеров.

* * *

Алый конь ускакал на запад,
Отзвенели его копыта,
И в сиреневой чуткой дымке
Отпылала златая грива.

Алый конь ускакал на запад,
Обронил он одну подкову,
Золотая его подкова
Стала месяцем в кудрях ночи.

Алый конь ускакал на запад,
Но упали его поводья
И рассыпались те поводья
В звезды светлые, точно жемчуг.

Алый конь ускакал на запад,
Ночь же шагом прошла неслышным,
С теплых, синих ее ладоней
Птицы-дремы слетали тихо.

Алый конь ускакал на запад,
Но и ночь не продлилась вечно,
Алый конь ускакал на запад,
Алый конь прискакал с востока.

Эти два стихотворения прислал в «Кораблик» Алексей БЫКАДОРОВ, восьмиклассник московской школы № 1105.

Ухожу из детства

I

Скромное солнце расчетливо светит,
Чтобы не спутали с зимушкой лето.
Птицы прозябли и тихо сидят.
Только не страшен мороз для ребят.

Лихо ребята играют в хоккей,
Мчатся на лыжах, раздетые дерзко.
Я же снежинку несу на руке
В смелую юность из робкого детства.

II

Это лето прошло.
И уж кто-то иной
В детство день уволок,
Не замеченный мной.

Я расту, как закат,
Достигая луну.
Юность вся на замках —
Первый я отомкнул.

* * *

Усталый взгляд заката.
Трамвай спешит куда-то.
Курносый нос, прижатый
К оконному стеклу.

Шоссе шумит широко —
Москвы вечерний рокот,
И тень так одиноко
Застыла на полу.

А взгляд летит куда-то,
Где алые фрегаты,
Где птицы в час заката
Синей, чем океан.

Но нужно (время мчится)
За алгебру садиться,
Скорее возвратиться
Из дивных дальних стран.

Наташа ХОРТЕНКО — киевлянка, учится она в школе № 179, в 6-м классе.

Моя подруга

Ну, что о Ленке мне сказать?
Рисует. Учится вязать.
Но что-то есть такое в ней:
Я с нею делаюсь добрей.

Я с ней поспорю иногда,
Но не ругаюсь никогда!
«Зачем ругаться?» — говорят
Улыбка и веселый взгляд.

Трудолюбива и умна.
Умеет всех зажечь она.
И стоит Ленку лишь узнать —
Захочется такой же стать!

Робинзоны

Вилен ФЕДОРОВ

ГЕРОЙ И ПРОТОТИП

269 лет назад, 25 апреля 1719 года, в Лондоне вышла в свет книга с интригующим и необыкновенно длинным названием: «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка, прожившего двадцать восемь лет в полном одиночестве на необитаемом острове у берегов Америки близ устья реки Ориноко, куда он был выброшен кораблекрушением, во время которого весь экипаж корабля, кроме него, погиб, с изложением его неожиданного освобождения пиратами, написанные им самим».

Прототипом Робинзона Крузо, по утверждению большинства литературоведов, изучавших творчество Даниэля Дефо, был шотландский моряк Александр Селькирк.

Завербовавшись юнгой на английское судно, он проявил удивительные способности в морском деле и быстро выслужился до старшины. В 28 лет Селькирк уже плавал штурманом на восемнадцатипушечной английской галере «Сенк Портс» под командованием капитана Стредлинга. В 1704 году эта галера, обогнув мыс Горн, пиратствовала у берегов Южной Америки. Среди моряков беспрерывно возникали споры и драки. Капитан ничего не мог поделать с ними. Особенно его раздражал двадцативосьмилетний Александр Селькирк, который благодаря своему опыту и организаторским способностям пользовался уважением большинства моряков и открыто выражал свое возмущение порядками на галере и Стредлингом. Однажды в океане разыгрался сильный шторм. Огромные волны швыряли сбившийся с курса небольшой корабль, как щепку. Капитан проявлял растерянность, не принимал необходимых мер для наведения на судне порядка. Селькирк вступал с ним во все более острые схватки.

Когда шторм утих, на горизонте показались три небольших острова, открытые ранее испанцем Хуаном Фернандесом. Подойдя к одному из них — Мас-а-Тьера, галера бросила якорь. Александр Селькирк в пылу спора заявил капитану, что он желает покинуть корабль и остаться на острове, на что тот охотно согласился. Снабдив шотландца ружьем, порохом, одеждой, некоторыми навигационными инструментами и книгами, его высадили на берег необитаемого острова.

Оказавшись в одиночестве, Селькирк вначале бездействовал. Но вскоре кончились запасы продовольствия, необходимо было готовиться к приближающейся зиме и он с присущим ему темпераментом стал развивать кипучую деятельность. Оборудовал под жилье обнаруженную им естественную пещеру, построил поблизости примитивную хижину — кухню.

В общем, дальше было все так или почти так, как это описал в своем романе Даниэль Дефо. Вы все его наверняка читали. Поэтому не стоит повторяться. Хочу лишь сказать, что не будь романа Даниэля Дефо, в наше время уже никто бы не вспоминал о Селькирке, ему не установили бы на родине бронзовый памятник и остров, на котором он жил, не назывался бы теперь его именем.

ПЕДРО ПРИ ДВОРЕ КОРОЛЯ КАРЛА

За шестьдесят пять лет до Александра Селькирка широкую популярность в Европе приобрел испанец Педро Серрано благодаря своим приключениям на необитаемом острове...

Во дворец германского короля Карла V Габсбургского собралась вся придворная знать. Каждому хотелось взглянуть на человека, который несколько лет провел в одиночестве на необитаемом острове. Простому матросу Педро Серрано воздавались поистине королевские почести. Для гостя, привезенного специально на показ королю из Испании, во дворце был устроен большой прием. В присутствии приближенных монарха испанец рассказывал Карлу V Габсбургскому о своих необычайных приключениях:

— Под натиском огромных волн не повинующийся воле людей корабль стал с грохотом погружаться в океанскую пучину. Я бросился в воду и поплыл, стараясь как можно быстрее отдалиться от места страшной катастрофы. Я плыл изо всех сил до тех пор, пока не почувствовал под ногами твердую почву. В полубессознательном состоянии я провел ночь, а рано утром увидел, что оказался на узкой песчаной косе длиной около пяти миль. На берегу валялось несколько досок и обломок рея — остатки корабля, выброшенные волнами. К счастью, при мне был нож...

Педро Серрано бродил по песчаному берегу в поисках пищи. Сперва ему посчастливилось найти несколько черепашьих яиц. Затем он убил крупную морскую черепаху. Ее мяса хватило на несколько дней... Первое время черепахи и их яйца были основной пищей моряка, а панцири убитых черепах он приспособил для сбора и хранения дождевой воды. При помощи ножа из собранных на берегу досок и морских водорослей Серрано построил примитивную хижину, в которой мог укрыться от ветра и солнца. Из водорослей соорудил себе и постель.

Однако по ночам было холодно: сырая однообразная пища быстро надоела — необходимо было добыть огонь. Отыскав на берегу несколько кремневых камушков, Серрано попытался при помощи тупой стороны ножа высечь искру. После многодневных попыток он нашел подходящий кремень и зажег сухую морскую траву.

Как-то ему удалось убить птицу, и, зажарив ее на огне, он два дня пировал. К песчаным отмелям косы часто подходили косяки рыбы. Все попытки поймать ее руками ни к чему не привели. Серрано в течение нескольких дней все тем же ножом мастерил себе гарпун из найденной на берегу доски и, вооружившись им, стал с успехом ловить рыбу...

Однажды, после сильного шторма, к берегу прибило еще несколько досок от потерпевшего крушение корабля. За самую большую доску держался человек, измученный многочасовой борьбой со стихией.

— Я был безмерно счастлив,— рассказывал Педро Серрано в королевском дворце,— что провидение послало мне товарища, хотя, конечно, сочувствовал его несчастью. Мы расширили хижину и четыре года прожили вместе на этом песчаном острове в надежде, что нас заметят с какого-нибудь корабля. И наша надежда сбылась...

Необыкновенные приключения испанского моряка на необитаемом острове недалеко от берегов Перу были записаны придворными служителями короля и благодаря этому дошли до наших дней. Записи свидетельствуют о том, что

Педро Серрано был монаршей милостью одарен деньгами и ценными подарками.

ЗАБЫТАЯ ЖЕНЩИНА САН-НИКОЛАСА

В шестидесятых годах XIX века на побережье Калифорнии стала известна история «забытой женщины Сан-Николаса». В 1835 году индейское племя галасат решило покинуть земли своих предков — небольшой остров Сан-Николас у южного побережья Калифорнии. Сейчас трудно сказать, что толкнуло индейцев на этот шаг. То ли постоянные обманы купцов, приходивших сюда на своих кораблях за пушным товаром, то ли хищническое истребление зверобоями морских львов и тюленей, то ли то, что на острове развелось множество злых диких собак. Но доподлинно известно, что вождь племени галасат обратился к капитану одного испанского корабля с просьбой вывезти его племя на большую землю.

В поисках своего брата индейская девушка Карана перед самым отходом корабля прыгнула за борт и поплыла к берегу. Она нашла его в покинутом поселке. Но через некоторое время произошел трагический случай: брат погиб во время охоты. Восемнадцать лет провела в одиночестве Карана на острове, постоянно борясь за свою жизнь с дикими собаками, занимаясь охотой и рыбной ловлей. Лишь в 1853 году моряки одного корабля обнаружили на берегу острова Сан-Николас одинокую женщину, с трудом говорившую на непонятном для них языке, и доставили ее в католическую миссию Санта Барбара. Тут от старого монаха она узнала, что все племя ее погибло во время сильного шторма...

ВЕСЛО ДАНИЭЛЯ ФОССА

В 1809 году зверобойный бриг, направлявшийся в южную часть Тихого океана, попал в морскую катастрофу, столкнувшись с айсбергом. Команда высадилась, но шлюпка была разбита о прибрежные скалы небольшого острова. Из 21 члена экипажа в живых остался один Даниэль Фосс.

Остров был лишен растительности. Не нашлось ни одной естественной пещеры в скалах, в которой можно было бы укрыться от непогоды. На берегу не было ни одной дощечки, кроме весла от шлюпки.

И все же Даниэль Фосс не отдал себя во власть безысходности и страха. При помощи весла он убил нескольких тюленей. Ножом, который у него сохранился, разделал туши животных и, подкрепившись сырым мясом, основную часть порезал на тонкие ломти и стал сушить на солнце. Тут же на скалах он высушил и шкуры тюленей, а затем из них и собранных на острове камней соорудил подобие дома. Впоследствии он построил кладовку для хранения мяса и шкур убитых животных, наблюдательную вышку из камней, с вершины которой мог следить за морем.

Главной трудностью Даниэля Фосса было полнейшее отсутствие дерева и металла, из которых можно было бы изготовить примитивные орудия. Единственное весло он решил во что бы то ни стало сохранить, используя его для охоты на тюленей, а также в качестве дневника: он делал на нем зарубки ножом, ведя счет дням и месяцам, крохотными буквами царапал на лопасти пометки о наиболее значительных событиях своей жизни на острове. Но и тут помогли «робинзону» изобретательность и трудолюбие: постепенно почти все необходимые орудия производства — иглу для сшивания, нож, топорик, молоток и другие — он изготовил из костей тюленей и камней.

Особенно облегчилось положение Даниэля Фосса на острове, когда во время одного из многочисленных штормов, свирепствовавших в этих широтах, на берег был выброшен тяжело израненный огромный кит. Это позволило не только значительно пополнить запасы пищи, но и расширить, благоустроить и укрепить жилище... Спустя пять лет моряки одного судна, проходившего мимо острова, заметили на берегу человека, размахивающего шкурой тюленя. Капитан приказал отдать якорь вблизи острова, рассчитывая с улучшением погоды спустить шлюпку и подобрать несчастного.

Но Даниэль Фосс, боясь, что корабль уйдет, бросился в океан. Весло и тут его выручило, помогая держаться на воде. Поднятый моряками на борт, Даниэль Фосс вызвал восторг и изумление даже у видавших виды мореходов.

РИФЫ МИНЕРВЫ И ОКРЕСТНОСТИ

Несмотря на бурное развитие мореплавания, авиации и рост народонаселения, «робинзоны» не перевелись и в нашем веке. Я не буду тут останавливаться на робинзонадах, связанных с последствиями первой и второй мировых войн. Их очень много.

Только о японских солдатах, ставших жителями островов Тихого океана и до недавнего времени продолжавших скрываться в непроходимых джунглях и на необитаемых берегах, можно написать целую книгу... Расскажу лишь о нескольких «робинзонах», ставших широко известными в последние годы.

Из Нукуалофа — основного порта архипелага Тонга в Полинезии шестеро юношей отправились на яхте ловить рыбу. Внезапно начался сильный шторм, который в течение восьми суток носил по океану небольшое суденышко, пока не разбил его о прибрежные рифы Ата. Юные мореплаватели с огромным трудом добрались до суши и обнаружили, что они оказались на небольшом обитаемом острове. Когда-то, давным-давно на острове этом жили их соотечественники — полинезийцы, но опустошительные набеги пиратов и работорговцев привели к тому, что уже свыше ста лет здесь никого не было.

Только через пятнадцать месяцев к берегам Ата забрело в поисках крабов судно «Джаст Дэвид», которое доставило шестерых «робинзонов» в австралийский порт. Оказалось, что в Нукуалофа их давно считали погибшими.

Это далеко не единственный случай робинзонады среди жителей архипелага Тонга — смелых людей и отчаянных мореплавателей. Ранее еще более трудные испытания выпали на долю другой группы полинезийцев. Семнадцать человек решили в поисках заработка отправиться на сезонные работы в Новую Зеландию. Поскольку денег для билетов на пассажирское судно у них не было, они приняли смелое решение преодолеть 1350 миль на небольшом паруснике «Туайкепау». Потомственные мореходы, привыкшие ходить на утлых суденышках далеко в океан, они смело двинулись в путь. Сперва плавание проходило благополучно. Но, когда во время шторма небо затянуло тучами и по звездам уже нельзя было ориентироваться, они сбились с курса. Однажды ночью увидели белые буруны возле самого носа парусника, и вслед за тем сильный удар потряс суденышко. Оно не развалилось, но в нем образовалась небольшая течь, которую быстро заделали. Парусник снова был на чистой воде, и его моряки решили, что опасность позади, когда скрежет днища по рифу еще раз встревожил их. Через несколько минут они обнаружили впереди те же белые буруны, а потом удар о рифы потряс судно. В какой-то момент, когда свет луны пробился сквозь облака, они увидели, что буруны пенятся со всех сторон. Тогда поняли, что попали в страшную ловушку — на рифы Минервы. Из этой коралловой западни мало кому удавалось вырваться. Через некоторое время парусник был разбит, а потерпевшие, захватив некоторую часть продовольствия, добрались до небольшого островка.

Утром они увидели, что находятся на крошечном клочке суши, лишенном какой бы то ни было растительности. С помощью единственной спички, сохранившейся у одного

из полинезийцев, удалось развести костер — жгли выброшенные на берег остатки разбитого судна. Из канистры смастерили примитивный опреснительный аппарат, при помощи которого удавалось за день произвести немногим более одного литра воды. Запасы продовольствия закончились, и они стали питаться только рыбой и крабами. Нестерпимо палило солнце, от которого негде было укрыться. Не выдержав солнцепека, голода, жажды, один за другим три человека умерли.

Зная, что помощи ждать неоткуда — рифы Минервы далеко стороной обходят суда,— решили из остатков разбитого судна соорудить плот. Через три месяца после того, как они попали на остров, трое полинезийцев, снаряженные своими товарищами, отправились на утлом плоту к островам Оно-Илау за помощью. Плот был сооружен надежно: полинезийцы издревле славятся искусством делать плоты и плавать на них.

Медленно приближались трое смельчаков к спасительному острову. В пути течение несколько отклонило плот от намеченного маршрута, пронесло его мимо Оно-Илау, и прибыл он к берегу острова Вити-Леву архипелага Фиджи. Незадолго до этого один из «робинзонов» умер, а двое были настолько обессилены и изнурены голодом, жаждой и тяжелым трехсотмильным путем, что первое время не могли толком объяснить, кто они и откуда приплыли.

Когда наконец островитяне узнали, что перед ними потерпевшие крушение, то на помощь к оставшимся на рифах Минервы был послан гидросамолет. Несмотря на плохую погоду, летчики легко обнаружили на одном из четырех крошечных атоллов, составляющих рифы Минервы, группу из десяти человек. Одиннадцатый скончался перед самым прилетом гидросамолета.

«РОБИНЗОН» ЯКОВ МЫНЬКОВ

К сожалению, в современной литературе очень мало сказано о русских «робинзонах». А напрасно...

...На зиму 1743/44 года на остров Беринга попала промысловая партия сержанта Емельяна Басова и промышленника Евстихия Санникова. За одну зиму они добыли тут свыше пяти тысяч шкур голубых песцов и морских бобров. Зимовали тут камчатские промышленники и в 1745—1746 годах.

В 1749 году русский мореход Андреян Толстых, плавая в Тихом океане в поисках мифической «Земли Жуана да Гама», провел зиму на острове Беринга вместе с Е. Санниковым.

Русский промышленник Григорий Шелехов, немало сделавший для освоения северо-восточных земель России, в отчете, изданном в Петербурге в 1791 году под заглавием «Российского купца Григория Шелехова первое странствие с 1783 по 1787 г. из Охотска по Восточному океану к американским берегам», описывает свою вынужденную зимовку на острове Беринга в 1783 году.

Но, пожалуй, самая примечательная из робинзонад на острове Беринга относится к более позднему периоду.

В 1812 году штурман Васильев получил задание найти на острове Медном оставленных там в 1805 году 11 русских промышленников Российско-Американской компании, а также Якова Мынькова, тоже оставленного семь лет назад, но уже на острове Беринга.

В мае при тихом попутном ветре подошел он на своем судне к юго-восточной оконечности острова Медного. Медленно продвигаясь вдоль берега, он беспрестанно смотрел в подзорную трубу и к вечеру с радостью обнаружил в одном заливе строение. Выпалив из пушки и подняв флаг, судно стало приближаться к берегу. Вот что рассказывает сам штурман Васильев в своих записках:

«Скоро усмотрел я лодку, которая плыла из этого залива прямо к судну. На лодке находился промышленник Шипицын и еще шестеро русских. Лишь только они взошли к нам на судно, то, перекрестясь, с слезами вскричали: «Слава Богу, есть еще на свете люди!» Невозможно описать их восторга, когда они увидели своих знакомых: обнимались, целовались, плакали!.. Впрочем, я нашел всех сих людей здоровыми и веселыми. У них были скрипки, и я часто слыхал музыку их, песни и пляски. Если когда-либо музыка прогоняла грусть и скуку и вселяла бодрость в сердца унылые, то верно, у сих бедных людей...»

Васильев с восторгом рассказывает, что сила духа и чувство долга у этих людей были так высоки, что, недол-

го посоветовавшись, они согласились остаться еще на один год на острове, за исключением одного больного товарища, которого пришлось заменить.

Затем судно направилось к острову Беринга, на котором семь лет назад штурманом Потаповым был оставлен в полнейшем одиночестве Яков Мыньков «для караула изловленного ими промысла». Шестого июня подошли к берегам острова. «Ввечеру, часу в осьмом, увидел человека на северо-восточном берегу,— рассказывает Васильев.— Тотчас приказал я опустить лодку и итти за ним. Через час последние привезли того человека на судно. Надобно быть свидетелем сего удивления, восторга и благодарности, чтобы описать его! Долго он не мог промолвить ни слова и только проливал слезу... Первые его слова были: «...Я думал, что меня совсем здесь бросили и забыли навсегда!» Долго он горько жаловался на свою судьбу. «Надобно было,— говорил он,— достать себе пищу и одежду. Несколько дней я совсем ничего не ел: в реке рыбы много, но чем ее ловить? Нужда научила меня сделать из гвоздя уду, и я наловил себе рыбы. Тут надлежало подумать, как достать огня, в котором я имел нужду и для варения пищи и для согревания себя от стужи. Долго не придумывал я способа. Наконец, вспомнил, что у меня, к счастью, была бритва. Нашел кремень, древесную губку от тальника, растущего на острове, и мне удалось высечь огонь. В жизнь мою ничему так не радовался, как тогда! На том месте, где меня высадили, мало было способов для пропитания, и для того я перешел на другую сторону острова и расположился жить при реке, в которой было много рыбы... На зиму опять возвратился на прежнее место. Настала зима, юрту занесло снегом, платье и обувь — все износилось. Всего нужнее был для меня огонь, и я с трудом мог добывать его.

Тут-то я, оставленный всем светом на пустом острове без пищи, без платья, без всякой помощи... тщетно ждал своих товарищей. Я боялся, не потонули ли они...»

Конечно, Яков Мыньков оказался на острове Беринга куда в более тяжелом положении, чем Селькирк на тропическом острове Хуана Фернандеса. И все же семь лет полного одиночества не погасили в нем искру надежды, не сломили дух. Подвиг Якова Мынькова, незаслуженно забытый в наши дни, восхищал не только штурмана Васильева, впервые о нем написавшего, но и известного русского мореплавателя Василия Головнина. Проходя во время своего путешествия на шлюпе «Диана» мимо островов Медного и Беринга, он писал:

«Оба сии острова необитаемы. Впрочем, сколько вид их ни ужасен и сколько ни неприступны они кажутся, однако ж и на них могли жить люди, не говоря уже об экипаже капитана Беринга, спасшемся здесь при кораблекрушении и жившем целую зиму, в наше время двенадцать человек промышленных Российско-Американской компании... жили на сих островах семь лет и были здоровы».

ГОНИТЕ ДЕНЕЖКИ!

В последние годы в мире резко повысился интерес к необитаемым островам. Все чаще небольшие островки становятся местом купли и продажи. Дело доходит до того, что пресытившиеся толстосумы дают объявления в газеты: «Покупаю остров...», «Продаю остров...». На роскошных яхтах, специально арендованных самолетах и лайнерах прибывают они на «собственные» острова. Порой в обеспечение комфорта на островах вкладывается столько средств, что их хватило бы на существование десятков семейств.

Так, американский актер Реймонд Бэрр, снявшийся за девять лет почти в ста фильмах весьма сомнительного качества и заработавший на этом солидную сумму, купил у 82-летней Элизабет Хенинг за сто тысяч фунтов стерлингов остров Наитабуа вместе с проживающими на нем полинезийцами. Экстравагантный миллионер прибыл на остров на теплоходе с целым штатом обслуживающего персонала. Еще не утихло возбуждение американской прессы от одной сенсации, как уже другая заполнила газетные полосы: миллиардер Хантингтон Хартворд продает остров Парадизо, относящийся к группе Багамских островов, за 32 миллиона долларов!

Не каждый «робинзон» может позволить себе такую роскошную покупку, зато к его услугам уже построенные на острове первоклассные отели, причалы, посадочная площадка для вертолета...

На фоне таких «масштабных робинзонов» привлекает внимание сообщение на страницах американской газеты «Интернэшнл геральд трибюн» о том, что сорокалетний американец Брус Джонсон намерен обосноваться на одном из необитаемых островов Тихого океана с целью «в точности повторить подвиг Робинзона Крузо». Все будет так, как описал Дефо, за небольшими исключениями: господин Брус берет с собой, кроме огнестрельного оружия, изрядное количество современных вин и сигарет, приемник, фотокамеру и ряд других необходимых ему предметов... А роль Пятницы в этом спектакле будет выполнять очаровательная Шэрри Квам — двадцатидвухлетняя подруга новоявленного «робинзона»...

Не дают покоя лавры Робинзона Крузо и некоторым юношам, безвозвратно отнесшим себя к категории «потерянного поколения». Стараясь скорее «потеряться» на каком-нибудь необитаемом острове, они охотно меняют комфортабельный кров своих богатых «предков» на уютный покой необитаемых островов.

Майкл Свифт, английский студент 25 лет от роду, избрал для этой цели крошечный атолл в Тихом океане, расположенный на расстоянии 830 миль от ближайшего цивилизованного уголка. Уплатив кругленькую сумму владельцу яхты за доставку к месту «катастрофы» и прихватив с собой несколько чемоданов робинзоновского, «случайно» выброшенного на берег имущества, в том числе десятилетний запас бензина и камушков для зажигалки, он успешно «спасся» на избранном клочке суши.

Пока он, «ежеминутно рискуя жизнью», изучал остров, который, вообще-то говоря, можно было обойти за несколько минут, владелец яхты уже давал интервью новозеландским корреспондентам о новом «робинзоне», нарушив тем самым данный им обет молчания. Новозеландские власти не заставили себя долго ждать, и высадившиеся неожиданно на берег «пираты» в полицейских мундирах, убедившись, что у Свифта нет новозеландской визы, удалили его с острова.

Да, трудно в двадцатом веке стать Робинзоном!

Этой же точки зрения придерживалась девятнадцатилетняя австралийка Терри Риджуэй. Правда, она оказалась более удачливой, чем ее английский коллега. Она сумела провести в одиночестве целый год на пустынном коралловом островке, и ее не тревожили австралийские власти, зато не было отбоя от туристов. Предприимчивые организаторы местных круизов включили «остров юной «робинзонки» в маршруты своих судов, создали соответствующую рекламу, и «миловидная Терри» была вынуждена больше следить за своей внешностью, чем заниматься работой.

Зачем ставить себя в зависимость от случайностей и искать необитаемые острова в Великом, или Тихом, океане? Примерно так рассуждал западногерманский студент из города Бамберга. Не проще ли создать себе паблисити Робинзона поблизости от отеческой обители? И он открыл необитаемый остров в центре Европы на реке Регнице. Этот остров образовался в 1962 году в связи с песчаными наносами и снижением уровня воды на притоке Майна.

Ссылаясь на западногерманское законодательство, считающее собственностью государства только те территории, которые имелись к моменту выхода закона 1907 года, он объявил новый остров своей собственностью и в качестве «робинзона» поселился на этом необитаемом берегу. А как на это реагировали власти? Да никак. Федеральные органы настолько были заняты в эти годы незаконными притязаниями на обитаемые территории к востоку от границ ФРГ, что им было не до «робинзона»-первооткрывателя.

Еще более оригинально проблему «открытия новых островов» решили итальянец Георгио Роса, владелец крупной строительной фирмы в Болонье, и ранее возглавлявший одну из пиратских радиостанций англичанин Рой Бейтс. Они решили сами создать новый остров на металлических платформах в открытом море, объявив их «собственными республиками».

Рисунки А. МЕЛИК-САРКИСЯНА.

Упр. 3. Прыжки с касанием поперечной планки руками.

Упр. 6. Зажать палку локтями, выгнуться и делать повороты вправо-влево.

Упр. 9. Максимально пытаться поднять туловище от земли.

Упр. 10. Круговые движения руками.

го посоветовавшись, они согласилис
год на острове, за исключением одн
которого пришлось заменить.

Затем судно направилось к остр
семь лет назад штурманом Потапов
нейшем одиночестве Яков Мыньк
ленного ими промысла». Шестого и
острова. «Ввечеру, часу в осьмом
северо-восточном берегу,— рассказ
час приказал я опустить лодку и
последние привезли того человека
свидетелем сего удивления, востор
бы описать его! Долго он не мог
и только проливал слезу... Первы
думал, что меня совсем здесь брос
Долго он горько жаловался на с
было,— говорил он,— достать себ
сколько дней я совсем ничего не ел
чем ее ловить? Нужда научила мен
и я наловил себе рыбы. Тут надле
стать огня, в котором я имел нуж
и для согревания себя от стужи.
я способа. Наконец, вспомнил, что
бритва. Нашел кремень, древесную
тущего на острове, и мне удалось
мою ничему так не радовался, как
меня высадили, мало было способо
того я перешел на другую сторону
жить при реке, в которой было мно
возвратился на прежнее место. На
ло снегом, платье и обувь — все из
был для меня огонь, и я с трудом

Тут-то я, оставленный всем св
без пищи, без платья, без всякой
своих товарищей. Я боялся, не по

Конечно, Яков Мыньков оказал
куда в более тяжелом положении,
ческом острове Хуана Фернандес
полного одиночества не погасили
сломили дух. Подвиг Якова Мыньк
тый в наши дни, восхищал не толь

М. ЗАЛЕССКИЙ

СЕКРЕТЫ РОСТА

МОЖНО ЛИ СТАТЬ ВЫШЕ НА НЕСКОЛЬКО САНТИМЕТРОВ ЗА ОДИН ЧАС?

Ты, наверное, думаешь, что от тебя ждут ответа вроде: «Можно, если встать на цыпочки или если надеть туфли на высоких каблуках». Ошибаешься. Вопрос вполне серьезный, и врачи-специалисты дают на него утвердительный ответ: «Можно!»

Представь, что ты вошел в кабинет врача и, встав под ростомер, определил длину своего тела, то есть свой рост, например, 157 сантиметров. После этого доктор предложил тебе сделать легкую разминку, как во время утренней гимнастики (ходьба на месте, наклоны, приседания), чтобы разогреть мышцы и увеличить подвижность суставов. Затем под его руководством ты выполняешь специальный комплекс физических упражнений. Закончив последнее упражнение, ты снова встаешь под ростомер и глазам своим не веришь: он показывает 160 сантиметров!

За каких-нибудь 30 минут ты стал выше на целых 3 сантиметра! Чудо? Вовсе нет, реальность, о которой охотно расскажут многие пациенты, побывавшие на приеме у врачей-ортопедов, то есть врачей, занимающихся исправлением различных нарушений фигуры человека.

В чем тут дело? Как это получается? На сколько сантиметров можно вот так сразу удлиниться и сохраняется ли потом эта прибавка в росте?

Начнем с того, что рост человека на протяжении суток меняется: утром он на 1—2, а то и на 3 сантиметра выше, чем вечером. Связано это в основном с формой позвоночника, который даже у самого стройного человека представляет собой не вертикальный столб, а слегка изогнутый: вперед, назад и снова вперед. Величина изгибов может увеличиваться и уменьшаться,— позвоночник как бы «складывается» и распрямляется. Утром, когда мы полны сил, находимся в хорошем тонусе, позвоночник распрямлен, и поэтому наш рост максимальный. Днем и особенно к вечеру накапливается усталость, позвоночник оседает, «складывается», и рост уменьшается на 1, 2, 3 сантиметра.

Еще сильнее может изменяться рост у сутулых людей. Некоторые из них так горбятся, что становятся «ниже себя» на 5—7 и даже на 10 сантиметров. Но стоит им расправить плечи, приосаниться, глядишь, они уже выше на полголовы. Но и это еще не предел...

Американский цирковой артист Франк Виллард на протяжении многих лет демонстрировал такой удивительный номер. На манеж выходил обычный человек среднего роста. А затем прямо на глазах ошеломленной публики его рост начинал быстро увеличиваться. За несколько минут Виллард становился выше на 20 сантиметров! Чтобы понять это удивительное явление, ученые сделали рентгеновские снимки артиста прямо во время номера. И вот что установили.

Формой позвоночника управляют две противоположно работающие группы мышц: одни стараются его согнуть, другие — выпрямить. В зависимости от того, какие мышцы в данный момент человек сильнее напрягает, его позвоночник либо сгибается, либо распрямляется. Это примерно так же, как происходит при сгибании и разгибании рук, ног, головы, когда мы напрягаем соответствующие мышцы. Мастерство Вилларда состояло в том, что, когда он только появлялся на арене, он максимально напрягал «сгибающие» мышцы, то есть «складывал» позвоночник, уменьшая тем самым свой рост. При выполнении же номера артист постепенно расслаблял сгибающие мышцы и максимально напрягал «распрямляющие», делая позвоночник почти прямым. Именно поэтому он умудрялся «вырастать» за несколько минут на целую голову.

Вернемся на прием к врачу-ортопеду. С помощью специально подобранных упражнений он, с одной стороны, добивается расслабления «сгибающих» мышц позвоночника, а с другой — напряжения «распрямляющих» его мышц у пациента. В результате, как ты уже знаешь, позвоночник становится прямее и рост увеличивается, о чем и сообщает бесстрастный ростомер.

Итак, эффект налицо. Правда, эффект кратковременный, всего на несколько минут. Но, оказывается,

ВТОРОЕ ЗАНЯТИЕ

есть комплексы упражнений, которые при регулярном их выполнении позволяют не на несколько минут, а на всю жизнь сохранить прибавку в росте, и не только ее...

Морских офицеров времен парусного флота наше воображение рисует всегда стройными, подтянутыми, с отличной выправкой. Это не случайно. Открытое море было неласково к парусным судам — их швыряло из стороны в сторону, как щепки, волны перекатывались через борт, палуба «ходила» у людей под ногами. Но, несмотря ни на что, офицеры твердо стояли на своих постах и вели корабли по курсу.

«Все так и было, однако какое это имеет отношение к тому, о чем мы говорим?» — можешь ты спросить.

Отношение самое прямое. Чтобы твердо стоять на ногах в бушующем море, капитаны прижимались спиной к мачтам, как бы «припечатывались» к ним. А что в результате? Спина становилась ровной, как струна, плечи и грудь расправлялись, и получалась та самая знаменитая «морская» осанка, которая у настоящих «морских волков» остается навсегда.

Но ведь хорошая осанка, прямая спина — это одновременно, как ты уже догадался, и увеличение роста! Между ними действительно существует неразрывная связь, так как в основе и того, и другого — тренировка силы «распрямляющих» мышц позвоночника под воздействием физических упражнений. С комплексом таких упражнений, позволяющих «подрасти» за счет улучшения осанки, я и хочу тебя познакомить.

Выполнять их можно в любое время, но не раньше чем через 1,5 часа после еды и не меньше чем за 1,5 часа до сна. В первый месяц занятий рекомендую каждое упражнение выполнять от трех до пяти раз, затрачивая на весь комплекс 12—15 минут. Постепенно число повторов можно увеличить до 10—12, а время занятий — до 25—30 минут. Дыхание по возможности равномерное. Начинать с легкой разминки — 3—5 минут.

Рисунки Е. ДВОСКИНОЙ.

ЗАВИСИМОСТЬ ВЕЛИЧИНЫ РОСТА ОТ ИЗОГНУТОСТИ ПОЗВОНОЧНИКА:

1. Позвоночник «складывается», рост уменьшается, возникает сутулость.
2. Позвоночник в обычном состоянии, осанка нормальная.
3. Позвоночник распрямлен, рост увеличивается, осанка хорошая.

Упр. 1. Пытайся «охватить» выступающий угол лопатками.

Упр. 2. Попытайся на цыпочках «дотянуться».

Упр. 3. Прыжки с касанием поперечной планки руками.

Упр. 4. Свободный вис на перекладине.

Упр. 5. Коснуться пальцами стены.

Упр. 6. Зажать палку локтями, выгнуться и делать повороты вправо-влево.

Упр. 7. Глядя на палку над головой, наклоны вправо-влево.

Упр. 8. Рывковые движения руками перед грудью и в стороны с поворотом туловища вправо-влево.

Упр. 9. Максимально пытаться поднять туловище от земли.

Упр. 10. Круговые движения руками.

ПЕРЕВОД ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ

Вилли БРАЙНХОЛЬСТ

ЗАДАЧКА

В деревенской школе, где я провел годы ученья, мы занимались в основном тем, что пекли яблоки в печке. Сейчас мне приходится за это расплачиваться. Пока Бенни ходил в первый и во второй класс, было еще терпимо, поскольку задачки ему задавали относительно легкие. Теперь дело куда серьезней. Что вы скажете, например, о такой задачке: «Фру Енсен купила 2 кг говядины и 1,5 кг свинины, заплатив в общей сложности 12.50. Сколько стоит килограмм того и другого, если известно, что килограмм свинины в два раза дороже говядины?»

— Глупость какая-то,— сказал Бенни и сунул мне карандаш.

— Чего ж тут трудного? — сказал я.— Умножь цену говядины на два и получишь цену свинины.

— А сколько стоит говядина?

— Половину того, что свинина.

— Ну, а свинина сколько?

— Вот это ты и должен найти.

— А я не могу. Придется тебе решать.

Я возился с задачей целый час. Задумавшись, я случайно бросил взгляд на улицу. Ларсен, мой сосед, копался в своем палисаднике. Я вышел и заговорил с ним.

— Ты человек умный,— сказал я.— Вот, слушай. Если фру Енсен купила два килограмма говядины и полтора килограмма свинины за двенадцать пятьдесят, то сколько стоит...

— За двенадцать пятьдесят? — оживился Ларсен.— Вот дешево! Где она нашла такие цены?

— Это задача. Слушай еще раз. Если фру Енсен купила...

— Какая это фру Енсен?

Ларсен позвал свою жену.

— Ты сколько платила за свинину в субботу?

— Восемнадцать пятьдесят кило.

— Не может быть,— возразил я.— Согласно «Учебнику арифметики для реальных школ» два килограмма говядины и полтора килограмма свинины стоят двенадцать пятьдесят.

Фру Ларсен побагровела от гнева.

— Значит, меня надувают в магазинах?

— Успокойся, Ольга. Это он для фру Енсен подсчитывает.

— Для какой еще фру Енсен?

— Не говорит. А она купила свинину по двенадцать с полтиной кило.

— Да нет,— вмешался я,— это не за килограмм платила. Мне как раз и нужно узнать, сколько стоит килограмм.

— Я же сказала, что в субботу стоил восемнадцать пятьдесят. Была, правда, свинина и по восемнадцать двадцать пять, но та хуже. А что, у Енсенов гости?

— У каких Енсенов? — не понял я.

— Ну, у этих, из дома девять. Разве вы не о них говорите?

Я сдался. Не знаю, в какой школе учился Ларсен. На уроках арифметики они пекли, наверное, очень много яблок.

Перевел с датского Ю. ПОСПЕЛОВ.

(Печатается с сокращением).

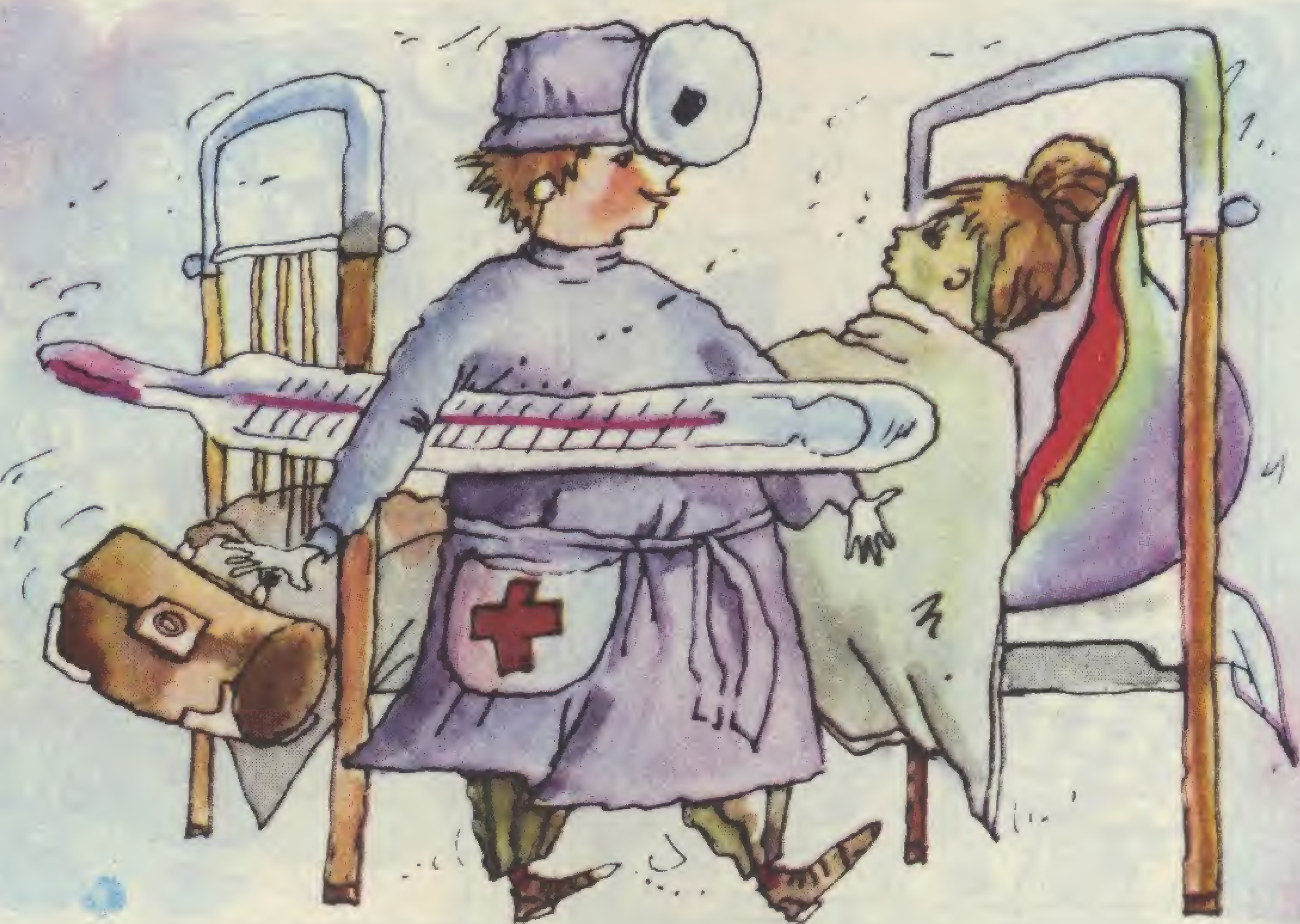

ПРО МАЛЬЧИКА ЛЁШУ

Сергей СЕДОВ

ИСТОРИЯ ШЕСТАЯ

Заболела как-то Алешина мама — хотела позвать врача, но врач тоже заболел. Тогда Алеша превратился во врача и пришел к маме. «Здравствуйте,— говорит,— я врач, а что у вас болит?» «У меня болят голова и горло,— грустно сказала мама,— а еще у меня высокая температура». «Так,— сказал Алеша,— гм, понятно, это у вас на нервной почве, и еще грипп сейчас ходит, скажите: Ааа». Алеша, как опытный врач, сразу увидел, что маме нужен постельный режим, горчичники и таблетки, чтобы сбить температуру. Но он знал, что мама этого не любит, тогда он сказал: «Я, Лидия Викторовна, скажу вашему сыну Алеше, чтобы он внимательно проследил за всеми процедурами и чтобы режим вы выполняли строго! А если нет, он мне все расскажет, и я накажу вас — пропишу вам самую горькую в мире микстуру». Мама испугалась и стала делать все, как сказал врач, и быстро выздоровела.

СТИШОК

Андрей УСАЧЕВ

СНЫ ПЕТУШКОВА

Иван Петрович Петушков
Однажды лег в постель,
Уснул и увидал горшок,
А в нем — густой кисель.

Хорош обед, да ложки нет!
Иван скорее встал,
Взял ложку, снова лег
в постель...
А сон с горшком пропал.

Опять заснул Иван. Глядит:
В кустах сидит русак!
Отличнейший русак сидит,
А не достать никак.

Иван, конечно же, смекнул.
Вскочил, ружье схватил,
Под одеяло с ним нырнул...
А зайца след простыл.

И в третий раз заснул Иван.
Глядит: пред ним река,
А по реке плывет пред ним
Огромная треска.

— Ах, я тебя! — вскричал Иван
И с ходу в речку —
ТРРАХХ!
И очутился на полу
С будильником в зубах.

* * *

Иван Петрович с той поры
Не верит больше снам
И перед сном получше есть
Рекомендует нам.

— Друзья! — твердит он.— Коль
у вас
Есть добрая еда,
Вам не приснится никогда
Такая ерунда!

Рисунки А. МАРТЫНОВА.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПРИЁМЧИК

Григорий ОСТЕР

* * *

Если вы окно разбили,
Не спешите признаваться,
Подождите — не начнется ль
Вдруг гражданская война.
Артиллерия ударит.
Стекла вылетят повсюду,
И никто ругать не станет
За разбитое окно.

АБЗАЦ

НОВОЕ ПРАВИЛО

Двоечники Сизов, Комаров, Синицын и другие своим примером доказали, что исключение в 117-й школе вполне может стать правилом.

БЕЗ МОРАЛИ

Ученик 5 «Б» Мишкин выучил только первую часть басни, потому что не хотел других читать морали.

ВАЖНОЕ ОТКРЫТИЕ

Петькин посмотрел на Луну в микроскоп и обнаружил там микробов.

Следствие ведет Колобок

В доме никого не оказалось. В воздухе летала пыль. Тихо тикали часы, да мирно жужжали мухи. Ни преступников, ни Крестикова-Ноликова, и, главное, никаких следов. На всякий случай Колобок решил проверить подвал.

Судя по обстановке, здесь держали изобретателя.

Едва Колобок расшифровал послание Крестикова-Ноликова, как...

Капитан наотрез отказался распаковывать ящики, в которых находился террариум. Но у Колобка было предчувствие.

После этого капитан сознался и указал каюту. Колобок провозился с дверью 3 минуты. Этого оказалось достаточно!..

Булочкин попытался выбраться из сарая, в который его заперли, но бесполезно. В карманах, кроме ключей от машины и меди, ничего не было. А соленым огурцом дверь не откроешь. Связаться с шефом он не мог, так как преступники предусмотрительно выпотрошили из передатчика элементы питания. И тут ему в голову пришла блестящая идея!..

Услышав слабые позывные передатчика Булочкина, Колобок устремился на звук. Через 15 минут Булочкин был на свободе...

Утром они уже были в порту. Все суда готовились в этот день к отплытию. Времени оставалось мало. Но Колобок на глаз определил, с какого парохода нужно начинать досмотр.

1. Каким образом Булочкин заставил, хотя и слабо, работать рацию? — 5 блинчиков.
2. Что прочел Колобок на шахматной доске? — 3 блинчика.
3. Из-за какого промаха Колобок и Булочкин едва не взлетели на воздух? — 2 блинчика.
4. Какой пароход первым, по всей вероятности, выходил из порта? — 2 блинчика.
5. Как вычислил Колобок, где находится Крестиков-Ноликов? — 4 блинчика.

Рисунки В. ШКАРБАНА.

Содержание

«Хочу знать правду обо всем!» ... 1
Кто герой? ... 2
«Вперед».— Юнкоровская газета ... 5
«Взгляд».— Приложение к газете «Вперед» ... 9
Выстрел с монитора. — Повесть В. Крапивина. Окончание первой части ... 12
Приглашение. Драчун. Не так. Куда растут деревья? Окно. — Стихи Л. Яхнина ... 24
«Я б хотел никогда не писать о войне...» — Итоги конкурса ... 26
Узел связи ... 28
Зеленая карета ... 29
Год хорошего ребенка. — Комическая повесть Элс де Грун и Э. Успенского. Окончание ... 32
Яблоки и груши. — Стихотворение С. Седова. **Я почему-то знаю!** — Стихотворение Д. Телевицкой ... 43
Писатели нашего детства ... 44
В один прекрасный день...— Рассказ А. Азимова ... 46
Кораблик ... 52
Робинзоны.— В. Федоров ... 53
Календарь-закладка ... 57
«Пионер»ский спортзал ... 58
Сатирикончик ... 60
Следствие ведет Колобок ... 62
Домовенок и компания ... 64
Золотая Молния. — Конкурс. Фотоколлаж А. Крупникова ... IV обл.

На обложке:
«Дагестанский танец».— Рисунок Т. Тамадаева, 14 лет.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 05.09.88.
Подписано к печати 20.09.88. А 11783. Формат 60×84⅛.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,16. Тираж 1 630 000 экз. Заказ № 3067.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Домовёнок и компания

Ведет А. ЧЕРНЯХОВСКАЯ.

— НУ и НУ!

ВЗДОХНУЛ ДОМОВЕНОК, ОТКРЫВАЯ ДВЕРЦЫ ШКАФА.— ЗИМА УЖЕ НА НОСУ. НОВЫЙ ГОД СКОРО. И РЕБЯТА В ПИСЬМАХ СПРАШИВАЮТ: ЧТО МОДНО ЭТОЙ ЗИМОЙ, КАК СВЯЗАТЬ КРАСНЫЙ СВИТЕР, ЧТО БЫ ПОИНТЕРЕСНЕЕ ПРИДУМАТЬ К НОВОГОДНЕМУ БАЛУ? ПОЗВОНЮ-КА Я СВОЕЙ ЗНАКОМОЙ ЖУРНАЛИСТКЕ ОЛЬГЕ ШУМЯЦКОЙ, ПОПРОШУ ЕЕ СЪЕЗДИТЬ В ДОМ МОДЕЛЕЙ, ОТВЕЗТИ ТУДА ПИСЬМА РЕБЯТ И УЗНАТЬ ОТВЕТЫ НА ВСЕ ИХ ВОПРОСЫ О МОДЕ.

СВОЙ СТИЛЬ — ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

Так начался разговор с искусствоведом Общесоюзного Дома моделей одежды Варварой Сергеевной НЕКРАСОВОЙ.

А действительно, так ли уж важно следовать моде «слово в слово», стремиться буквально копировать журнальные образцы, непременно приобретать «варенки» «как у Пети», мини-юбку «как у Лены»?.. Тот, кто слепо следует моде, рискует выглядеть смешным. Ведь может случиться так, что модная мини-юбка подчеркивает не слишком красивые и стройные ноги, а чрезмерно открытая на спине блузка — выступающие лопатки и сутулую спину. Умение со вкусом одеваться приходит не сразу, надо непременно найти свой собственный стиль. Все мы очень разные и внешне, и по характеру, и по образу жизни. И все это должно отражаться в нашей манере одеваться. Согласитесь, трудно себе представить, чтобы девочка спортивного склада, любящая турпоходы и путешествия, надела романтическое платье с оборками, а не брюки и куртку! Конечно, это не значит, что ей вообще не надо иметь нарядное платье. Но, может быть, лучше выбрать красивую блузку и носить ее с привычными джинсами или юбкой спортивного стиля? Не надо бояться пробовать самые невероятные сочетания в одежде — романтическую блузку и брюки или, напротив, строгий джемпер и пышную юбку с воланами из яркой ткани с набивным рисунком. Вариантов может быть множество, и в любой ситуации вашим главным советчиком должно стать зеркало. Именно оно подскажет, что вам больше идет — какие цвета, объемы, пропорции, формы.

ГЛАВНОЕ — ДОПОЛНЕНИЯ!

Быть модно и со вкусом одетым — это вовсе не значит иметь полный шкаф нарядов. Даже из обычных, имеющихся в продаже вещей можно создать прекрасный ансамбль, если умело их соединить и правильно использовать дополнения.

Особенно это касается зимней одежды. Ее мы почти всегда покупаем в магазине, а выбор там не очень велик. Да и носим зимнее пальто и шубы по нескольку лет. Вот тогда дополнения начинают играть главную роль. Стандартное пальто или шубу из искусственного меха можно значительно изменить, если связать к ним комплект из шарфа, шапки и варежек. Рисунок выбирайте по своему вкусу, но помните: к пальто из клетчатой ткани лучше выбрать однотонную пряжу, близкую или контрастную по цвету. А вот вязка может быть рельефной: косы, плетенка, «шишечки». К гладкому пальто подойдет комплект с пестровязаным рисунком или вышивкой. Можете связать его из всех остатков шерсти, какие есть в доме, так, чтобы ни разу не повторялся один и тот же цвет. Пока еще не наступили холода или к весне свяжите модные перчатки без пальцев, так называемые «митенки», и шарф-хомут. Сделать его очень просто: свяжите полосу шириной 50 и длиной 150 см, оба конца соедините трикотажным швом — получится кольцо. Наденьте его на голову, затем оберните вокруг шеи, как бусы. Готовы шарф и шапка одновременно!

В трикотажной одежде по-прежнему популярен свободный покрой, разве что объемы стали чуточку меньше. Длинный, широкий свитер в этом году можно дополнить не брюками, а облегающими рейтузами (см. чертеж), а по гладкой поверхности свитера сделать аппликацию из остатков кожи, замши, меха, блесток и бусинок. В дело можно пустить что угодно. Все зависит от ваших рук и фантазии.

ВЫ ПОЕДЕТЕ НА БАЛ?

Уверена, что поедете. Только вот вопрос: в чем? Подумайте о своем новогоднем костюме заранее и не бойтесь выдумывать и изобретать, только не оставляйте шитье на последний день.

Для Нового года необязательно шить специальное платье. Подойдет и обычный наряд. Но его можно изменить до неузнаваемости. Приколите к плечу яркий бант из парчи или блестящий эполет, не забудьте брошку. Пришейте цветные бусинки, блестящий дождик, мишуру. Неплохо будет выглядеть юбка-баллон, о которой мы говорили летом, если прикрепить к ней множество разноцветных бантиков и бусинок. Но помните, какое бы платье вы ни надели, самое главное — это хорошее, праздничное настроение. Не ждите, когда оно придет, создайте его сами. Ну, например... устройте маскарад: нарисуйте на лице и руках цветы, на одной щеке — солнце, на другой — месяц и звезды. Еще раз повторю: не бойтесь своей фантазии!

Рисунки К. ЗОРИКОЕВОЙ.

ЗОЛОТАЯ МОЛНИЯ

Вячеслав ЗАЙЦЕВ: «Буду рад, если среди читателей «Пионера» у меня появятся конкуренты!»

КОНКУРС, ПОДСКАЗАННЫЙ НЕДОВОЛЬНЫМ ЧИТАТЕЛЕМ

Чем же был он недоволен? Тем, что наш журнал, как он считает, мало помогает ребятам следить за модой. «Для начала проверим их вкус»,— подсказал нам известный модельер Вячеслав ЗАЙЦЕВ, обещая в награду свой (пока тайна!) приз. Итак, бери краски, фломастеры, можно и цветную бумагу. Перед тобой два силуэта. Лучше, если ты не станешь их вырезать из журнала (не порть его, пожалуйста), а вырежешь такие же из картона или бумаги и... оденешь по своему вкусу. Модели рисуй отчетливо, чтобы был ясен покрой, видна отделка. Раскрась их или выполни в аппликации. В выборе стиля — полная свобода: хочешь, пусть это будет рок- или панк-стиль, или стиль ретро, стиль спортивный, классический, деловой, или вообще... твой собственный! Предлагаем придумать три комплекта:

ТЫ
- ИДЕШЬ НА ДИСКОТЕКУ.
- ИДЕШЬ К ДРУЗЬЯМ.
- ДОМА.

Выбери из этих предложений любые, а если хочешь, добавь свои: одежда «для взрослых гостей», для театра, похода, свидания... Ситуация любая, а рассмотрим мы из всех тобой присланных вариантов три наиболее удачных. На конверте напиши: «Конкурс Золотая молния». Приз Зайцева ждет вас!

Цена 30 коп. Индекс 70694.